

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2011

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Журнал награждён дипломом

**V Международного конкурса «Университетская книга — 2010»
в номинации «Лучшее вузовское периодическое издание»**

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2011

© ФГБОУ ВПО «Ивановский

государственный университет», 2011

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ПМ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2011

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

***The journal is awarded the diploma
of the Vth International contest «University Book — 2010»
in the nomination «The best university periodical»***

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2011
© Ivanovo State University, 2011

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий (Щуров)**, Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Каццола П.* Гарибальди и Мадзини в воспоминаниях Герцена (Перевод *Н. В. Ревякиной*) 9
- Аржаных Т. Ф.* Отечественная интеллигенция 1830—50-х годов: особенности социального статуса и поведенческой парадигмы 15
- Смирнова О. А.* «Собрание экономистов» как опыт социальной активности научной интеллигенции в России на рубеже XIX—XX столетий 26
- Волков В. С.* Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов 34
- Кузьмина В. М.* Формы участия творческой интеллигенции в социально-экономической жизни советского общества на этапе форсированной индустриальной модернизации 63
- Комиссаров В. В.* Интеллигенция и фантастика под партийно-идеологическим контролем в 1960—80-е годы 78

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Уваров И. А.* Рождение военной интеллигенции России (Пажеский корпус) 89

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Костриков С. П.* П. И. Шелков — организатор коммерческого и управленческого образования 101

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Волкова Т. И.* Роль земской либеральной интеллигенции в изменении исторического облика российской провинции 109
- Костякова Ю. Б.* Вклад советской интеллигенции в формирование лидеров общественного мнения в 1930-е годы (на примере Хакасии) 117

<i>Федотов А. А.</i> Роль научной интеллигенции в формировании гражданского общества в современной России (на примере Ивановской области)	135
---	-----

ДИСКУССИЯ

<i>Ишимская Е. В.</i> Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции	141
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Калинин А. К.</i> Интеллигентоведение и проблемы гуманитаризации образования	156
---	-----

<i>Аннотации</i>	160
------------------------	-----

<i>Информация для авторов</i>	168
-------------------------------------	-----

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Kazzola P.* To the 150th anniversary of Italy unification. Garibaldi and Mazzini in Herzen's memoirs (Translation by *N. V. Revyakina*) 9
- Arzhanyh T. F.* Russian intelligentsia of 1830—50-s: peculiarities of social status and behavioral paradigm 15
- Smirnova O. A.* «Meeting of economists» as an experience of social activity of scientific intelligentsia in Russia in the end of the 19th — beginning of the 20th centuries 26
- Volkov V. S.* Discussions of the problems of education and the destinies of their teachers-participants in the 1920-s 34
- Kuzmina V. M.* Forms of creative intelligentsia's participation in social-economic life of the Soviet society in the period of the forced industrial modernization 63
- Komissarov V. V.* Intelligentsia and science fiction under the Party ideological control in the 1960—80s 78

FROM THE HISTORY OF MILITARY INTELLIGENTSIA

- Uvarov I. A.* Appearance of military intelligentsia in Russia (Page block) 89

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kostrikov S. P.* P. I. Shelkov — organizer of commercial and managerial education 101

THE ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Volkova T. I.* The role of liberal intelligentsia of zemstvo in the change of historical image of Russian province 109
- Kostyakova Yu. B.* The contribution of the Soviet intelligentsia to the formation of the public opinion leaders in the 1930s (by the example of Khakas region) 117

<i>Fedotov A. A.</i> The role of scientific intelligentsia in the formation of civil society in present-day Russia (by the example of Ivanovo region)	135
---	------------

DISCUSSION

<i>Ishimskaya E. V.</i> Substantial basis of contemporary discourse of intelligentsia	141
---	------------

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kalinin A. K.</i> Intelligentsia studies and problems of educational humanitarization	156
--	------------

<i>Annotations</i>	164
--------------------------	------------

<i>Information for authors</i>	168
--------------------------------------	------------

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(4Ита)52

П. Каццола

ГАРИБАЛЬДИ И МАДЗИНИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ГЕРЦЕНА*

Если есть иностранный писатель, который имеет право на наше признание из-за любви, которую он всегда проявлял к делу итальянского единства и к его великим героям, некоторых из коих он близко знал, то это Александр Герцен, публицист и человек русского образа мыслей. После стольких лет ссылки на родине он выбрал путь изгнания, чтобы продолжать за границей свою активную пропаганду прогрессивных идей с помощью двух журналов — «Колокол» и «Полярная звезда», основанных

© Каццола П., 2011

© Ревякина Н. В., перевод на русский язык, 2011

* *Статья написана к 150-летию объединения Италии.*

Каццола Пьеро — видный итальянский ученый, один из ведущих специалистов в области истории русско-итальянских отношений, бывший профессор Болонского университета. В настоящее время находится на пенсии.

Ревякина Нина Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета. rev85@mail.ru

им в Лондоне и тайно проникавших в Россию, которые оказывали огромное влияние на поколение 1860-х годов, поколение столь долгожданных реформ.

Поэтому нам кажется, что не лишено интереса напомнить читателям о некоторых не очень известных страницах из его глубоко биографической работы «Былое и думы», написанной, по словам Тургенева, «со слезами и кровью», в которой Герцен описывает свои встречи с руководителями национально-освободительного движения за объединение Италии Джузеппе Гарибальди и Джузеппе Мадзини.

Год 1854. В Лондоне бросил якорь в вест-индских доках корабль Гарибальди «Commonwealth», прибывший из Бостона, и когда Феличе Орсини¹ привел на борт Герцена, то Гарибальди, в своем толстом пальто, шарфе яркого цвета на шее и фуражке на голове, показался ему скорее добродушным морским волком, чем славным предводителем римских волонтеров. Простота манер, сердечность обращения, отсутствие всякого высокомерия быстро располагали в его пользу. Он возглавлял экипаж, сформированный почти целиком из итальянцев, которые его обожали и гордились им. Поэтому, когда Герцен был приглашен в каюту командира закусить устрицами из южной Америки, сухофруктами и портвейном, замененным затем вином из Ниццы, и речь зашла о событиях 49 года и его отношениях с Мадзини (они несколько испортились, так как Гарибальди был против всякой попытки восстания, которую, будучи реалистом по духу, он считал обреченной на неудачу), с уст Герцена сорвались страстные слова зависти к той свободной жизни и искреннее восхищение тем, что среди всех эмигрантов Гарибальди сделал наилучший выбор. «А кто им не велит сделать то же?» — сказал командир в ответ, добавив, что это был его любимый сон: эмиграция, плывущая по океану со многими, кто любил его и повсюду следовал бы за ним, матросы, офицеры, рабочие, которые отправились бы с ним на трех, четырех, пяти кораблях, таких как Commonwealth; потому что только так не привыкали бы к рабству в Европе, не просили милостыни у Англии и даже не переселялись на «новую родину», забыв о древней, — в Америку — с другими людьми, с другими интересами — вплоть до «выпадения из рядов»².

«Что же лучше, как собраться в кучку около нескольких мачт и носиться по океану, закаляя себя в суровой жизни моряков, в борьбе со стихиями, с опасностью? Плавающая революция, готовая пристать к тому или другому берегу, независимая и недосыгаемая!»³ Так говорил Гарибальди Герцену, которого это поразило и взволновало, казалось, что в Гарибальди он распознает как бы нового Энея, которому другой Вергилий, будь эти времена менее прозаическими, мог бы спеть свое «arma virumque capo»⁴.

Но здесь не закончилась эта исключительная беседа, так как Гарибальди, приняв приглашение Герцена провести ночь в его доме (после бурного вечера, проведенного с Мадзини у друзей, в ходе которого он читал статью из «Italia del Popolo», снова разжегшую разногласия между республиканцами и пьемонтскими либералами), находясь с глазу на глаз с Герценом, высказался откровенно: «Как мне жаль, как мне бесконечно жаль, что Пеппо [Джузеппе] так увлекается и с благороднейшим, чистейшим намерением делает ошибки». И добавил: «Он тешится тем, что выучил своих учеников дразнить Пиемонт. Ну что же, если король бросится совсем в реакцию, свободное слово итальянское смолкнет в Италии и последняя опора пропадет. Республика! Я всегда был республиканец, всю жизнь, да дело теперь не в республике. Массы итальянские я знаю лучше Мадзини, я жил с ними, их жизнью. Мадзини знает Италию образованную и владеет ее умами; но войска, чтоб выгнать австрийцев и папу, из них не составишь; для массы, для народа итальянского одно знамя и есть — *единство и изгнание иноземцев*. А как же достигнуть этого, опрокидывая на себя единственно сильное королевство в Италии, которое, из каких бы причин ни было, хочет стать за Италию и боится; вместо того, чтоб его звать к себе, его толкают прочь и обижают. В тот день, в который *молодой человек* (король Виктор Эмануил⁵) поверит, что он ближе к эрцгерцогам, чем к нам, судьбы Италии затормозятся на поколение или на два»⁶.

Эти острые размышления Гарибальди, возможно, для нас, потомков, немного непривычны; с ними Герцен в основном соглашался, признавая, что Мадзини всегда жил в обществах (giunte) карбонариев⁷, в кругах преследуемых республиканцев и либеральных писателей, посещал как греческие гетерии⁸, так и

испанских радикалов, польских демократов, заговорщиков, истинных и мнимых во всей Европе, но, подобно русскому средневековому монаху, он знал глубоко только некоторые стороны жизни, другие он творил, живя мыслью и страстью, но не в дневном свете. Гарибальди, напротив, согласно Герцену, имел совсем другие контакты с народом, этим «единственным истолкователем божественного закона», «с этой густой толщей, идущей до грунта, т. е. до полей и плуга, до диких калабрийских пастухов, до факинов и лодочников» и не только в Италии, но и везде, и он понимал его силу и слабость, боль и радость; он увидел это на своих полях сражений, как и в океане в шторм, и умел стать из-за этого легендой. Так что «они верили в него больше, чем в его покровителя св. Джузеппе»⁹.

И когда Гарибальди отбыл со своим кораблем, чтобы идти в Ньюкастл «запастись углем» и затем направиться к Средиземному морю, при прощании с Герценом его словами были: «Я ухожу с тяжелым сердцем; я на Мадзини не имею влияния, и он опять предпримет что-нибудь до срока!»¹⁰ История признала его правоту и все последующие попытки Мадзини были весьма благородными, но бесполезными предприятиями, вызвавшими жестокую реакцию.

Потом пришел год 59-й, 60-й, Тысяча [Гарибальди]¹¹, и снова Герцен замечает, как «все эти события раздвинули берега», как «личности и партии уяснились», как за дымом пушек появлялись и исчезали любимые лица, и, наконец, когда туман рассеялся, он мог с радостью установить, что все дорогие ему головы целы.

И среди них, даже среди насмешек, нападок и проклятий, он различает высочайшую голову Мадзини, «неколебимого пред общим заблуждением»... и благословляющего друзей и врагов, «исполнявших *его* мысль, *его* план». И рядом Гарибальди, «народный полководец, чистый как отрок», «нигде ни риторики, ни декораций, ни дипломаций — в эпоху они были не нужны», и «когда она кончилась и началось продолжение календаря, тогда король отпустил его, как отпускают довезшего ящика»¹². Гарибальди не рассердился, но «улыбаясь с 50-ю скудами в кармане, вышел из дворцов стран, покоренных им, предоставляя дворовым

учитывать его расходы и рассуждать о том, что он испортил шкуру медведя», только утешая себя идеей, что половина великого предприятия сделана¹³.

Действительно, добавляет Герцен, Гарибальди увлекался людьми, и Александром Дюма, который в Неаполе хотел быть его бардом, и Виктором Эмануилом, «неделикатность короля огорчает его», но «король это знает, и чтоб задобрить его, посылает фазанов, собственноручно убитых, цветы из своего сада и любовные записки, подписанные: “Всегда твой друг Виктор”».

Для Мадзини иначе, люди для него не существуют, существует только дело; «он сам существует “живет и движется” только в нем»: «сколько ни посылай ему король фазанов и цветов, он его не тронет»; «он сохранил цельным упорство и терпение, с которым создал из разбросанных людей и неясных стремлений плотную партию и... вызвал Гарибальди и его войско, полсвободной Италии и живую непреложную надежду на ее единство»¹⁴.

Таковы живые и своеобразные заметки Герцена о знаменательных годах нашего Рисорджименто и его героях.

Примечания

¹ Феличе Орсини — горячий приверженец Джузеппе Мадзини. Как и другие республиканцы, был изгнанником, находившимся в этот момент в Лондоне. После неудачного покушения в 1858 г. на жизнь Наполеона III был осужден на смерть и казнен.

² Герцен А. И. Былое и думы : в 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 246.

³ Там же.

⁴ Начало поэмы Вергилия «Энеида» — *Arma virumquecano* (Воспою оружие и мужа...). Стоит вспомнить, что гарибальдийская эпопея не имела Вергилия, но она может гордиться своими героями — писателями и поэтами-солдатами, такими как Абба, Ниево, Банди и др. Самого Гарибальди можно назвать «генералом» и героем двух миров: после подавления восстания 1834 г. (Гарибальди был заочно приговорен к смертной казни) он отправился в Латинскую Америку, где 8 лет во главе партизанских отрядов победоносно сражался за свободу и независимость Риу-Грандской и Уругвайской республик, в ходе борьбы стал искусным полководцем. В 1848 г. возвратился в Италию и возглавил вместе с Мадзини борьбу за единую независимую Италию.

- ⁵ Виктор Эмануил II — король Сардинии и Пьемонта, взошел на трон в 1849 г. после отречения своего отца Карла Альберта и разгрома пьемонтской армии австрийцами при Новаре.
- ⁶ *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 13.
- ⁷ Тайные общества карбонариев, распространенные в 20-е годы XIX в. в Неаполе и Турине, преследовались властями.
- ⁸ Тайные общества в Греции, распространенные в 20-е годы XIX в., имевшие целью освобождение от османского ига, среди их сторонников — Байрон, Санторре ди Сантароза и др., умершие в Греции.
- ⁹ *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 14.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ «Тысяча» — гарибальдийцы («красные рубашки»), которые отправились из Кварто (ок. Генуи) 5 мая 1861 г. для освобождения Юга Италии, находившегося под властью Бурбонов. По сравнению с 1854 г., когда казалось, что все потеряно, события 1860—1861 гг. в корне изменили ситуацию: благодаря победам на полях сражений (Солферино, Сан Мартино), победам «Тысячи» Гарибальди (Калатафими, Палермо, Милаццо, конец власти Бурбонов в Неаполе и последние победоносные батальи при Вольтурно с возвращением Гаэты и Мессины), благодаря также плебисциту в разных государствах Италии в пользу Савойского дома, было достигнуто в 1861 г. единство Италии. Венето и Лаций с Римом удалось включить в состав государства соответственно в 1866 г. и в 1870 г.
- ¹² *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 9.
- ¹³ Вскоре после освобождения Южной Италии в Неаполь прибыл Виктор Эмануил. Гарибальди, которого революционное правительство освобожденного королевства провозгласило «диктатором Обеих Сицилий», сложил с себя диктаторские полномочия и объявил о передаче власти Виктору Эмануилу. Тот отменил вскоре декреты, изданные Гарибальди, и распустил его армию. Гарибальди уехал, призвав волонтеров готовиться к походу за освобождение Рима и Венеции. Избранный новый парламент принял закон об образовании Итальянского государства и 17 марта 1861 г. провозгласил Виктора Эмануила II королем Италии, «Отцом Отечества». Он правил до 1878 г. и умер в уже присоединенном Риме 9 января.
- ¹⁴ *Герцен А. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 10.

Т. Ф. Аржаных

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
1830—50-х ГОДОВ:
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
И ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

Современные исследователи предлагают множество определений интеллигенции. Это можно объяснить сложностью и многогранностью изучаемого феномена, неизбежно меняющегося в условиях исторически обусловленных трансформационных общественных сдвигов. Представления об интеллигенции могут существенно меняться и в зависимости от ее принадлежности к той или иной сфере деятельности, и от выполняемых функций в обществе. К тому же эта социокультурная общность состоит и состояла из людей, которым могут быть присущи взаимоисключающие черты характера.

В самом общем виде, абстрагируясь от нюансов формулировок, различий в терминологии и степени детализированности вопроса, очевидно, что для большинства исследователей приемлемым является следующее определение интеллигенции: самый образованный слой общества, занимающий активную нравственную позицию в жизни. Это общетеоретическое положение разработано у дореволюционных мыслителей: писателя П. Д. Боборыкина¹, философов Г. П. Федотова², С. Л. Франка³, Н. А. Бердяева⁴, историков русской общественной мысли В. О. Ключевского⁵ и М. О. Гершензона⁶, в трудах академика Д. С. Лихачева⁷, источниковеда С. О. Шмидта⁸, зарубежного политолога Р. Пайпса⁹, отечественных историков-культурологов — А. И. Арнольдова¹⁰, М. П. Гаспарова¹¹, И. В. Кондакова¹².

© Аржаных Т. Ф., 2011

Аржаных Татьяна Фёдоровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Ивановского филиала Российского государственного торгово-экономического университета. maler37@mail.ru

Если же говорить об интеллигенции интересующего нас периода («николаевской» эпохи), то по своему социальному статусу она была дворянской. Подкрепить данный вывод можно, сославшись и на дореволюционные исследования¹³, и воспользовавшись (хотя и небесспорными) суждениями советской академической науки о существовании так называемой «реакционной дворянской» (или «помещичьей») и «передовой дворянской» интеллигенции¹⁴.

Впрочем, отдельные «вкрапления» разночинцев в слое дворянской интеллигенции всё же были. Нельзя не сказать о таких ярких фигурах, как критик В. Г. Белинский (который, как известно, был сыном флотского лекаря), редактор — издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой (происходивший из семьи курского купца), писатель и публицист Н. Г. Чернышевский, а также литературный критик Н. А. Добролюбов (оба родились в семьях священников). Но в первой половине XIX века не они определяли общественное мнение, его «колонновожатыми» были представители дворянства.

В «николаевскую» эпоху писательский труд превратился из любительского занятия в профессию, поскольку именно в это время установился обычай платить гонорар. Эта полистная и по-статейная оплата открыла для разночинцев уголок, где первостепенную роль играли не родовой титул или приобретенный чин, а талант и личная заслуга. Правда, разночинцам еще только предстояло обосноваться в «поле» литературы, тогда как дворянское сословие уже к началу XIX века имело определенную культурную традицию и отчетливо выраженный умозрительный идеал, вмещавший в себя представление о лидерстве в общественно-политической жизни страны. Уровень европейского образования у дворянства был наиболее высокий, а после Манифеста 1762 года о вольности, дарованной Екатериной II дворянскому сословию, оно не только получило особый социальный статус, но и возможность осознать свое личностное начало. Жалованная грамота 1785 года не осуждала уклонение от службы, оставляя решение вопроса на усмотрение самого человека. Далеко не все представители привилегированного сословия ощущали потребность в развитии собственной индивидуальности, тем более, что еще «петровская» Табель о рангах в 1722 году в рамках строго

иерархизированной государственной структуры для каждого дворянина определила соответствующую «социальную клетку»: все служилое сословие было разделено на 14 разрядов. Желание выделиться из среды безличностного существования (в государственной иерархии личность не существовала и не проявлялась), возможность совершать выбор относительно самих себя у части дворян появлялись вследствие критического осмысления ими европейского интеллектуального «багажа». В соответствии с существенной своей чертой — потребностью думать, рефлексией — дворянская интеллигенция при достаточно накопленном фонде знаний, почерпнутых ею из западных источников, начинает предъявлять требования и к устройству своего существования — в самом широком смысле этого слова: в психологическом и гражданско-правовом, и к жизни других сословий. Уже в начале XIX века российское самодержавие столкнулось с претензиями части дворянства на устройство гражданского общества (в исторической литературе этот факт известен под названием декабристского восстания 1825 года) и осознало насущную проблему — как ограничить пространство разрешенной независимой политической деятельности.

В условиях полномасштабного государственного и идеологического контроля со стороны самодержавной власти относительно автономной областью проявления личности в свободной самореализации стала сфера культуры. Нельзя сказать, что эта социокультурная ниша была впервые открыта дворянской интеллигенцией лишь в «николаевское» царствование. Область культуры была конституирована ею в качестве среды проявления индивидуальности намного раньше. В немалой степени освоению сферы культуры дворянской личностью способствовала образовательная политика государства, которое вполне благосклонно относилось к творческой деятельности автономных индивидуалистов на поприще распространения ими просвещения в России. Интенсивное развитие культуры в XIX веке и дифференциация ее отраслей шли одновременно с первоначальным идейным размежеванием в среде дворянства.

Наглядно это иллюстрируется историей появления в начале XIX века обществ литературно-философской направленности, которые удовлетворяли не только эстетические наклонности дво-

рян, но и потребность в идейном общении. В 1801 году было основано «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», в 1807 году — «Беседа любителей русского слова», в 1812 году — «Общество любителей словесности, наук и художеств», в 1815 году — «Арзамасское литературное общество безвестных людей», в 1823—1825 годах появился «Кружок архивных юношей», в 1824 году — «Гайное общество любомудров». Литературные вопросы обсуждались в них на широком фоне общих проблем — социальных и философских. По сути, эти объединения апробировали в своей деятельности парламентские формы. Но обнаружившаяся потенция к общественно-политической деятельности не могла получить в условиях гражданской несвободы должного развития. Тем не менее в начале XIX века дворянская интеллигенция уже опробовала различные виды общественной деятельности, приобрела первый опыт выработки оригинальных доктрин эстетического и политического характера, начала осваивать сферу словесного творчества. Так дворянская личность двигалась к самоутверждению в рамках культуры, перерастая государственную социальность.

Тесную смычку между литературой и политикой не смогли установить даже декабристы, хотя их политическое самосознание и программа действий имели высокую степень идеологической зрелости. Дело в том, что литературы как инструмента выражения общественного мнения и средства его формирования в начале XIX века еще не существовало, такую роль литература берет на себя позднее.

Самосознание интеллигенции, которая «пришла на смену» декабристам, отличалось, по крайней мере, двумя существенными моментами:

во-первых, в 1830-х годах в дворянском сословии появился целый слой, который сознательно хотел и стал жить интересами культуры, и это качество сочеталось с активной позицией общественного служения, причем готовность интеллигентов выступать в роли «генераторов» и выразителей суверенно-общественной гражданской мысли осмыслялась ими не в системе служебно-государственной иерархии;

во-вторых, интеллигенция осознала необходимость самовыразиться и заявить о себе как о значимой интеллектуальной

силе. Сфера словесного творчества как нельзя лучше отвечала потребности и неотъемлемому свойству интеллигенции — публичному осмыслению событий. В силу своего творческого характера личность еще является и воплотителем самоорганизующегося процесса. Область словесного творчества служила для интеллигентов объединяющим фактором: устное слово позволяло устанавливать личные социальные контакты, печатное — отдаленные в пространстве и времени. Литература стала сферой общественной самоорганизации для интеллигентов, которые искали единомышленников, людей, близких по духу, и психологически ощущали себя членами такого сообщества. К тому же, невозможность организационного оформления и легального представительства в условиях тотального государственного контроля предопределила направление потока интеллигенции в литературу и образ действий в форме осмысления общественных проблем через призму художественно-философского и публицистического слова.

Но это вовсе не означает, что вся интеллигенция второго тридцатилетия XIX века по своей функциональной принадлежности была литературной. Для многих литераторов сочинительство вовсе не являлось основным видом занятий. Например, известный писатель, философ и общественный деятель В. Ф. Одоевский в Петербурге занимал пост директора Румянцевского музея, а с 1862 года — сенатора в Москве. Поэт М. Ю. Лермонтов числился по военному ведомству, критик и публицист И. С. Аксаков служил в Калужской уголовной палате, а писатель П. А. Вяземский — в министерстве финансов. Подобных примеров немало, и это неудивительно, поскольку основной путь пребывания в дворянстве лежал через службу.

Правило «служить верно» имело для дворянина статус этической ценности, нравственного закона. Несоответствие этому идеалу воспринималось как поведение недостойное, заслуживающее общественного порицания. Мироощущение дворянской интеллигенции определялось положением и ролью в государстве дворянского сословия в целом, и само по себе стремление приносить пользу на государственном поприще под сомнение не ставилось.

Индивидуалисты интеллигентской рефлексии сознательно шли на «приращение» к структуре государственной социальности

(но никогда не поглощались ею полностью), а службу в должности и на месте рассматривали в контексте верности идеалу. Оправданием для личности было служение социальному целому — России. Но это не мешало чиновнику или помещику иметь гражданскую позицию — независимо думать о благе Родины.

Дворянскую интеллигенцию от управленческой бюрократии отличало стремление сохранить при добросовестном исполнении своих служебных обязанностей известную степень «самостоятельности» по отношению к государственной структуре. «Комплекс» интеллигента мог проявляться двояко: либо в нежелании «врасти» в систему, быть структурной единицей в «административно-бюрократической машине» и выполнять утилитарные функции¹⁵, либо в крайностях интроспекции, рефлексии, когда государственной службе противопоставлялась приватная жизнь внутренне независимых людей — подобные глубинные психологические состояния были формой протеста и неприятия нивелирующей личностью официально-казенной действительности¹⁶.

На некоторую суверенизацию в системе автократического государства интеллигент (как личность, стремящаяся сохранить автономию) все же мог надеяться. Хотя гражданское общество де-юре не существовало, де-факто литература, если и не была наделена необходимыми правами гражданственности, то, во всяком случае, претендовала на ту или иную меру самостоятельности. Как отметил американский историк-русист Р. Пайпс, «уже к середине XVIII века литература сделалась первым видом свободной деятельности, которую стало терпеть правительство»¹⁷. Власть, действительно, признавала литературу в качестве феномена новой общеевропейской реальности, но предоставить право данному феномену развиваться самостоятельно не могла. Служебной задачей чиновников стало требование жесткого подчинения сферы словесного творчества правительственным целям.

Цензура являлась наиболее эффективным средством в конкурентной борьбе правительственного мнения с мнением общественным, выразителем которого стали литература и журналистика. В 1826 году был утвержден Цензурный Устав, значительно ограничивавший возможности авторов выражать свои идеи в собственных произведениях. В частности, параграф 151 гласил: «Не позволяется допускать к печатанию места в сочинениях и

переводах, имеющие двойкий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам»¹⁸. Контроль над периодическими изданиями еще более ужесточился после закрытия в 1832 году журнала «Европеец»: было запрещено допускать к изданию новые журналы без «особого Высочайшего разрешения и дабы при испрашивании такого разрешения было предоставляемо Его Величеству подробное изложение предметов, долженствующих входить в состав предполагаемого журнала, и обстоятельные сведения об издателе»¹⁹. Согласно распоряжению Главного Управления Цензуры от 2 января 1833 года, «за три месяца до истечения каждого года все издаваемые в это время периодические издания должны были подвергаться дополнительному общему рассмотрению с целью выявления в них общих неблагонадежных тенденций»²⁰.

В таких условиях часть писателей и публицистов теряла возможность гласно проявлять собственное мнение, а некоторых жизненные обстоятельства вынуждали подвигаться в сторону ангажированного конформизма и становиться всего лишь трансляторами правительственного мнения или идти по линии «гражданской капитуляции». Подобное случилось с редактором «Московского телеграфа» Н. А. Полевым: после закрытия журнала в 1834 году он не только был лишен полномочий на издательскую деятельность, но даже не имел права подписываться своим именем под журнальными публикациями. Став негласным редактором «Северной пчелы» и «Сына Отечества», Н. А. Полевой оказался зависим от «титульных» (официально заявленных) редакторов — Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина и выступал в роли проводника их линии.

Литературой увлекались в том числе видные сановники, занимавшие ключевые посты на государственной службе. Например, Д. Н. Блудов (с 1832 по 1838 год — министр внутренних дел, а с 1839 года — Главноуправляющий II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, председатель департамента законов) сотрудничал со многими литературными кружками своего времени. Поэтическим даром обладал министр юстиции, член Государственного совета И. И. Дмитриев, министр просвещения С. С. Уваров, но для них литературное сочинительство было всего лишь досугом, зато к слову гражданскому, «недисциплинированному» государственная бюрократия относилась с предубеждением и опаской. «Прошедшее России было удивитель-

но, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение»²¹. Формула «вечного онтологического совершенства» России, заключенная главой III Отделения графом А. Х Бенкендорфом в столь пафосную литературную форму, практически не оставляла возможности развития и распространения мыслей, ей противоречивших. В условиях жесткой фильтрации идей, когда в печати могло быть выражено мнение, только вполне соответствующее видам правительства, интеллигентами, на наш взгляд, следует считать активных поборников общественной деятельности вне рамок государственной службы, дерзавших говорить «от себя» и выражать гласно личную гражданскую позицию, которая не всегда совпадала с официальной точкой зрения.

Антонио Грамши показал в своих «Тюремных тетрадах», что существуют две группы интеллигенции — традиционная и органическая. Традиционная включена в историческую преемственность и спаяна корпоративным духом. Таковы уже в древнем мире жрецы, писцы, учителя, врачи и прочие представители интеллектуального труда. Органическую интеллигенцию создает каждая новая социальная группа, стремящаяся к идеологическому господству. В таком случае в состав органической интеллигенции включаются отдельные представители интеллигенции традиционной, но лишь те, кто испытывает потребность влиять на людей, на общественное сознание. Таким образом, для органической интеллигенции характерны идейные устремления, искания, традиционная же способна ограничиться выполнением профессиональных обязанностей²². Подход А. Грамши выглядит убедительно и иллюстрируется естественным разделением российских периодических изданий, существовавших в 1830—50-х годах. «Традиционная» интеллигенция (по А. Грамши) имела журналы, носившие узкоспециализированный характер. Например, в 1833—1834 годах в Петербурге издавался «Педагогический журнал», в 1833—1836 годах в Москве — «Ученые записки императорского университета», существовал музыкальный журнал «Нувеллист» (1840—1916 гг.), «Юридические записки» (1841—1842 гг.), «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840—1841 гг.) и др. А «органическая» интеллигенция стремилась к проблемной постановке вопросов, самостоятельным выво-

дам и оценкам, более согласованным с общественными реалиями. Камерный узкопрофессиональный характер изданий для этих целей был малопригоден. К тому же небольшое число подписчиков и читателей не отвечало потребностям идеологического влияния на общество. Поэтому «органическая» интеллигенция «стягивалась» в те журналы, где имелся отдел литературной критики, определявший общественно-политическое кредо издания. Власть безошибочно распознавала подобные очаги идеологической гласности и держала их под особым контролем. «Москвитянин», «Отечественные записки» находились неоднократно под угрозой закрытия. Особо оговаривались запретные темы для журналистов: в частности, «Современник» не имел права касаться политических вопросов. А если же цензурой выявлялись хоть какие-то намеки на рефлексию по поводу общественных беспорядков, журнал прекращал свое существование. Например, «Европеец» был запрещен на второй книге из-за статьи И. В. Киреевского «Девятнадцатый век», в которой автор позволил себе порассуждать о свободе религиозных и философских представлений в контексте отношения к европейскому просвещению.

Обобщая все вышеизложенные смысловые линии, выстроенные для уяснения социально-политических и культурно-психологических факторов, повлиявших на облик отечественной интеллигенции 1830—50-х годов, отметим следующий момент. Спецификой процесса формирования и становления интеллигенции указанного периода является ее принадлежность и деятельное участие в культурно-системных группах литературной, художественной, научно-философской направленности. Групповая самоидентификация в кружках и салонах как характерная черта поведенческой парадигмы интеллигенции объясняется еще и особенностями мировоззрения российского дворянства. Как наиболее образованный социальный слой, дворянство было в значительной степени включено в традицию новоевропейского гуманизма и философского антропоцентризма. Протоиерей Г. В. Флоровский обращает внимание на существование «разнокачественных сторон внутри индивидуальной и коллективной мысли — секулярного и сакрального компонентов»²³. Таким раздвоенным в интеллектуально-духовном смысле личностям трудно было осознать себя полностью включенными в православную

традицию, равно как индивидуалистическая этика образованных людей не совпадала с надличностной государственной этикой, когда абсолютный приоритет в глазах верховной власти имели общее благо и общественный порядок, ради которых следовало пожертвовать и правами человека, и самой личностью. Литературная среда стала способом «внутренней эмиграции» людей, которые задумывались над мировоззренческими вопросами, переживали их, но не совсем в рамках православного мироучувствия с его мотивами самоумаления, самоотрицания личности и бытия перед Богом. Секуляризованному в значительной степени сознанию художественно-философское осмысление действительности представлялось более приемлемым.

Замыкание интеллигенции внутри многослойной гуманитарно-художественной сферы стало оппозицией оказанной действительности и государственно-административному формализму. Общественной реакцией на политику правительственного консерватизма стал процесс эмансипации личности, ее самоосуществления, связанный с творчеством интеллекта, происходивший в отдалении от государственной структуры, преимущественно в области мнения и слова.

Примечания

- ¹ *Боборыкин П. Д.* Подгнившие веши // В защиту интеллигенции. М., 1909. С. 129—130.
- ² *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // Федотов Г. П. Лицо России. Париж, 1988. С. 73.
- ³ *Франк С. Л.* Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Веши ; Из глубины. М., 1991. С. 170.
- ⁴ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17.
- ⁵ *Ключевский В. О.* Об интеллигенции // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 300—301.
- ⁶ *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Веши ; Из глубины. С. 76.
- ⁷ *Лихачёв Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 7.
- ⁸ *Шмидт С. О.* К истории слова «интеллигенция» // Россия, Запад, Восток: встречные течения. М., 1996. С. 412.
- ⁹ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 330.
- ¹⁰ *Арнольд А. И.* Миссия интеллигенции. М., 2001. С. 5.

- ¹¹ *Гаспаров М. П.* Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция : история и судьба. М., 1999. С. 5.
- ¹² *Кондаков И. В.* К феноменологии русской интеллигенции // Там же. С. 65.
- ¹³ Например, в 90-е годы XIX века историк литературы П. Н. Сакулин использовал термин «интеллигенция» в значении принадлежности к определённому социальному слою: «Поэт — офицер и барич, этот **первый русский интеллигент**, выкинутый из жизни, прежде всего, должен был стремиться осмотреться кругом и понять самого себя в смысле своего происхождения и воспитания...» Подробнее об этом см.: *Сакулин П. Н.* Борьба литературных течений в двадцатых — пятидесятых годах XIX века // История России в XIX веке. Т. 1. СПб., 1894. С. 427.
- ¹⁴ Литература 1840-х годов // История русской литературы. М. ; Л., 1955. Т. 7. С. 17.
- ¹⁵ Известно, что служебный стаж чиновника Н. В. Гоголя насчитывал всего полтора года. В конце 1829 года Н. В. Гоголю удалось поступить писцом в один из департаментов, а затем — в другой. Чиновником будущий гениальный писатель был плохим и, по его же собственным словам, извлёк из службы разве ту пользу, что научился сшивать бумагу. Об этом он упоминал не раз, показывая сшитые в тетради письма А. С. Пушкина и В. А. Жуковского, которыми очень дорожил. См. об этом: Живые страницы: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических произведениях и документах. М., 1979. С. 209.
- ¹⁶ Образ «лишних» людей, углублённых и сосредоточенных в себе, подверженных самонаблюдению и изучающих жизнь, нашёл отражение в классической русской литературе.
- ¹⁷ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 332.
- ¹⁸ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 гг. СПб., 1862. С. 166.
- ¹⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 772 (Главное Управление Цензуры). Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 3. Л. 28 об.
- ²⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 831 (Цензурные материалы). Ед. хр. 2. Л. 19.
- ²¹ Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831—32 гг. // Красный архив. 1931. Т. 46. С. 146.
- ²² Подробнее об этом: *Грамиш А.* Тюремные тетради : в 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 329.
- ²³ *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 128.

О. А. Смирнова

**«СОБРАНИЕ ЭКОНОМИСТОВ»
КАК ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЙ**

Рубеж XIX—XX вв. вошел в историю России как период поиска путей системного обновления. Не последнее место в этом процессе заняли ученые, среди которых особая роль принадлежала ученым-экономистам. С одной стороны, это обуславливалось общемировоззренческими установками эпохи, связанными со стремлением объяснять все социальные процессы борьбой экономических интересов, а с другой — активизацией финансово-экономической политики правительства, которая рассматривалась в качестве основного механизма обновления страны. В этих условиях вполне закономерным выглядят поиски форм организационного объединения ученых-экономистов и всех тех образованных людей, которые стремились совместными усилиями определить такое направление экономического курса, которое бы максимально соответствовало отечественной культурно-производственной традиции.

Более ста лет — с 1765 г. в России существовало единственное официальное научное общество экономического характера — Императорское Вольное экономическое общество (ИВЭО). Вплоть до начала 1890-х гг. в числе его членов в основном были представители высшей аристократии и крупные государственные чиновники. Такой состав общества во многом обусловил формальный характер его совещаний. Поэтому деятельность ИВЭО не устраивала научную общественность и побуждала ее уже с середины 60-х гг. XIX в. самоорганизовываться для

© Смирнова О. А., 2011

Смирнова Ольга Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей. oasmirnoff@rambler.ru

совместного обсуждения актуальных проблем текущего момента. Так происходит создание кружков или, как их еще называли, «бесед», которые долгое время не имели официального статуса.

Одним из наиболее ранних объединений ученых-экономистов стали «беседы», организованные во второй половине 60-х гг. в Санкт-Петербурге по инициативе академика Владимира Павловича Безобразова. Эти собрания приобрели сугубо частный характер после того, как правительство отклонило ходатайство В. П. Безобразова и поддерживающих его лиц об учреждении политико-экономического общества, которое, по их предположению, в отличие от ИВЭО, имевшего сельскохозяйственную направленность, занялось бы разработкой финансово-экономических вопросов.

Первого числа каждого месяца заинтересованный круг лиц по приглашению Безобразова собирался в каком-либо помещении, чаще всего в ресторане «Донон» (набережная реки Мойки, д. 24), для обсуждения заранее определенного вопроса из области экономики. Участниками этих обедов, как правило, были представители крупной бюрократии, финансового мира, экономисты. К завсегдатаям этих собраний принадлежали — Е. И. Ломанский, С. А. Греч, Ф. Г. Тернер, В. И. Вешняков. Число участников «бесед у Донона» было ограничено, и попасть на них без особой протекции не представлялось возможным. Однако они вызывали большой общественный интерес и обсуждаемые на них проблемы возбуждали полемику в прессе. «Московские ведомости», «Московская газета», «Голос», «Новое время» публиковали корреспонденции по поводу состоявшихся «у Донона» дебатов. Тем самым приватный характер этих собраний в некоторой степени нарушался.

Аналогичными «беседами» стали экономические «субботинские вечера». Они собирались в Санкт-Петербурге с середины 80-х гг. по инициативе Александра Петровича Субботина — редактора «Экономического журнала». С 1887 г. эти встречи приобрели регулярный характер. Они проводились либо на квартире у А. П. Субботина (Николаевская, 17), либо в ресторане «Контанна». В отличие от «бесед Безобразова», на которых шла свободная дискуссия на заданную тему, у Субботина всегда заслушивали специально подготовленные доклады. С течением времени участники «субботинских вечеров» начали выражать мнение о

желательности изменить обстановку, в которой происходили научные дебаты. Они считали, что застольное обсуждение принципиальных финансово-экономических вопросов умаляет значение самого хода дискуссий, а частный характер заседаний не позволяет доводить до правительства их результаты, чтобы оно, учитывая представленные точки зрения, предпринимало практические меры. Так возникла идея об учреждении официального экономического общества под названием «Собрание экономистов».

Претворение этих замыслов было осуществлено постоянными участниками «субботинских вечеров». В их числе были П. А. Анучин, Д. Н. Бородин, И. И. Бражский, А. Н. Егунов, А. Ф. Елагин, И. И. Масленников, В. Г. Судейкин, В. Г. Яроцкий и, конечно, сам А. П. Субботин. В октябре 1890 г. инициативная группа рассмотрела и приняла Устав будущего общества. Этот документ разработал Дмитрий Николаевич Бородин, впоследствии ставшим бессменным секретарем Собрания. Благодаря его усилиям были собраны и в 1911 г. опубликованы в двухтомном издании — «Вопросы экономической жизни в обсуждении “Собрания экономистов”» — материалы, характеризующие работу объединения ученых-экономистов за двадцать лет его существования¹.

В отечественной историографии деятельность этого ученого объединения осталась неразработанной. Имеются лишь отрывочные указания на его существование в нескольких работах обобщающего характера, отдельных диссертациях и монографиях². Однако комплексный анализ истории Собрания экономистов до сих пор не осуществлен, хотя, принимая во внимание объем проделанной этой организацией работы, он давно необходим. Опираясь на материалы, собранные в издании Д. Н. Бородина, в настоящей статье предпринимается попытка реконструкции основных вех деятельности Собрания экономистов, пришедшейся на рубеж XIX—XX вв.

9 октября 1890 г. Устав был утвержден Министерством внутренних дел, а 19 февраля 1891 г. — в тридцатилетний юбилей Великой реформы состоялось торжественное открытие Собрания экономистов. Его почетными членами были объявлены профессор Московского университета А. И. Чупров, профессор Берлинского университета Адольф Вагнер и член Французской академии Леруа-Болье.

Согласно первому параграфу Устава, основная цель Собрания состояла «в сближении лиц, интересующихся экономическими и финансовыми вопросами, в содействии и всесторонней разработке различных вопросов из области статистики, экономики, финансов»³. Его научная деятельность выражалась в еженедельных публичных заседаниях, на которых зачитывались доклады, касающиеся различных сторон финансово-экономической жизни России. С 1891 по 1911 г. было заслушано и обсуждено более 200 докладов⁴.

Получение обществом официального статуса позволило вошедшим в него ученым решить вопрос и о постоянном месте проведения своих собраний. Таковыми стали арендованные помещения. За двадцать пять лет своего существования Собрание экономистов сменило несколько Санкт-Петербургских адресов. С 1891 г. по апрель 1894 г. оно размещалось в доме графа Игнатьева по Семеновскому переулку на углу Фонтанки, затем переехало на Владимирский проспект в дом Бессера и оставалось там до июня 1899 г., после чего заняло помещение в доме графа Зубова на Невском проспекте — угол Большой Морской (д. 16), где оставалось до сентября 1904 г. Затем оно переехало на Адмиралтейскую набережную в дом Тумпакова (№ 4), где продолжало деятельность до 1912 г. При Собрании была создана библиотека, открыта женская гимназия, а также основана 2-классная школа в Удельной. Доходы, получаемые от клубной кухни и карточной игры, шли на издательские нужды и благотворительные акции. Численность участников Собрания в разные годы колебалась в среднем от 70 до 90 человек⁵.

Долгое время, а именно первые десять лет своего существования, Собрание экономистов занимало второстепенные позиции в общественной жизни. Первенство неизменно принадлежало ИВЭО, заседания которого в 90-х гг. XIX в. привлекали внимание широкой общественности. Период подъема Собрание переживает лишь с 1900 г., когда была приостановлена деятельность ИВЭО. Теперь обсуждение актуальных вопросов социально-экономического развития России было перенесено на его заседания, постоянными участниками которых стали известные ученые и видные общественные деятели.

Работа Собрания продолжалась вплоть до 1916 г. За 25 лет существования его деятельность приостанавливалась только один

раз. Это произошло в ноябре 1902 г. по распоряжению правительства, выразившего подозрения в связи с оппозиционностью Собрания официальному экономическому курсу. Основанием послужил характер обсуждений причин экономического кризиса рубежа XIX—XX вв., в ходе которых выступавшие утверждали, что истоки промышленного краха России следует искать в ошибочном финансово-экономическом курсе 1890-х гг. Участники диспутов отмечали, что его направленность на интенсивное покровительство тяжелой промышленности угнетающе сказалась на остальных видах производственной деятельности. Они доказывали, что такое покровительство создало кризис народной жизни всей России, а непосильное налогообложение, разорив одну треть населения, фактически разрушило потребительский спрос на произведения промышленного производства⁶. При этом подчеркивалось, что промышленный протекционизм не всегда был характерен для России. В 50—60-е гг. XIX в. в стране действовала система умеренного промышленного покровительства и она себя оправдала, промышленность развивалась более быстрыми и нормальными темпами⁷. В связи с этим делался вывод, что было бы целесообразно возвратиться к прежней системе, отказавшись от тех форм протекционизма, которые предлагались правительством в 90-х гг. В целом участники заседаний сходились на том, что государству не следует вмешиваться в экономическую жизнь, но оно должно нормировать производство, наблюдать, чтобы интересы частной промышленности не были направлены на злоупотребления и выманивание капиталов у населения с неопределенной целью, а также должно издавать законы, которые предупреждали бы катастрофы.

Фритредерские настроения участников заседаний свидетельствовали об оппозиционности Собрания экономическому курсу правительства. Это привело к приостановке его деятельности в ноябре 1902 г.

Заседания возобновились только в конце 1905 г. в строго ограниченных Уставом рамках. Участники заседаний предупреждали о необходимости избегать в дискуссиях политических аспектов обсуждаемых проблем, без которых, как замечал Д. Н. Бородин, в ученом обществе можно легко обойтись. Он просил, председательствуя на общем заседании, состоявшемся при возобновлении деятельности Собрания, чтобы участники

дискуссий в ходе прений не подчеркивали громкими и пылкими словами то, что всем прекрасно известно, а занимались исключительно анализом финансово-экономических и иных хозяйственных проблем⁸. Доступ в аудитории Собрания был возможен только по именным повесткам и рекомендациям его постоянных членов. При этом полный запрет налагался на присутствие в зале заседаний учащейся молодежи.

Тем не менее, в условиях революционного подъема Собрание экономистов, как писал Д. Н. Бородин, заявило о своем желании слиться со всеми активными силами в одном могучем освободительном движении⁹. Впрочем, в эту формулировку вкладывался не столько революционный пафос, сколько выражалась готовность содействовать правительству при выработке разумного экономического курса. Свидетельством тому явились высказываемые мнения о том, что деятельность Собрания не должна ограничиваться только обсуждениями. Отмечалось, что обществу необходимо иметь возможность представлять правительству свои пожелания и предложения, которые вырабатываются в ходе его заседаний.

Своеобразным поводом для проявления такого рода инициативы явился Высочайший рескрипт от 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних дел, призывавший «общественные силы страны на помощь правительству выйти из внешней и внутренней беды и повести страну дальше, по пути политического и материального преуспеяния», а также Высочайший указ Сенату «О рассмотрении в Совете министров представлений относительно улучшений государственного благоустройства»¹⁰. Эти документы как раз и были восприняты в качестве призыва царя к общественности принять участие в государственном управлении. Делался вывод, что правительство хочет знать мнение общества и готово корректировать свой курс, исходя из представленных ему пожеланий.

Неслучайно, в начале 1905 г. Ученая комиссия Общества представила вниманию общего собрания специально выработанную программу планируемых заседаний. Подчеркивалось, что результатом работы должно стать составление обоснованных заключений аудитории по заслушанным докладам, которые предполагалось передавать в Совет Министров как выводы ученого учреждения о желательных экономических и финансовых реформах, рассматриваемых в неразрывной связи с политическим об-

новлением страны¹¹. Тем самым появлялась надежда на то, что соображения, высказываемые в ходе прений, будут иметь практическое значение и произойдет реализация стремления научной общественности к совместной деятельности с правительством по решению назревших задач.

Следующим шагом на этом пути явилось создание при Собрании экономистов в октябре 1908 г. особого объединения. В него вошли не только члены Собрания, но и приглашенные. В списке лиц, к которым с этим предложением обратилась Ученая Комиссия Собрания, были известные ученые-профессора — А. А. Исаев, М. М. Ковалевский, П. П. Мигулин, И. Х. Озеров, крупные государственные чиновники — П. Л. Барк, С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, В. И. Ковалевский, Н. Н. Кутлер, а также представители общественных организаций и политических партий — А. А. Вольский, А. И. Гучков, В. И. Денисов, П. Н. Милуков, П. Б. Струве, А. А. Чупров и др. Перечень приглашенных составил свыше ста человек.

Созыв такого представительного органа мотивировался необходимостью «проведения в общественное сознание идеи экономической политики и воздействия на парламент и правительство при разрешении очередных вопросов экономической жизни»¹². Предполагалось, что новое объединение будет участвовать в подготовке законопроектов, записок и других документов, обращать внимание законодателей на вопросы, «игнорируемые ими», а при постановке их — представлять свое компетентное мнение.

Новое объединение при Собрании экономистов получило название Ученой Комиссии Собрания экономистов, поскольку создавалось по инициативе и при непосредственном участии этого органа. Открытие заседаний Комиссии состоялось 23 октября 1908 г. Председателем был избран В. И. Ковалевский, который с 1893 по 1902 г. при С. Ю. Витте занимал пост товарища министра финансов, а затем директора департамента торговли и мануфактур, являлся членом ИВЭО, председателем Совета съездов горнопромышленников Урала, а с 1903 г. был товарищем председателя Русского технического общества.

При создании Ученой Комиссии было очевидно, что ее члены придерживались различных политических воззрений, од-

нако предполагалось, что это не явится серьезным препятствием для совместной работы. Организаторы этого объединения были уверены, что ни одна политическая программа не может быть выполнена без подъема народного хозяйства, развития производительных сил и улучшения финансового положения страны. Высказывалась надежда, что основную часть членов Ученой Комиссии объединяет стремление привести в соответствие с изменившимся политическим режимом экономический строй России, который будет основываться на правильной экономической политике¹³. Ученые как бы объединились в едином порыве служения Отечеству, считая, что разумная политика сможет исправить положение и способствовать укреплению могущества страны.

Так, рубеж XIX—XX вв. ознаменовался в России возникновением ряда научных обществ экономического направления, в которых произошло организационное объединение ученых и общественных деятелей в целях совместного обсуждения вопросов социально-экономического развития страны. Параллельно с усилением темпов экономического роста активизировалась деятельность научной интеллигенции, ее вовлечение в общественную жизнь через участие в работе научных объединений, которые в своем становлении прошли путь от формирований частного характера до официальных организаций типа Собрания экономистов.

Примечания

¹ Вопросы экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов»: отчет за 20 лет. 19 февраля 1891 г. — 19 февраля 1911 г. : в 2 т. / сост. Д. Н. Бородин. СПб., 1911.

² История русской экономической мысли / под ред. А. И. Пашикова : в 3 т. М., 1966. Т. 3. Ч. 1 ; Гриценко Н. Ф. Вольное Экономическое Общество и общественная жизнь России конца XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986 ; Смирнова О. А. Общественно-политическая жизнь России на рубеже XIX—XX веков и дебаты о перспективах индустриального развития страны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994 ; Она же. Россия на пороге XX века: общественно-политическая дискуссия о путях социально-экономического развития страны. М. ; Оренбург, 1995 ; История экономической мысли в России / под ред. А. Н. Макаровой. М., 1996.

³ Вопросы экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов». Т. 1. С. 5.

⁴ Там же. Т. 2. С. 785.

⁵ Там же; Собрание экономистов [электронный ресурс]. URL: <http://www.encspb.ru/article.php?kod=2804011631> (дата обращения 21.03.2011 г.).

⁶ Вопросы экономической жизни в обсуждении «Собрания экономистов». Т. 1. С. 371.

⁷ Там же. С. 388.

⁸ Там же. Т. 2. С. 499.

⁹ Там же. С. 448.

¹⁰ Там же. С. 447.

¹¹ Там же. С. 448.

¹² Там же. С. 595.

¹³ Там же. С. 593—594.

ББК 63.3(2)6-283.2

В. С. Волков

ДИСКУССИИ 1920-х ГОДОВ ПО ПРОБЛЕМАМ ОБРАЗОВАНИЯ И СУДЬБЫ ИХ УЧАСТНИКОВ-ПЕДАГОГОВ

1920-е годы — один из наиболее ярких периодов в развитии педагогики и образования в России. Установившаяся в октябре 1917 г. советская власть выдвинула задачу создать систему образования, соответствующую целям социалистического строительства. Подходы к решению этой задачи и стали предметом педагогических дискуссий. Изобиловавшие драматическими ситуациями, они оставили глубокий след в общественном сознании, их результаты определяли пути развития образования и характер деятельности учительства. Участие в этих дискуссиях для многих представителей педагогической интеллигенции было делом жиз-

---

© Волков В. С., 2011

Волков Валерий Степанович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. (Санкт-Петербург). fsnhistory@yandex.ru

ни на целый ряд лет. Для основных участников они оказались судьбоносными: для одних стали фактором успешной карьеры, для других — источником личной драмы.

В силу своей общественной значимости и научной актуальности педагогические дискуссии 1920-х годов привлекали внимание исследователей, прежде всего историков образования, которые делали акцент на развитии педагогических идей. Для специалистов в области политической и социальной истории, работавших в советское время, изучение этих дискуссий и, особенно, их воздействия на состояние народного образования было «невьигрышным», так как победители, внедрявшие свои идеи, непродуманные методы обучения в школу, поставили ее на грань краха, что было зафиксировано в постановлении ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г.¹ Современные историки отдают предпочтение сюжетам конфликта между властью и интеллигенцией и рассматривают их чаще всего на материалах истории научной и художественной интеллигенции. Во всяком случае, историографический «задел» в изучении указанной в заголовке темы имеется, но она нуждается в дальнейшем исследовании. В данной статье ставится задача осветить на основе междисциплинарного подхода содержание и результаты дискуссии по проблемам образования в 1920-х годах, выявить общие характерные черты политической культуры интеллигентов — участников дискуссии, проследить воздействие итогов дискуссий на их судьбу. В 1920-х годах в СССР предметом острой полемики, точнее сказать — с учетом реалий того времени, борьбы были проблемы общей педагогики (цель, принципы, содержание образования и т. д.) и более конкретные вопросы — организация учебного процесса, методы обучения, программы по основным предметам. Дискуссия по первой группе проблем нашла отражение в нашей книге о видном деятеле образования А. П. Пинкевиче — «Первый ректор Третьего педагогического института в Петрограде. Страницы жизни А. П. Пинкевича» (СПб., 2007. Гл. 6, 7).

А полемика по вопросам учебных программ, о содержании естественного образования, дающая богатый материал для изуче-

ния политической культуры педагогической интеллигенции, будет основным предметом исследования в данной статье.

* * *

Начнем выполнение поставленных задач с краткой характеристики ситуации, в которой развивалась дискуссия по проблемам образования. После победы Октябрьской революции советская власть энергично взялась за преобразование школы. Была сформулирована цель образования — воспитание нового человека с коммунистическим мировоззрением и коммунистической моралью, сознательного, активного участника социалистического строительства. В соответствии с этой целью пересматривалось содержание образования, началась разработка новых программ, внедрялись новые методы обучения, предпринимались усилия для ознакомления учительства с политикой советской власти в сфере образования. Непосредственным организатором всей этой работы выступал Народный комиссариат по просвещению, во главе которого стоял А. В. Луначарский, человек с энциклопедическими гуманитарными знаниями, но в школе никогда не работавший. Его заместителями были в начале 1920-х годов историк-марксист М. Н. Покровский, имевший некоторый опыт преподавательской деятельности, и М. С. Эпштейн, молодой член партии, несколько лет проработавший в разных учебных заведениях. Одновременно он являлся начальником Главного управления социального воспитания. Его заместителем был М. М. Пистрак, окончивший Варшавский университет в 1914 г. и работавший в частных школах. Лучше других, с точки зрения профессионализма, к руководству школой оказалась подготовлена Н. К. Крупская, входившая в коллегию Наркомпроса. В 1921 г. при Наркомпросе был создан Государственный ученый совет (ГУС) как научно-методический орган руководства образованием. Он состоял из ряда секций. Среди них ключевое место занимала научно-педагогическая секция, которую возглавляла Н. К. Крупская. Кадры аппарата Наркомпроса подбирались прежде всего по политическим качествам, среди них на первое место ставилась преданность социализму, а затем уже учитывалась профессионально-

педагогическая подготовка. В наркомпросовских кругах приветствовались педагоги-новаторы, которые быстро делали карьеру в руководящих органах образования. Например, во время поездки в Рязань в 1918 г. Н. К. Крупская познакомилась с работником губернского отдела народного образования В. Н. Шульгиным, недавно, в 1917 году, окончившим Московский университет. Шульгин заинтересовал ее идеями трудовой школы. Он был приглашен на работу в Наркомпрос, где возглавил отдел реформы школы, а вскоре, в 1922 году, стал директором научно-исследовательского института методов школьной работы. Гражданская война, разруха, нехватка учителей тормозили ход революционных преобразований школы. К тому же у самих руководящих деятелей Наркомпроса не было необходимой ясности по конкретным вопросам перестройки образования. Призывая к созданию новой школы, они смутно представляли ее черты. Данное обстоятельство служило основой неизбежных дискуссий.

Они стимулировались также пестротой взглядов учительства. «Старое», как тогда говорили, учительство внешне несколько обновило свой антураж, научилось повторять советские лозунги, но использовало привычные, порой рутинные методы и даже нередко мало меняло содержание учебного процесса. В то же время педагогический состав пополнился новыми силами, главным образом из молодежи, охваченной революционным энтузиазмом, однако профессиональный уровень их был невысок, а мировоззренческая культура нередко ограничивалась усвоением пропагандистских брошюр. Наркомпрос развернул социально-педагогические эксперименты, и под его эгидой были созданы на основе новаторских проектов учебные и просветительные учреждения. К ним относились, например, школа-коммуна имени П. Н. Лепешинского, разрабатывавшая вопросы связи школы с производством, Биологическая станция юных натуралистов имени К. А. Тимирязева, которую основал в Сокольниках на окраине Москвы Б. В. Всесвятский, Биологический сад, преобразованный в педагогическую биологическую станцию во главе с В. Ф. Натали. Около двух десятков подобных учреждений получили официальный статус «опорных школ Наркомпроса». Руководители таких учреждений влияли на образовательную политику

ку Наркомпроса, некоторые из них нигилистически относились к педагогическому наследию. Отдельные начинающие деятели образования были фанатично убеждены в том, что только они способны открыть пути к новой школе.

Анализируя педагогические дискуссии 1920-х годов, следует принять во внимание одну из черт ментальности российской интеллигенции. Ее большинству был присущ конфронтационный тип политической культуры, для которого характерна убежденность в своей непогрешимости, нетерпимость к инакомыслию, безудержное стремление навязать свою точку зрения как единственно правильную и т. д.

Особую масштабность, продолжительность, остроту дискуссии среди педагогов придало решение Государственного учебного совета внедрить в школы преподавание по «комплексам». С 1923 г. стали разрабатываться соответствующие программы. Видя, что школа трансформируется медленно, руководители ГУСа пришли к выводу, что прежний предметный принцип изучения основ наук, классно-урочная организация учебного процесса, преобладание словесных методов обучения, изоляция школы от производства, характерные для педагогической системы царского времени, являются тормозом перестройки школы в соответствии с потребностями социалистического строительства. Подобную оценку ситуации образно выразил в 1920 г. один из руководящих деятелей Наркомпроса П. Н. Лепешинский, писавший: «...перед нами уже расчищен путь для нового строительства. Старая школа приказала долго жить. Правда, еще торчит большой неуклюжий ствол этого оранжерейного растения, выросшего на почве рабства и деспотизма, на удобрительных туках бюрократического творчества, в атмосфере паразитизма господствующих классов... Засохшая бесплодная смоковница протягивает еще во все стороны свои костлявые сучья»². Руководители с подобными взглядами ухватились за идею перестройки содержания образования на основе комплексного подхода, возникшую, вероятно, в недрах школы-коммуны имени П. Н. Лепешинского, которой руководил М. М. Пистрак. Во всяком случае, одной из первых идею «комплексов» стала пропагандировать учительница этой школы энтузиаст-педагог К. И. Лакида. Суть идеи заключалась в том, что все знания, предлагаемые школьнику, сгруппировывались в три бло-

ка — природа, труд, общество. Ядро их составляет труд, так как он использует блага природы в интересах человека, а на труде, на производственных отношениях, основывается общественная жизнь. Данные конкретных наук должны были быть распределены между этими блоками комплекса. Формально, в текстах программ, перечень таких знаний располагался в виде трех «колонок». Получалось, например, что тема «природа» в каждом классе (или как тогда говорили, на каждом году обучения) преподавалась и литератором, и историком, и математиком, и естествоведом и т. д. При этом предполагалось, что обучение будет происходить в процессе общественно полезного труда учащихся, при непосредственном их участии в преобразовании природы. Таким образом, мыслилось дать школьникам всестороннее политехническое образование, привить им коммунистическое мировоззрение, сделать их сознательными участниками социалистического строительства. Нарком просвещения пришел в восторг от этой «эстетически стройной», по его словам, схемы. Первые проекты программ на основе «комплексов» были утверждены ГУСом Наркомпроса в 1923 г. Именно они дали толчок бурным дискуссиям среди педагогов и к концу 1920-х годов переросли в ожесточенную борьбу. Раньше других были подготовлены программы для блока «природа». Их составителями стали относительно молодые педагоги Б. В. Всесвятский, Б. В. Игнатъев, М. М. Беляев и др., группировавшиеся вокруг Биологической станции юных натуралистов имени К. А. Тимирязева. Они имели свой печатный орган — журнал «Листки Биологической станции юных натуралистов», редактором которого был Б. В. Всесвятский. Их программы и идеи встречали противодействие группы ленинградцев — Б. Е. Райкова, Ф. Е. Тура, С. А. Павловича, К. П. Ягодовского, москвичей Ю. В. Ульянинского, В. Ф. Натали и др., авторитетных специалистов по методике естествознания. Они являлись руководящими деятелями Общества распространения естественнонаучного образования (ОРЕО), созданного еще в 1907 г. Его председателем с 1920 по 1929 г. был Б. Е. Райков, являвшийся одновременно редактором издававшихся Обществом журналов «Естествознание в школе» и «Живая природа». Он работал также заведующим кафедрой методики преподавания естествознания в Ленинградском (до 1924 г. — Петроградском) педа-

гогическом институте имени А. И. Герцена и заведующим Центральной педагогической биологической станции в Ленинграде. В дискуссиях по программам ГУСа именно естественники заняли лидирующее положение. Это объясняется тремя причинами. Во-первых, Б. В. Всесвятский, Б. В. Игнатъев, М. М. Беляев были самыми ревностными сторонниками «комплексов» и входили в научно-педагогическую секцию ГУСа, где создавались все программы; во-вторых, в комплексных программах более всего пострадало естествознание, которое фактически как предмет исчезло, а сведения о природе были разбросаны по блокам, с чем не могли согласиться опытные, авторитетные методисты; в-третьих, естественники в отличие от других предметников (историков, математиков, литераторов и пр.) обладали большей сплоченностью, организованностью (у них сразу выявились лидеры противостоящих группировок, были опорные базы в виде названных выше организаций, свои печатные органы). В ходе полемики между естественниками оформились два направления или течения, которые по месту проживания их лидеров назывались «ленинградским» и «московским». Эти названия условны, так как в ленинградское течение входили и москвичи, и педагоги из других регионов, и наоборот. В данной статье используются принятые условные наименования, причем мы будем употреблять их без кавычек.

Полемика между этими течениями происходила с разной степенью интенсивности на протяжении 6—7 лет, с 1923 по 1930 г. В ней можно условно выделить три этапа: 1) развертывание дискуссии, 1923—1925 гг.; 2) апогей дискуссии, 1926—1928 гг.; 3) завершение дискуссии, 1928—1930 гг. Как это неоднократно случалось в советской истории, она закончилась не установлением истины, а разгромом ленинградского течения (разгромом в буквальном смысле, так как в 1930 г. Б. Е. Райков и его единомышленники оказались в тюрьмах, лагерях, ссылке, были уволены с работы и т. д.). Торжество сторонников московского течения было недолгим: 25 августа 1931 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О начальной и средней школе», осудившее идеи, лежавшие в основе платформы московского течения, как проявление антиленинской «теории отмирания школы» и бездумное прожектерство.

В основе столкновения двух группировок, превратившихся в течения, лежали принципиальные расхождения, но на полемику между ними сильное воздействие оказали личные качества лидеров. Профессор Борис Евгеньевич Райков (с 1945 г. действительный член Академии педагогических наук) был воплощением лучших качеств русской демократической интеллигенции. Еще до революции он зарекомендовал себя педагогом-новатором, был в числе тех, кто впервые внедрял в преподавание естествознания эволюционную теорию Ч. Дарвина, исследовательский метод обучения, лабораторные работы, экскурсии. Он был создателем первой в стране кафедры методики преподавания естествознания (в университете при Психоневрологическом институте, организованном В. М. Бехтеревым). Райков рассматривал себя как крупнейшего в России в 1920-х годах специалиста по методике естествознания, что соответствовало действительности. Борис Васильевич Всесвятский принадлежал к той категории молодой советской интеллигенции, которая в других сферах творчества (художественной литературе, живописи и т. д.) называла себя пролетарской. Ее представители присвоили себе право выступать от имени пролетариата, отличались амбициозностью, считали своим долгом перевоспитывать «старых» специалистов. В своем рвении на этом поприще они не знали удержу. Литературовед С. Шешуков назвал их «неистовыми ревнителями пролетарской литературы». К тому же в биографии Б. В. Всесвятского была одна тайная деталь, которая, возможно, стимулировала его проправительственное рвение: его отец был полицейским приставом и Борису Всесвятскому приходилось демонстрировать преданность советской власти. Интрига усиливалась тем, что Б. Е. Райков, будучи студентом Петербургского университета, за участие в антиправительственной сходке был сослан под гласный надзор полиции в Тверскую губернию, а надзор осуществлял пристав В. Всесвятский. Будучи человеком исключительной порядочности, Б. Е. Райков не придал этот факт гласности, даже находясь под следствием в ленинградской тюрьме «Кресты», хотя мог бы такой информацией если не спасти себя, то по меньшей мере посадить Бориса Всесвятского в такую же камеру.

Для менталитета этой группы молодой интеллигенции в высшей степени характерны рассуждения Б. В. Всесвятского, из-

ложенные им в статье «Общие идеи Биостанции юных натуралистов имени К. А. Тимирязева». Он писал в 1925 г., что в истории идей после Октябрьской революции можно выделить три периода. В первый период появляются новые идеи, «они выбрасываются в огромном количестве в обращение, отыскивают для своего приложения опорные пункты, пробуют таким образом применяться к действительности и тем самым испытываются на практике в своей жизненности», затем наступает второй период — «период острой борьбы за существование между идеями», когда побеждают идеи, востребованные обществом, и в настоящее время (1924—1925 гг. — *В. В.*) начинается третий период — переход к систематическому проведению в жизнь идей, «выживших в борьбе за существование». К последней фразе статьи сделано в сноске примечание: «В отдельных случаях — к ликвидации нежизненных и ненужных идей»³. Правда, автор не поясняет, каким образом можно ликвидировать идеи. Его оппонент мог бы предположить, что идеи можно ликвидировать вместе с людьми, которые являются их носителями. Само собой разумеется, что Всесвятский считал правильными свои идеи, а борьбу с носителями других идей своим гражданским долгом, который он и выполнял в последующие годы, в меру своего разумения и с неистовым рвением.

Впервые расхождения между двумя группами методистов, которые они, с подачи москвичей, стали называть течениями или направлениями, обнаружились на Первом всероссийском съезде по естественноисторическому образованию, который проходил в августе 1923 г. в Петрограде при решающей роли ОРЕО. Председательствовал на съезде Б. Е. Райков. Разногласия возникали по разным пунктам повестки дня съезда, в том числе и по комплексным программам, но в основе их лежало разное понимание целей образования в СССР, прежде всего естественнонаучного. Лидеры петроградских методистов свое понимание целей естественнонаучного образования четко изложили еще в марте 1918 г., когда принимался устав ОРЕО, на собрании членов этого общества (по докладу Б. Е. Райкова). В резолюции говорилось, что «с одной стороны, естествознание дает учащимся запас правильных представлений о природе, научает более отчетливо разбираться в практических задачах, какие ставит нам человеческая деятельность, и является необходимым условием

выработки правильного и сознательного миропонимания; с другой стороны, естествознание является незаменимым средством для развития мышления в области конкретного факта и для воспитания в подрастающих поколениях активной наблюдательности и творческой самостоятельности»⁴. В этой формулировке просматривается приверженность авторов резолюции гуманистическим, общедемократическим ценностям. В резолюции никак не связывается школьное преподавание с характером власти в стране и целями, которые она ставит перед школой. В дальнейшем авторы резолюции в публичных выступлениях прибегали к официальной фразеологии, упоминали о социалистическом преобразовании общества, но все-таки все явления в работе школы (программы, учебники и пр.) они рассматривали не с точки зрения интересов государства, а с точки зрения интересов преподавания естествознания (в их понимании).

Напротив, лидеры московского течения крайне политизированно и отвлеченно определяли цели естественнонаучного образования. Так, раскрывая концепцию работы Биологической станции юных натуралистов им. К. А. Тимирязева (Москва, Сокольники), направленной на вовлечение школьников в практическую работу в животноводстве и полеводстве, в защиту природы, на вооружение их исследовательским методом изучения природы, Б. В. Всесвятский смысл этого курса раскрывал такими словами: «Подрастающее поколение, усвоив практически с малых лет принципы коллективизма, основы исследовательского подхода к окружающему и постоянно не дремлющую мысль о практическом использовании добытых знаний на благо трудящихся и о необходимости защиты завоеваний революции от всякого покушения со стороны явных и тайных врагов советского строя, через коллективный труд и коллективную науку пойдет прямой дорогой к коммунизму»⁵. Не удивительно, конечно, что Всесвятский со своими единомышленниками получил мощную поддержку со стороны руководителей Наркомпроса, тоже имевших склонность к широковещательным заявлениям. По-разному участники Всероссийского съезда естествознавцев понимали связь школы с жизнью. Для большинства такая связь представлялась в виде гармоничного сочетания изучения теории с непосредственным наблюдением над явлениями природы.

Группа москвичей трактовала связь с жизнью как сочетание общетеоретических знаний с деятельностью человека по использованию почвы, природных богатств, сельскохозяйственных животных. На съезде москвичи поддержали начатую работу по созданию комплексных программ, ленинградцы, как писал в воспоминаниях 40 лет спустя Б. Е. Райков, «приняли эти идеи, что называется в штыки»⁶.

Б. В. Всесвятский с предельной жесткостью, свойственной «неистовым ревнителям», следующим образом оценил сложившуюся ситуацию: «...перед школьными работниками, в частности, перед естественниками имеются два пути: 1) путь современной общественности, всецело связанной с интересами трудящихся масс, и 2) путь антиобщественный, путь изоляции себя от советской общественности, путь узких, лично своих, кастовых интересов, со всеми вытекающими положениями... со временем расстояние между этими течениями увеличивается, отмечается взаимное непонимание, выявляются разногласия»⁷.

Москвичи со страниц журналов стали упрекать ленинградское направление в приверженности к концепции чистой науки, в идеализации опыта передовых педагогов дореволюционного времени, называя его «ветхозаветной мудростью», в отрыве от потребностей социалистического строительства, считая, что такие взгляды и действия ведут ленинградцев в тупик. Б. В. Всесвятский в статье «Новогодние пожелания», опубликованной в качестве редакционной в первом номере журнала «Листки Биологической станции юных натуралистов» за 1925 г., завершил неафишированным, но всем понятным, кому это адресовано, пожеланием: «Тем же, кто попал в тупики, мы искренне желаем оттуда выбраться»⁸. Примерно такие же упреки ленинградцам высказал М. М. Беляев в опубликованном им критическом обзоре содержания семи номеров журнала «Живая природа» за 1925 г., выходявшего под редакцией С. А. Павловича, Б. Е. Райкова и К. П. Ягодовского. Вывод его был категоричен: «...в общем и целом, “Живая природа” в ее настоящем виде едва ли пока может быть рекомендована в качестве руководства для построения школьной работы по природоведению»⁹. Между журналами развернулась полемика, оппоненты не уступали друг другу в язвительности. Ее итоги подвел Б. В. Всесвятский в большой статье

«Полемика “Листков Биостанции юных натуралистов им. К. А. Тимирязева” и “Живой природы” — известий Ленинградской педагогической Биостанции», написанной по поручению коллектива БЮН. В ней Всесвятский перечислил основные пункты разногласий, сделав особый упор на разном понимании производственного уклона (то есть подготовки школьников к работе в сельском хозяйстве). Он отвергал обвинения в утилитаризме и узком практицизме и с удовлетворением указал, что ленинградские методисты под влиянием критики повернулись к разработке методики связи преподавания зоологии с животноводством. Всесвятский упрекнул ленинградцев в том, что они затушевывают принципиальные разногласия и представляют позиции москвичей как результат их недостаточной образованности. Он образно представлял реакцию лидеров ленинградского направления на критику со стороны москвичей: «Наши предостережения “мастерам методики”, наши добрые новогодние пожелания выбраться поскорее с тупиковой станции, вызвали вместо благодарности... целую бурю негодования оскорбленного самолюбия.

— Как?! Нас! Учить?! Да какое право вы имеете? Вы знаете, кто такие — мы? Послышались возмущенные возгласы из лагеря “оставшихся на станции” “авторитетных пассажиров”»¹⁰. Всесвятский довольно точно определил исходную базу нападок на москвичей со стороны ленинградцев, охарактеризовав ее так: «Причина (с точки зрения ленинградцев. — *В. В.*) всей полемики оказывается в том, что руководители “Листков” еще очень молоды, весьма мало подготовлены, имеют мало знаний и никогда научно не работали». А из этого напрашивается предложение: «Не слушайте их, что бы они ни говорили, не верьте им. Слушайте нас... ибо мы авторитет»¹¹.

Нетрудно предположить, как реагировали лидеры ленинградского направления, люди не без амбиций, на такие обвинения. По поручению редакции «Живая природа» Б. Е. Райков опубликовал заявление в ответ на статью Всесвятского, в котором говорилось: «Приемы и средства этой полемики таковы, что отвечать на нее мы не считаем возможным»¹². По поводу этого «обмена любезностями» можно сказать, что склонность «вставать в позу», бойкотировать своих оппонентов, априорно считать их

мнение ошибочным — все это черты, свойственные русской интеллигенции того времени.

Однако прекратить полемику втянувшиеся в нее педагоги не могли, тем более что в 1925 г. — первой половине 1926 г. первоначальные варианты программ москвичами были переработаны (Наркомпрос проигнорировал педагогический потенциал Ленинграда) и утверждены ГУСом в качестве обязательных для школ страны. Это создавало новую ситуацию: если раньше лидеры ленинградского течения надеялись, что они могут предупредить переход к осуществлению прожектерских намерений, то теперь программы стали законом, их начали внедрять повсеместно, а опытные методисты — ленинградцы Б. Е. Райков, К. П. Ягодовский, Ф. Е. Тур, В. Н. Верховский, москвичи — Н. Ф. Натали, Ю. В. Ульяновский считали, что внедрение новых программ разрушит научные основы школьного обучения. Некоторые из методистов дрогнули, стали склоняться к тому, чтобы признать программы ГУСа и включиться в их реализацию.

Однако вождь ленинградского направления Б. Е. Райков был непреклонен. Позже в своих воспоминаниях он так объяснил мотивы своего выступления против программ ГУСа: «Дожив до 45 лет и издержав полжизни на борьбу за натуралистическое просвещение, я не мог оставаться равнодушным к тому, что делалось во второй половине 20-х годов на педагогическом фронте. К тому же и мое общественное положение к этому обязывало: ведь я был председателем общества педагогов-естественников, редактором двух педагогических журналов, профессором и заведующим кафедрой методики естествознания одного из ведущих педагогических институтов, был достаточно известен и авторитетен в литературе и т. д. Не только мои личные чувства, но и мой гражданский долг обязывал меня выступить против того, что творилось в Москве под видом обновления школы. Я и выступил»¹³.

Формально борьба была направлена против разработчиков программ — Всесвятского, Игнатьева, Беляева, а фактически против Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР, ибо только в его компетенции были утверждение и изменение программ. Сразу после публикации новых программ в журнале «На путях к новой школе» (1926 г., № 9) Райков ударил в набат.

Он созвал совещание естественников Ленинграда. В нем участвовал почти весь совет ОРЕО, сотрудники Государственного института научной педагогики, где директором был видный специалист по методике естествознания К. П. Ягодовский, а Райков по совместительству заведовал отделом естествознания. Председателем собрания был профессор Н. М. Книпович, зоолог, глава русской школы ихтиологии. С докладами выступили заведующий кафедрой методики химии Педагогического института им. А. И. Герцена В. Н. Верховский, проф. Книпович, декан факультета естествознания пединститута проф. Ф. Е. Тур, преподаватель факультета Н. Д. Владимирский. Все они осудили новые программы. Профессор Тур закончил свое выступление словами: «Преподавание по этим программам создаст людей, ничего толком не знающих и не пригодных ни к какой работе. Необходимо создать программу, исходя из определенных педагогических требований и учитывая основные задачи естествознания»¹⁴. Критике были подвергнуты так называемые «рабочие книги», изданные вместо стабильных учебников. На страницах журналов, на собраниях учителей борьба развернулась с новой силой. По ходу полемики, отраженной в печати, чувствуется, что научная аргументация позиции «предметников» была более убедительной, ее разделяла значительная часть учительства.

Чтобы сохранить свою монополию в методике естествознания, «комплексники» стали переводить дискуссию в «политическую плоскость». Это ярко проявилось на заседании Московского ОРЕО 14 декабря 1926 г., где с докладом о новых программах выступил его председатель проф. Ю. В. Ульяновский. По его мнению, особенно неудовлетворительно построена программа по зоологии, весь курс которой сжат до освещения некоторых проблем животноводства. Он высмеял чрезмерную увлеченность составителей программ сельскохозяйственным уклоном, заявив, что для них он «превратился в наклонную плоскость, по которой они скатились прямо в навозную жижу скотного двора»¹⁵. Возможно, в дальнейшем он пожалел об образе скотного двора, так как оппоненты использовали его для того, чтобы опорочить деятелей ленинградского течения как белоручек, презирающих труд крестьян. Защитником программ выступал сотрудник Биостанции в Сокольниках М. М. Беляев, кото-

рый доказывал, что сельскохозяйственный материал дает большие возможности для иллюстрации эволюционной теории. Почувствовав, что убедить участников собрания в пользу широкомасштабного сельскохозяйственного уклона не удастся, он перевел дискуссию в «политическую плоскость», что характерно для всех «неистовых ревнителеей». Завершая свою речь, он сказал: «В этом споре есть другая сторона, которую необходимо вскрыть, иначе мы будем спорить впустую. Я вижу здесь борьбу двух сторон: сторонников революции, которые прорабатывают метод и материалы школы в духе революции и в соответствующем духе действуют в школьном деле, и тех лиц, которые недооценивают революцию и в соответствующем духе действуют в школьном деле. Настоящая борьба есть не что иное, как отражение двух лагерей, двух руководящих идеологий»¹⁶. Участники совещания осудили Беляева за политическую демагогию. В заключительном слове Ульянинский сказал: «Кто дал М. М. Беляеву право драпироваться в революционную тогу? Времена пышной революционной фразеологии прошли, нужна не пышная фраза, а деловая работа, а также здоровая критика, как часть этой работы»¹⁷. К сожалению, Ю. В. Ульянинский ошибался: в конце 1920-х годов времена хлесткой революционной фразы вернулись. В конце дискуссии М. М. Беляев, Б. В. Всесвятский и П. П. Смолин, тоже сотрудник Сокольнической биостанции, внесли резолюцию, одобряющую программы ГУСа, но большинство собрания отклонило ее. Это ожесточило составителей программ, и они расширили масштаб борьбы, смещая ее фронт в среду учительства и даже студентов и школьников. Так, Б. В. Всесвятский всячески настраивал против Райкова студентов Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, побывавших на экскурсии в Сокольнической биостанции. Когда в конце 1926 г. в Москве проходило Всесоюзное совещание по юннатской работе, сотрудники Всесвятского предложили юннатам принять резолюцию «о реакционности ленинградского течения». Из 52 участников совещания за резолюцию проголосовало 38 человек¹⁸.

Развернувшаяся на страницах журналов полемика дает ясное представление о политической культуре и нравственности ее участников. Райков распределил функции издаваемых под его

редакцией журналов. «Естествознание в школе» выходило 1 раз в месяц и публиковало статьи по вопросам методики естествознания, а также подробные отчеты о заседаниях ОРЕО, что было главным средством распространения информации о его деятельности. Журнал «Живая природа» выходил 2 раза в месяц и публиковал материалы по горячим следам событий. Как впоследствии характеризовал его Райков, «журнал “Живая природа” был похож на скорострельное оружие, непрерывно обстреливающее наших московских противников в виде статей и заметок»¹⁹. Райков публиковал своеобразные фельетоны, называя их «педагогическими письмами» (всего за 1926—1928 гг. опубликовано 9 «писем»). «Я не без удовольствия, — вспоминал он через 35 лет, — шелкал насмешками по медным лбам льстецов и прислужников, которым от этих шелчков приходилось солоно, так как этот род литературы всегда очень занимает читателей»²⁰.

Однако и москвичи не были лишены дара слова, а Б. В. Всесвятский и М. М. Беляев не упускали возможности «шелкнуть по лбу» своих ленинградских оппонентов. Саркастическим стилем владел их сторонник из Киева Ф. Трескин, опубликовавший несколько язвительных заметок. В дополнение к «Листкам Биологической станции юных натуралистов» москвичи получили журнал «Естествознание в трудовой школе», который стал выходить с 1926 г. сначала под редакцией Н. С. Понятского, а затем Б. В. Игнатьева и Н. Ф. Преображенского. Малейшая оплошность, допущенная Б. Е. Райковым, тут же вызывала язвительный комментарий со стороны Б. В. Всесвятского и его коллег. Характерен такой пример. Райков неоднократно подчеркивал, что ленинградцы не отрицают необходимости изучения сельского хозяйства, домашних животных, они только протестуют против замены естествознания рецептами по растениеводству и животноводству. В качестве иллюстрации того, как на примере домашних животных можно раскрывать теоретические вопросы биологии, Райков опубликовал несколько статей: «Куриное яйцо как объект школьного изучения», «Гусь как объект школьного изучения», «Свинья как объект школьного изучения», подписывая их псевдонимом Е. Коврайский. Всесвятский сразу расшифровал анаграмму «Ков-рай-ский» — «Рай-ков-ский» и прошелся по этому поводу в обидной для Райкова форме. Во-первых, дан-

ный факт Всесвятский в своей статье в «Листках БЮН» истолковал как свидетельство эффективности их борьбы за сельскохозяйственный уклон и уступку Райкова. А, во-вторых, анаграмму он прокомментировал следующим образом: «Таким остроумным трюком Б. Е. Райков, по-видимому, хотел показать, что он может заставить курицу снести на уроке яйцо, может провести урок с производственным уклоном и о свинье, и о гусе, но при этом его всего выворачивает наизнанку»²¹. Ленинградцы не оставались в долгу. Райков нашел способ приоткрыть для широкой публики истинное лицо Б. В. Игнатьева. В двух номерах журнала «Живая природа» он поместил материалы, свидетельствующие о плагиате в учебно-методических работах Игнатьева. Удар оказался столь резонансным, что ГУС был вынужден освободить Б. В. Игнатьева от поста руководителя организационного бюро по созыву всероссийского совещания естествовников.

В это время Наркомпрос прилагал немало усилий для перевода преподавания по «комплексам» и убеждался, что он осуществляется с трудом. Руководители Наркомпроса видели многие причины этих трудностей, в том числе неготовность, а то и нежелание учителей работать по новым программам, отсутствие базы для производственного обучения и др. Естественно, они с тревогой наблюдали, как усиливается субъективный фактор торможения, а именно убедительная и воспринимаемая учительством критика новых программ представителями ленинградского течения. Опасность ленинградского течения в Наркомпросе осознали, и его руководители решили полемику двух направлений перенести в более высокие сферы (на совещания, конференции), где работники Наркомпроса выступали бы не арбитрами, а скорее защитниками своих помощников-москвичей.

Одним из узловых событий завершающего этапа дискуссии, точнее сказать, борьбы сторонников и противников «комплексов» и, соответственно, программ по естествознанию стало созданное Наркомпросом совещание, проходившее в Москве 2—3 марта 1928 г. Руководство ГУСа, обеспокоенное влиянием ленинградских методистов на учительство и желавшее прекращения критики с их стороны, попыталось нейтрализовать ее путем примирения двух враждовавших направлений, но на условии уступок ленинградцев московскому направлению. Соответствен-

но был разработан и сценарий совещания. На него были приглашены от московского течения Б. В. Всесвятский, М. М. Беляев, П. П. Смолин, Н. К. Сапожников, С. И. Исаев и др., представлявшие Биостанцию юных натуралистов им. К. А. Тимирязева. В качестве членов ГУСа были приглашены приверженцы московского направления Б. В. Игнатъев, В. Н. Шульгин, а также отошедший от ленинградского течения ректор 2-го МГУ А. П. Пинкевич. В поддержку московского течения был приглашен из Ленинграда А. Ф. Бенкен, заведовавший биологической станцией в пригороде Ленинграде — Парголово. В начале 1920-х годов Бенкен, уроженец Петербурга, вернулся в родной город из Краснодара, где руководил биостанцией. Б. Е. Райков пригласил его работать в Ленинградскую педагогическую биостанцию на должность своего заместителя, но вскоре был вынужден уволить его за финансовые махинации, не придав, однако, гласности причины увольнения. Объясняя впоследствии свою снисходительность к жулику, Райков писал, что причиной этого была свойственная ему «интеллигентская совестливость»²². Зав. горно Попов вскоре назначил его заведовать биостанцией в Парголово.

Из ленинградского направления присутствовали ленинградцы В. Н. Верховский, Н. М. Книпович, С. А. Павлович, Б. Е. Райков, К. П. Ягодский и двое москвичей — В. Ф. Натали и Ю. В. Ульянинский. Председательствовал заместитель наркома просвещения М. С. Эпштейн. Программа совещания предусматривала выступление двух докладчиков по каждому пункту повестки дня — по одному из противостоящих течений. По первому вопросу — «О производственном принципе преподавания естествознания» — выступали Б. В. Всесвятский и Б. Е. Райков, по второму вопросу — «Об эволюционном принципе преподавания естествознания» — соответственно Ф. Ф. Дучинский и К. П. Ягодский. По докладам развернулись ожесточенные прения, тон которым задал Всесвятский. Эффектно подобранными цитатами из журналов «Естествознание в школе» и «Живая природа» он доказывал, что ленинградцы нападают на принципы программ ГУСа, поэтому сотрудничество с ними невозможно. А выступивший в поддержку московского течения профессор Коммунистического университета народов Востока Н. С. Понятский прямо заявил, что Райков — враг советской власти и его нужно

уничтожить. Председательствующий М. С. Эпштейн, чтобы не обострять ситуацию, прервал его речь. Ленинградцы проводили гибкую тактику; слегка лукавя, они заявили, что выступают не против принципов программ ГУСа, а только против взглядов авторов программ по естествознанию, т. е. Б. В. Всесвятского, Б. В. Игнатьева и др. Обвинение в том, что они не вносили практических предложений, ленинградцы парировали ссылкой на то, что составители гусовских программ изолировали их от процесса разработки, поэтому ленинградцам оставалось только критиковать уже утвержденные программы. Однако им пришлось признать чрезмерную резкость своей полемики. Ход совещания направил в созидательное русло М. С. Эпштейн. В своем выступлении он резко осудил ленинградцев за жесткую критику ими программ ГУСа, но заявил, что не находит неустрашимых противоречий между двумя направлениями и считает необходимым привлечь ленинградцев к работе ГУСа. Предложенная в духе его выступления резолюция была принята. За нее голосовал даже Всесвятский, не посмевший перечить начальству. Но он был сильно раздосадован тем, что не удалось разгромить ленинградское течение. После совещания Б. Е. Райков в статье «Наша позиция» так объяснил изменение их тактики: «Само собой понятно, что мы согласились изменить свою тактическую линию и отказаться от прежней критики, как только пред нами открылась возможность принять участие в составлении программ и на будущее влиять на их содержание безболезненным образом, в процессе их создания»²³. Предлагая членам ОРЕО и читателям журнала «Живая природа» такое объяснение, Б. Е. Райков не мог сказать им всей правды, в частности, о секретном «совещании без протокола», в котором он участвовал. В конце работы официального совещания 3 марта 1928 г. Райков был приглашен руководителями ГУСа на встречу. На ней присутствовали М. С. Эпштейн, М. М. Пистрак, В. Н. Шульгин, А. П. Пинкевич (ему было поручено пригласить Райкова, но в беседе он не участвовал) и Б. Е. Райков. Эпштейн в категорической форме предложил Райкову компромисс: Райкова для «созидательной работы» включают в состав ГУСа, но он должен полностью отказаться от критики комплексных программ, сложить полномочия председателя ОРЕО, прекратить издание жур-

налов «Естествознание в школе» и «Живая природа», публично покаяться в том, что он безосновательно критиковал программы ГУСа. Вступивший в беседу М. М. Пистрак жестко заявил, что в противном случае они «начнут против Райкова кампанию». Ошеломленный Райков никакого ответа на такие предложения не дал, сказав, что ему нужно подумать.

После мучительных размышлений он решил критику ГУСа прекратить, руководство ОРЕО передал Н. М. Книповичу. От издания журналов он не отказался. Особенно тяжелым было требование публично покаяться. О своих чувствах в связи с этим он впоследствии вспоминал: «...опубликовать “рассказание” я был органически неспособен и считал, что это было бы величайшей подлостью с моей стороны»²⁴.

Действительно, Райков был включен в состав ГУСа, но сотрудничество не сложилось. Наркомпрос поручил подготовить новую программу по естествознанию параллельно ленинградцам и москвичам. Для обсуждения подготовленных проектов 22 декабря 1928 г. в Москве под председательством Б. В. Всесвятского состоялось согласительное совещание. Решение должно было приниматься большинством голосов, но представительство не было паритетным: 3 человека от Ленинграда (Райков, Ягодовский, Бастров) и 6 человек от Москвы (все сторонники Всесвятского). Всесвятский и его коллеги не допускали, что могут быть какие-то компромиссы. В итоге ленинградский проект программы был отвергнут 5 голосами («за» — 3).

Ситуация явно подходила к той стадии идейной борьбы, на которой, согласно доморощенной теории Всесвятского, должна происходить «ликвидация нежизненных и ненужных идей»²⁵. Именно это он и его высокий покровитель М. М. Пистрак и наметили сделать на Всероссийской конференции преподавателей естествознания школ повышенного типа. Свидетельством таких намерений явилась публикация документа «Наша платформа» в журнале «Естествознание в трудовой школе». Составители платформы писали, что «нарастающий напор чуждой нам идеологии требует установления **принципиальных** вех нашей платформы». Большая часть декларации посвящена этим «вехам»: классовый подход к образованию, подчинение содержания образования задачам социалистического строительства, производственно-

трудоустройке в работе школы, применение исследовательского метода в изучении природы и др. О достоинствах преподавания по «комплексам» в платформе ничего не говорилось: для ее авторов это было само собой разумеющимся. В платформе указывалось на сложность в строительстве новой школы и делался такой вывод: «Вот почему решительный отпор должен быть дан тем группам естественников, которые... объективно борются против новой школы и четко поставленных перед нею классовых целей воспитания. Против них и должен быть в первую очередь направлен огонь нашей революционной марксистской критики»²⁶. Вероятно, опасаясь, что лидеры ленинградского течения проигнорируют платформу, их московские оппоненты опубликовали в «Учительской газете» 21 декабря 1928 г. «Открытое письмо», адресованное Б. Е. Райкову и совету Ленинградского ОРЕО. Письмо подписали 39 человек, из них 16 были сотрудниками Биологической станции в Сокольниках, 12 — учителями московских школ, 1 профессор — А. П. Пинкевич. Составители письма заявили о безоговорочной поддержке платформы, опубликованной в журнале «Естествознание в трудовой школе», и потребовали от Райкова и совета ОРЕО «совершенно ясного, четкого, недвусмысленного отношения к ней». Совет Ленинградского ОРЕО дал корректный ответ «стоящему на классовой основе учительству», твердо указав, что такая массовая общественная организация, как ОРЕО, действующая на основе утвержденного властью устава, может иметь свою позицию, а методические вопросы нельзя обсуждать на языке ультиматумов²⁷.

Руководимое М. М. Пистраком оргбюро Всероссийской конференции тщательно формировало состав будущих его участников, докладчиков, готовых дать бой ленинградскому направлению. Выполняя указания оргбюро, Ленинградский отдел народного образования разобщиł естественников города. Помимо представителей ОРЕО (Г. Н. Боч, Е. Р. Выгодская, Н. Д. Владимирский, Б. Е. Райков, К. П. Ягодковский и С. А. Павлович, который однако от борьбы уклонился) отдел народного образования направил на конференцию особую делегацию. Из 10 докладчиков, заявленных Ленинградским ОРЕО, оргбюро включило в программу только одного, К. П. Ягодковского, да и

то по второстепенному вопросу. Все остальные докладчики были из московского течения.

Предполагая, что на конференции ленинградскому направлению предъявят политические обвинения, а членов ОРЕО попытаются отколоть от Б. Е. Райкова, совет Ленинградского ОРЕО решил выступить с коллективным мнением. 18 января 1929 г. на общем собрании ОРЕО был одобрен документ «Методические положения ОРЕО», под которым поставили подписи 145 участников собрания.

Первая Всероссийская конференция преподавателей естествознания состоялась в Москве 22—27 января 1929 г. В первый день работы конференции с общим докладом «Естествознание и марксизм» выступил А. В. Луначарский, который, как говорят в бюрократических кругах, был принят к сведению. Лишь Б. В. Всесвятский выразил несогласие с утверждением наркома о том, что у ленинградского течения нет особой политической позиции, а расхождения касаются только педагогических проблем. Всесвятский, наоборот, считал, что расхождения прежде всего политические. В действиях группы Всесвятского на конференции четко прослеживается стремление любыми средствами опорочить своих противников, устранить с общественной арены и утвердить свою монополию в методике преподавания естествознания. Поведение Б. Е. Райкова и других стойких приверженцев ленинградского направления, Г. Н. Боча, Н. Д. Владимирского, Е. Р. Выгодской, определялось благородным стремлением сохранить и защитить свою честь и отстоять право на участие в общей работе по развитию советской школы²⁸.

Главным, по замыслу организаторов конференции, был доклад Б. В. Всесвятского «Производственный принцип в программах естествознания школ второй ступени». В нем он декларировал всем известные тезисы, ловко обошел вопрос о том, чему учит 6-летний опыт работы по комплексным программам, и, как будто забыв о теме доклада, подвергал поношению (пожалуй, это в данном случае точное слово) ленинградское направление по всем проблемам школьной работы и даже журнальной публицистики. Он приписал им стремление сорвать строительство новой школы, протащить в методику буржуазные идеи. Всесвятский обвинял их в том, что они не работают над реализацией программ

ГУСа и т. д. Пафос его разоблачений был направлен преимущественно против Райкова. Выслушав брань и угрозы докладчика и ряда участников прений, Райков получил слово для выступления (14-м по счету). Он не стал лично оправдываться и опровергать фальсификации, содержащиеся в докладе Всесвятского, а зачитал одобренную ОРЕО методическую декларацию. Ленинградцы к этому времени накопили опыт борьбы, они предполагали, в чем будут их обвинять, и противопоставили обвинениям и выдумкам четкое изложение своей позиции. Первое положение их декларации гласило, что они считали для себя обязательными требования программы ВКП (б) по народному образованию. Чтобы выбить главный козырь обвинителей, второй пункт декларации ее авторы начали с указания на то, что они определяют задачи школьного преподавания естествознания, исходя из классовых целей советской школы. Подчеркнув в этом пункте, что мировоззрение в духе диалектического материализма опирается на эволюционную теорию, они сделали вывод, что из этого вытекает необходимость «целостного и планомерного построения всего курса естествознания» на основе системного применения эволюционной теории. Декларация не отвергала производственного уклона, а лишь предостерегала от его вульгаризации. Далее было показано, что по основным вопросам методики естествознания ленинградцы не расходятся с педагогическим сообществом. Райков отверг обвинения в политических мотивах критики ГУСа, подчеркнув, что ленинградцы добиваются лишь одного — сохранения естествознания как самостоятельного предмета. Огласив «Методические положения ОРЕО», Райков передал его текст в президиум, вызвав тем самым замешательство в его рядах, поскольку всем было видно, что ленинградцы готовы пойти на уступки и демонстрируют готовность к совместной работе. И это было подтверждено 145 подписями членов ОРЕО. Пистрак, председательствовавший на конференции, решил бросить в бой «тяжелую артиллерию» и передал текст Луначарскому. Нарком выступил на следующий день с пространной и не очень конкретной речью, так как он плохо разбирался в вопросах методики естествознания. «Методические положения ОРЕО» Луначарский квалифицировал как платформу, противостоящую программам ГУСа. Но он старался быть объективным, врагов в ленинградском направлении не видел и

склонял противоборствующие стороны к компромиссу. Свою речь Луначарский завершил обращением к ленинградцам: «Мы просим Вас, проф. Райков и всех, кто с Вами, поработайте сначала, а пока воздержитесь от борьбы. Лучше сложим оружие, которым мы друг друга поражаем»²⁹.

Отклонить призыв наркома к сотрудничеству ленинградцы не могли, уличать его в том, что в критике их методических положений он обнаружил некомпетентность, они сочли некорректным, поэтому пошли на компромисс во имя сохранения единства сообщества естественников. 24 января на заседании конференции Б. Е. Райков заявил, что ленинградцы снимают с обсуждения свою декларацию, признают программы ГУСа, так как «поняли, что это единственный путь для лиц, желающих работать на почве советской школы»³⁰. Но они оставили за собой право вносить предложения в обсуждавшиеся проекты резолюций по конкретным вопросам. Для ленинградского течения это было тяжелое решение, ведь им пришлось признать программы, которые они считали ошибочными, но убедить Наркомпрос в своей правоте не смогли. Пистрак с трибуны совещания заявил, что ленинградское течение потерпело поражение. Он поспешил оповестить об этом педагогов и опубликовал в «Учительской газете» статью «Некоторые итоги» (1929 г., № 14). Пистрак потребовал, чтобы Райков перепечатал статью в журнале «Живая природа», что тот и исполнил. Главный итог конференции Пистрак видел в том, что «борьба, которая велась до конференции между так называемыми московским и ленинградским течениями завершилась решительной победой московского течения, отражающего в наиболее полной мере идеи, заложенные в гусовских программах»³¹.

Вскоре после конференции в Москве, 8 февраля 1929 г. состоялось собрание членов ОРЕО в Ленинграде. Райков, Боч, Ягодский сделали доклады о совещании в Москве. Собрание одобрило (при 3 воздержавшихся) поведение своей делегации. Таким образом, лидеры ленинградского направления не оторвались от масс педагогов, точнее, не утратили их доверия.

15 марта 1929 г. М. М. Пистрак прибыл в Ленинград закреплять победу. На конференции естественников он выступил с большим и очень агрессивным по тону докладом. На борьбу между педагогическими течениями он перенес принципы внут-

рипартийной борьбы в ВКП (б) и заявил, что опыт РСДРП «учит тому простейшему организационному принципу, что течение, признавшее себя побежденным, признавшее свои ошибки, должно распустить свои организационные центры»³², и потребовал немедленно распустить ОРЕО.

Одновременно осуществлялось административное давление на Райкова и других представителей ленинградского течения: распоряжением ленинградского завгоруно Попова была закрыта созданная Райковым биостанция в Детском селе, которая с 1924 г. была филиалом Центральной городской биологической станции. Чтобы не осложнять работу Центральной станции Райков сложил с себя полномочия ее заведующего. Под административным давлением В. Ф. Натали, К. П. Ягодовский, С. А. Павлович вышли из редакции журналов «Естествознание в школе» и «Живая природа», а с 1930 г. они были закрыты. ОРЕО тоже распустили. В педагогическом институте имени А. И. Герцена начались гонения на Райкова. С оскорбительными речами на собрании естественного отделения выступили студенты В. Токарев и П. Беликов, которых Райков считал осведомителями ОГПУ. Их действия направлял А. Ф. Бенкен, ставленник московского течения, которого назначили заведующим естественного отделения вместо Ф. Е. Тура. Подвести под репрессии критиков ГУСа было совсем несложно в обстановке, когда после «Шахтинского дела» страну захлестнула кампания по выявлению вредителей. В конце мая 1930 г. управление ОГПУ по Ленинградской области арестовало Б. Е. Райкова, большую часть работников кафедры методики естествознания, Ленинградской центральной педагогической биостанции, несколько членов ОРЕО в других городах. В марте 1931 г. по решению «тройки» на основании статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР 11 человек по обвинению в антисоветской деятельности были приговорены к суровым незаслуженным наказаниям: Б. Е. Райков (10 лет заключения в лагере), Г. В. Артоболевский, Н. Д. Владимирский, Б. Н. Любимов (из г. Полтава) получили по 5 лет исправительных работ в лагерях, Е. Р. Выготская, О. А. Баратова, Н. Н. Виноградова-Никитина (из Ярославля) по 3 года лагерей, М. А. Сосипатрова, Н. С. Берсенов, А. П. Корнева приговорены к ссылке на север Сибири. Были уволены с работы Г. Н. Боч (Ленинград), С. А. Павлович (Ленинград), В. Ф. Натали

(Москва), Г. Г. Шехтер (Уфа), Н. П. Дьяченко (Астрахань), Г. Д. Лавров (Саратов) и многие другие.

Противники ленинградского течения в методике естествознания торжествовали победу. Теперь, когда их соперники сидели в тюрьме, они могли не стесняться себя никакими нравственными узами и делали карьеру на добивании находившихся в заточении своих врагов. Верхом аморализма стали многочисленные публикации, «разоблачавшие» «райковщину» (теперь «победители» термином «ленинградское течение» почти не пользовались). Не довольствуясь эпизодическими «выстрелами», они в начале 1931 г. решили дать «залп» по «райковщине»: в первом номере журнала «Естествознание в советской школе» (до этого он назывался «Естествознание в трудовой школе»), который выходил под редакцией Н. Ф. Преображенского, был опубликован целый комплект статей: Я. Н. Степанова «Вредительское звено в подготовке кадров», Б. В. Игнатьева «Райковщина и политехнизация школы», Ф. Ф. Дучинского «Райковщина как реакционное направление в школьном естествознании» и др. Этот «залп» против «райковщины» был не чем иным, как средством самозащиты. Авторы «комплексных» программ и их ближайшие приверженцы явно почувствовали, как под их ногами заколебалась опора, так как жизнь ежедневно приносила все новые и новые подтверждения того, что начатая по их инициативе и проводимая под их напором реорганизация школьного образования терпит провал, поскольку она противоречила не только принципам научной педагогики, но и здравому смыслу.

А 5 сентября 1931 г. над ними грянул гром: в газете «Правда» было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе». В нем содержалась жесткая оценка извращений в школьном деле, а во многих из них были повинны гонители Б. Е. Райкова и его сподвижников. Убийственной для тех, кто совсем недавно превратил слово «предметник» чуть ли не в бранное, была следующая оценка последствий внедрения «комплексов»: «Всякая попытка оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики, преподавание которых должно быть поставлено на основе строго определенных и тщательно разработанных программ, учебных планов и проводиться по строго установлен-

ным расписаниям, представляет собой грубейшее извращение идей политехнической школы»³³. ЦК ВКП (б) потребовал от наркомпросов союзных республик в короткий срок разработать программы, «обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний (родной язык, математика, физика, химия, география, история)»³⁴. Это относилось и ко всем другим предметам, в том числе и к ботанике, зоологии и т. д.

Постановление ЦК ВКП (б) выставило на позор разработчиков «комплексных программ» и в первый момент повергло их в состояние растерянности. Оспаривать постановление ЦК ВКП (б) они не смели, безоговорочно признать себя виновниками «легкомысленного методического прожектерства» не хотели. Проявляя изворотливость, свойственную беспринципным карьеристам, они попытались, лицемерно покаявшись, остаться на коне и изобразить себя стойкими борцами за линию партии в сфере образования, способными первыми и во всей глубине понять смысл постановлений ЦК ВКП (б) и тем самым сохранить за собой право учить других выполнять их. Яркой иллюстрацией их растерянности, лицемерия и изворотливости может служить редакционная статья в журнале «Естествознание в советской школе» «Директивы ВКП (б) и задачи журнала» (1931, № 7/8).

Постановление ЦК ВКП (б) по существу в основном признавало правоту ленинградского течения методики естествознания, но его лучшие представители продолжали томиться в лагерях, тюрьмах и ссылке.

Не прошло бесследно «легкомысленное прожектерство» для руководителей Наркомпроса и подведомственных ему научных учреждений, некоторые из них, в том числе М. С. Эпштейн, М. М. Пистрак, В. Н. Шульгин, А. П. Пинкевич, лишились своих постов. А деятели «второго эшелона» — Б. В. Всесвятский, Б. В. Игнатъев, М. М. Беляев и др., быстро превратившиеся из «комплексников» в «предметников», использовали созданный ими вакуум в методике естествознания и заняли в ней самые лучшие и выгодные ниши.

* * *

Таким образом, мы проследили ход и исход напряженной дискуссии по одному из коренных вопросов работы отечественной школы 1920-х гг. — о содержании и организации учебного процесса и вокруг так называемых «комплексных» программ. Временная победа сторонников этих программ поставила советскую школу на грань развала, и лишь вмешательство ЦК ВКП (б) остановило ее сползание в пропасть. Это постановление, появившееся 25 августа 1931 г., вызывает ироническую ассоциацию с изречением «Бог правду знает, да не скоро скажет». Необходимо исследование того, почему и как сложилась ситуация, когда на виду ЦК ВКП (б) и даже от имени «партии» и «пролетариата» шло разрушение школы и грубая дискриминация наиболее квалифицированной части педагогов. Постановление ЦК ВКП (б) от 25 августа 1931 г. помогло вернуть школу на проверенные долгим опытом принципы организации учебного процесса (предметная система преподавания, классно-урочная система учебного процесса, ведущая роль учителя и др.), но оно не восстановило изломанные человеческие судьбы и подорванный потенциал педагогической науки. Петербургская-ленинградская школа методики преподавания естествознания, определявшая состояние естественнонаучного образования в стране на протяжении почти трех десятилетий, была разгромлена и не возродилась, хотя из молодежи впоследствии выросли способные методисты, даже ставшие действительными членами Российской академии образования.

По оценке самих участников дискуссии, она имела характер непримиримой борьбы, в чем проявились не только амбиции лидеров московского и ленинградского течений в методике естествознания, но и конфронтационный тип политической культуры российской интеллигенции, для которого характерно не столько стремление к выяснению истины, сколько желание победы над оппонентом или соперником.

Из истории педагогических дискуссий вытекает урок, подчеркивающий ответственность интеллигента за предлагаемые им обществу идеи, а также необходимость толерантного отношения к другим людям.

Примечания

- ¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, Пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 4. С. 569—577. Постановление «О начальной и средней школе» принято 25 августа 1931 г., опубликовано в газете «Правда» 5 сентября, поэтому в научной литературе указывается то дата его принятия, то дата опубликования.
- ² Народное образование. 1920. № 56/58. С. 5.
- ³ Листки Биологической станции юных натуралистов имени К. А. Тимирязева (далее — Листки БЮН). 1925. № 17. С. 257—258.
- ⁴ Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал (далее — Архив РАН). Ф. 893. Оп. 1. Д. 20. Л. 31а.
- ⁵ Листки БЮН. 1924. № 15. С. 125.
- ⁶ Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 5. Л. 43. В этом фонде хранятся 9 томов воспоминаний Б. Е. Райкова «На жизненном пути», которые в данной статье цитируются неоднократно.
- ⁷ Листки БЮН. 1925. № 4. С. 372.
- ⁸ Там же. № 1. С. 5.
- ⁹ Там же. № 5. С. 4.
- ¹⁰ Там же. № 24. С. 374.
- ¹¹ Там же. С. 375.
- ¹² Живая природа. 1926. № 5. С. 131.
- ¹³ Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 5. Л. 155.
- ¹⁴ Там же. Л. 159.
- ¹⁵ Естествознание в школе. 1927. № 2. С. 69.
- ¹⁶ Там же. С. 70.
- ¹⁷ Там же. С. 73.
- ¹⁸ Живая природа. 1927. № 2. С. 43—44.
- ¹⁹ Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 5. Л. 116.
- ²⁰ Там же. Л. 165.
- ²¹ Листки БЮН. 1925. № 24. С. 379.
- ²² Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 5. Л. 186.
- ²³ Живая природа. 1928. № 10. С. 294.
- ²⁴ Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 5. Л. 211—212.
- ²⁵ Листки БЮН. 1925. № 17. С. 257—258.
- ²⁶ Естествознание в трудовой школе. 1928. № 5 (7). С. 6.
- ²⁷ Живая природа. 1928. № 19/20. С. 564—565.
- ²⁸ Архив РАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 5. Л. 225.
- ²⁹ Труды Всероссийской конференции преподавателей естествознания школ повышенного типа, 22—27 января 1929 г. М. ; Л., 1930. С. 151.

³⁰ Там же.

³¹ Живая природа. 1929. № 2. С. 33.

³² Естествознание в трудовой школе. 1929. № 5. С. 12.

³³ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 4. С. 570.

³⁴ Там же. С. 572.

В. М. Кузьмина

**ФОРМЫ УЧАСТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА
НА ЭТАПЕ ФОРСИРОВАННОЙ
ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Многочисленные реформы, проводимые в современной России, идут под знаком модернизации. В СМИ, онлайн-конференциях, конгрессах, симпозиумах с участием государственных деятелей, экономистов, политологов, историков, философов, социологов¹ это понятие стало настолько распространенным, понятным, для всех приемлемым в силу своей нейтральности и универсальности, что совсем забыли не только о различных трактовках данной дефиниции, разных подходах к ее определению, но и об имеющемся историческом опыте проведения модернизации в нашей стране.

В современных условиях модернизация выступает жизненно необходимой, а не просто желательной мерой. Но российское общество, независимо от принадлежности к историческим эпохам, соответствующим образом реагирует на модернизационные импульсы, идущие сверху. Среди основных характерных черт можно выделить неприятие, пассивное сопротивление новациям, медленное накопление противоречий и потенциала недовольства, народный протест, обращенный в прошлое². Опыт подсказывает нам, что на протяжении всей отечественной истории интеллигенция являлась важной созидательной силой, способной преобразовать общество и влиять на состояние умов. Руководство страны,

---

© Кузьмина В. М., 2011

Кузьмина Виолетта Михайловна — кандидат исторических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета (Москва). kuzmina-violetta@yandex.ru

социальные группы, партии небезосновательно считали, что от деятельности интеллигенции зависел прогресс в областях науки, техники, искусства, образования и т. д. Еще Ф. М. Достоевский отметил роль интеллигенции в обществе: «Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выделяются... Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всю историческую жизнь страны...»³ Поэтому труд интеллигенции важен и социально значим, поскольку способствует творческому решению практических проблем в той или иной области. Чем активнее ее участие в социально-экономических реформах, тем быстрее и организованней совершается переход к цивилизованным формам социального бытия. И сегодня будущее страны будет во многом определяться той общественно-политической, гражданской позицией, которую осознанно займет образованная часть общества⁴.

В связи с этим, в условиях современной модернизации общества, важно обратиться к опыту советского руководства по привлечению творческой интеллигенции к решению проблем индустриальной модернизации страны на протяжении XX века.

Партийно-государственному руководству в течение второй половины 1920-х — 1930-х гг. удавалось поддерживать высокий жизненный тонус народа, трудовой энтузиазм. В новом строящемся социалистическом обществе необходимо было совершить экономический рывок, суметь выйти на один уровень с развитыми европейскими странами, и правительство выбрало курс форсированной индустриализации.

Всеобщий трудовой энтузиазм, который имел место на протяжении многих десятилетий, поддерживался системой пропаганды и культурно-массовой просветительской работы. Они были ориентированы на максимальное освещение трудовых достижений, формирование устойчивой ценностной ориентации на труд, усердие, энтузиазм. В духовной культуре поощрялся особый «производственный» жанр, который существовал и в литературе, и в театре, и в живописи, во всех других видах искусства.

Успехи индустриальной модернизации зависели от готовности народа к бескорыстному труду на благо отечества — построения социализма, а для этого необходимо было формировать у человека новую систему ценностей, которая в конечном итоге должна была стать основой гармонично развитой личности.

Можно назвать произведения писателей, оказавших влияние на многие поколения людей, которые воспитывали и о которых с ностальгией вспоминают сейчас. «Доменная печь» (1925) Н. Ляшко, «У станков» (1924) А. Филиппова, «Домна» (1925) П. Ярового и «Стройка» (1925) А. Пучкова — повести о начальном этапе индустриализации государства. Свобода и жизненная сила советского гражданина должны были быть сосредоточены в труде, и потому писатели создают целую череду произведений, которые объясняют, почему так надо.

А. П. Платонов принимал не только активное участие в литературной жизни Воронежа, выступая на дискуссиях о пролетарской и буржуазной культуре в Коммунистическом союзе журналистов; он печатался в коммунистических газетах и журналах «Воронежская коммуна», «Красная деревня», «Железный путь», «Призыв» и др.⁵ Платонов, благодаря своему творчеству, старался в доступной форме пропагандировать мероприятия советской власти, направленные на индустриальную модернизацию. Например, в 1921 г. в Воронеже выходит небольшая книга «Электрификация», в 1922 г. в Краснодаре — книга стихов «Голубая глубина». Читатель чувствовал, что А. П. Платонов — в душе сын не только своего слесаря-отца, но и вообще русского рабочего.

Тема освобожденного творческого труда, раскрепощающего человека, — давняя, заветная тема Гладкова, своего рода «открывателя» этой проблематики в советской литературе. Человеческая личность, взращенная социалистическим строем, человек-труженик во всем великолепии его человеческих качеств ускользал от проникновенного взора художника, любящегося главным образом плодами трудов человека. По словам Гладкова, замысел произведения родился у него еще в 1926 г. В 1927 г. писатель посетил Днепрострой. Затем он побывал на Волховской, уже действовавшей электростанции, вернулся на

Днепрострой, длительное время принимал активное участие в жизни партийной организации стройки.

Художники активно пропагандировали рост индустриальной мощи страны. Так, картина Б. Н. Яковлева «Транспорт налаживается» (1923) являлась программным произведением, утвердившим в советском пейзаже индустриальную тему. Художник сумел в поэтическом образе передать тему борьбы рабочего класса за восстановление народного хозяйства. К индустриальному пейзажу обращаются в тот период многие художники. В 1923—1924 гг. А. В. Моравов совершает поездки на Волховстрой, чтобы отобразить строительство первенца советской электрификации.

Именно те образы, которые были созданы в творчестве поэтов и писателей, художников и драматургов, дали основание Фейхтвангеру иронизировать над идеологией советского народа. «Мне нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей, — пишет Фейхтвангер. — Молодой народ ценой неслыханных жертв создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому»⁶.

Но ведь на самом деле творческая интеллигенция сделала гораздо больше, чем просто пропаганда достижений индустриального развития страны. Она сформировала новый тип советского человека, который на долгие десятилетия чувствовал свое единство с партией, государством и народом. Именно это единство лежало в основе тех трудовых подвигов, которые совершали простые советские люди на всех участках работы.

Несмотря на активизацию деятельности творческой интеллигенции, в обществе в 1928—1929 гг. начало нарастать напряжение. На рубеже 20—30-х гг. Сталин и его окружение отказались от нэпа и взяли на вооружение стратегию форсированного развития. В основе данной программы находился выбор одного приоритетного направления в развитии экономики — тяжелой индустрии. Все ресурсы страны концентрировались на этом магистральном направлении. Для перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность был создан специальный механизм — совхозы и колхозы.

Главным результатом коллективизации стал осуществленный со многими неоправданными издержками индустриальный

скачок. Жизненный уровень населения резко упал, что выразилось в социально-психологическом напряжении. Происходили кратковременные забастовки, правда, не отличавшиеся значительным числом участников. Прямых антисоветских выступлений на предприятиях не наблюдалось. На ряде рабочих собраний принимались резолюции представителей левой оппозиции, содержавшие требования повышения заработной платы, отмены новой тарифной сетки, пересмотра норм и расценок.

В Постановлении президиума ВСНХ СССР «О перспективах развития промышленности ЦЧО» было отмечено, что 5-летний план по ЦЧО недоучел внутренних ресурсов области и перспектив ее развития и оставил неразрешенными важнейшие задачи индустриальной модернизации⁷. К внутренним ресурсам относились не только людские, экономические, природные факторы, но и идеологические. Это означало необходимость активизации работы комсомольских, партийных ячеек и, конечно же, представителей интеллигенции по вопросам мобилизации населения на решение задач социально-экономического развития региона. Поскольку районы были аграрными, то для стимулирования перехода крестьян в рабочие необходимо было вести непрерывную агитацию и пропаганду.

В условиях индустриализации и массового раскулачивания требовалось создать у народа впечатление, что власть поддерживает крестьянство, а проводимые мероприятия необходимы для успешной индустриализации страны⁸. Коллективизация, являющаяся составной частью индустриальной модернизации и источником финансовых поступлений, нашла отражение в ярких произведениях литературы 1930-х гг. — «Поднятой целине» (1932) М. Шолохова и поэме А. Твардовского «Страна Муравия» (1936). Именно демонстрация такого единения партии и народа благодаря произведениям творческой интеллигенции должна была являться прочной основой для осуществления индустриальной модернизации.

Тема поддержки крестьянства нашла отражение и в изобразительном искусстве. Об этом свидетельствует творчество столичных художников, например С. В. Герасимова. Еще в 1920-х гг. он создает ряд портретов крестьян, выявляя их типические черты. Написанная в 1933 г. работа «Колхозный сторож» подытоживает

жизненные наблюдения художника. Аналогичные полотна создают и художники Центрального Черноземья. Очень живые зарисовки делает в это время художник Н. А. Отнякин в колхозах Сампурского района⁹.

В Воронеже в редакции областной газеты ЦЧО «Новая деревня» первый номер вышел в свет 1 января 1929 г. под лозунгом: «Крепи союз рабочих и крестьян». Ольга Кретова становится сотрудницей нового издания, предназначенного для крестьян Черноземья. Работая литературным сотрудником, редактируя множество заметок селькоров, она обогащалась знанием удивительных фактов о жизни советского села. Вскоре О. К. Кретова написала документальную повесть «Выбор». В 1930 г. она была опубликована в Москве отдельной книгой вместе с другим произведением писательницы — «Вывих». В повести рассказывалось о выборе советскими крестьянами своего нового пути.

В произведениях, опубликованных на страницах литературно-художественного журнала «Подъем», издававшегося с 1931 г. по инициативе первого секретаря обкома ВКП (б) Центрально-Черноземной области И. М. Варейкиса, нашла отражение вся эпоха социализма, включая и предреволюционные годы, когда борьба за новую жизнь только начиналась. О революции, гражданской войне, об индустриализации и начинающейся коллективизации в начале 30-х гг. писали в «Подъеме» современники этих драматических событий — Петр Прудковский, Михаил Сергиенко, Виктор Петров, Василий Карпов. Имена по нынешним оценкам во многом ортодоксальные, но представить писательскую жизнь 30-х гг. без них невозможно¹⁰.

В общем литературном процессе предвоенных лет лучшие произведения о деревне, труде колхозника, новых приметах времени сыграли свою положительную роль. И хотя этих произведений было немного, в них закладывались те зерна, которые дали свои всходы позднее, в послевоенной литературе о колхозном строительстве (очерки В. Овечкина, В. Тендрякова, рассказы С. Антонова, роман и повесть Г. Николаевой)¹¹.

Правдивостью изображения довоенной колхозной жизни, актуальностью и смелостью постановки вопросов отличались рассказы и очерки В. Овечкина. Простого труженика произведения В. Овечкина подкупают убедительностью показа нового,

колхозного быта, который уже стал органическим, привычным в жизни деревни. Особенно очевидным это становится при сопоставлении с еще недавним прошлым, например в рассказе «Родня» (1938). Живо передано Овечкиным соревнование двух колхозов в известном рассказе «Гости в Стукачах» (1940). Но колхозная жизнь в произведениях Овечкина не идиллия. В них изображено немало плохих руководителей, разваливающих колхозное хозяйство, нерадивых колхозников, летунов, спекулянтов. Писатель рассказывает, как трудно иной раз приходится передовым людям деревни.

Особенностям социалистического строительства в Черноземье посвящен сборник стихов Н. Н. Асеева «Наша сила» (1939). В стихах автору удалось создать гармоничный облик советского человека — строителя своего будущего — вместе с преобразующейся природой.

Писатели также стремились показать социальные противоречия, которые неизбежно возникают в процессе трудовой деятельности. Среди цикла произведений второй половины 30-х гг., посвященного социалистическому строительству, соревнованию, стахановскому движению, по свежести и остроте поставленных вопросов, сюжетно-композиционному своеобразию выделялась повесть молодого писателя Юрия Крымова «Танкер Дербент» (1938). Борьба за стахановские методы труда показана одновременно как классовая борьба. Идеи труда, коллектива органически сливаются в повести с вопросами этики, новой, коммунистической морали, ее превосходства над «моралью» людей старого мира.

Эта важная тема — формирование нового человека благодаря вовлечению в социалистический труд — была поднята Б. Горбатовым в его незавершенном романе «Донбасс» (1951). Это произведение посвящено событиям 30-х гг., когда развертывалось стахановское движение, породившее «новых, особенных» людей¹². На происходящее писатель смотрит глазами современника 1950-х гг., и это определило актуальность романа. Рассказывая о прошлом, о делах, небывалых по своему размаху, о «крылатых днях» наступления социализма, Горбатов подчеркивает главное: «По-моему, — пишет он, — именно в эти тридцатые годы уже стал явственно обозначаться характер нового человека на земле — советского человека, строителя коммунизма»¹³. Писа-

тель ставит своей задачей проследить, исследовать далеко не легкий путь формирования в труде новых людей.

Подавляющее большинство мастеров советского искусства обращаются к актуальным темам современности. Основным содержанием художественных произведений становится жизнь народа, его героическая борьба за построение социализма. Все-союзные художественные выставки в этот период строятся по тематическому принципу: «XV лет РККА» (1933), «XX лет РККА» (1938), «Индустрия социализма» (1939) и др. На выставке «Индустрия социализма» среди произведений на колхозную тему метко охарактеризованными образами крестьян выделялось полотно «Колхозный праздник» (1937) С. В. Герасимова. Живописец создал правдивую картину настоящего народного праздника — красочного, яркого, жизнерадостного. В подобных выставках принимали участие и художники Центрального Черноземья. Так, тамбовские художники участвовали на проходившей в Москве XI выставке АХР «Искусство в массы» (1929).

Одной из форм связи искусства с жизнью в 1930-е гг. были творческие поездки художников на заводы, фабрики, колхозы. В 1933 г. прошла первая областная художественная выставка «Художники центрально-черноземных областей за 15 лет», а через три года состоялась следующая областная выставка. В ней приняли участие 70 художников из Воронежа, Курска, Орла; экспонировалось 260 произведений живописи, скульптуры и графики. Представленные на выставках произведения отмечены поисками новых тем, идеалов, отвечающих требованиям времени. С интересом были приняты зрителями новые работы А. Левшина и П. Дмитриева, сделанные ими на Тамбовском вагоноремонтном заводе, среди которых было много портретных зарисовок передовиков производства. Как рассказывал А. Левшин, во время работы на заводе им оказывался самый теплый прием.

Творческая интеллигенция прилагала все усилия для пропаганды достижений индустриальной модернизации, и в этом значительную помощь оказывал кинематограф. Много фильмов было посвящено различным отраслям промышленности: «От руды к металлу», «От хлопка до ткани», «Постройка железнодорожного вагона», «Нефть», «Марганец», «Производство стан-

ков», «Производство электроламп», «Производство шелка», «Как делается газета», «Лесозавод», «Консервные заводы», «Фабрика-кухня», «Стекланный глаз» (производство фильмов), «Сорок сердец» (электрификация СССР).

Драматурги активно работали над сценариями к фильмам, посвященным наглядным примерам из области индустриальной модернизации советского общества в 1930-е гг. В самом раннем из художественных фильмов («Земля», 1930) трактор является символом смычки города и деревни. В «Трактористах» (1939) трактор — это уже мирная ипостась танка, сражающегося на поле трудовой битвы. Таким образом, на протяжении 30-х гг. техника из символа связи рабочего и крестьянина превращается в символ связи крестьянина и солдата.

Стахановское движение также находит свое отражение в кинематографе, что обеспечивает еще один путь к трудовой мобилизации народа в условиях индустриальной модернизации¹⁴. Так, ударный стахановский труд позволяет крестьянам занять руководящие позиции в своем собственном колхозе. Эта возможность одинаково доступна и мужчинам и женщинам. Карьерный рост выражался в общественном признании, транслируемом через средства массовой информации (заметка с фотографией в газете), в наградах и дарах (закреплявших за ударником высокий социальный статус, отмеченный особым стилем и уровнем потребления), а также в форме делегирования на различные всесоюзные мероприятия, проходившие в Москве («Свинарка и пастух», реж. И. Пырьев, 1941).

Благодаря подобным литературным, кинематографическим произведениям воспитывалось поколение рабочих, чувствовавших свое единение с проходившей в стране индустриальной модернизацией, ответственность за ее темпы. Это осознавали видные деятели культуры и искусства, но проблема состояла в том, что нужно было на высоком профессиональном уровне донести идеи индустриальной модернизации до советских граждан. Эту мысль четко обозначил в своем выступлении А. Довженко на совещании киноработников в редакции «Правды» 23 ноября 1935 г. Наиболее важными он назвал «вопрос колхозников и стахановцев и вопрос обороны». Именно эти две проблемы необходимо было

решать в том числе и творческой интеллигенции, поскольку они являлись важнейшими для государства¹⁵.

При поддержке правительства интеллигенция приняла активное участие еще в одной кампании, которая должна была направить энергию трудового народа не только на стройки страны, но и в самодеятельность.

Художественная самодеятельность справедливо рассматривается как мощное массовое движение в области искусства. Основной смысл этого движения состоит в непосредственном приобщении широких слоев населения к занятиям искусством, овладению навыками художественного творчества, во внедрении творчества в повседневный быт¹⁶.

Благодаря желанию интеллигенции работать с населением не только в стенах государственных учреждений культуры, но и за их пределами было организовано большое количество кружков, клубов. Само руководство пошло по пути создания благоприятных условий для культурного просвещения масс и семейного отдыха через открытие домов и дворцов культуры, Дома Красной армии, домов народного творчества.

Вслед за дворцами в Воронеже, Курске, Тамбове, Борисоглебске, Ельце, Обояни, во многих уездных городах и рабочих поселках региона открываются пролетарские клубы; в них также начали функционировать многообразные организации музыкально-художественной самодеятельности: духовые и народные оркестры, хоровые и танцевальные кружки, театрализованная живая газета «Синяя блуза», агитационно-пропагандистские концертные бригады¹⁷. Несмотря на многие трудности, вызванные нехваткой материальных средств, музыкальных инструментов, нот, квалифицированных организаторов самодеятельного движения и музыкально грамотных руководителей кружков и секций, в 20-е гг. они успешно продолжали втягивать в сферу художественного творчества все большее число тружеников заводов, фабрик, перерабатывающей промышленности, строителей, транспортников, коммунальщиков.

Особенно результативной в этом отношении была деятельность воронежского Дома рабочей молодежи, клубов коммунистов и железнодорожников, курского Центрального пролетарского клуба, городских клубов металлистов, сахарников, строителей,

кожевников, сотрудников коммунальной службы, тамбовских клубов завода «Ревтруд», железнодорожников. Рабочий класс края с заинтересованностью и энтузиазмом относился к деятельности своих очагов культуры, принимал живейшее участие в работе самодеятельных кружков, секций, коллективов. Об этом говорят, в частности, документы о деятельности тамбовского городского Пролетарского клуба, где сразу же по открытии «при огромном стечении желающих были созданы хоровой коллектив, духовой и великорусский оркестры, многочисленные музыкально-вокальные кружки»¹⁸. Из сохранившихся источников можно узнать и о том, что, помимо регулярных концертных выступлений в своих помещениях, участники художественной самодеятельности губернских рабочих клубов нередко выезжали с содержательными музыкально-пропагандистскими программами в уездные центры и деревни региона.

В связи со значительным увеличением количества промышленных предприятий и сопутствующим ему естественным ростом рабочего класса, в конце 1920-х и особенно в 1930-е гг. музыкально-художественная самодеятельность получает широкий размах непосредственно на фабриках и заводах. Созданные и успешно функционирующие там оркестры, хоры, концертные бригады пользовались доброй славой и популярностью далеко за пределами своих трудовых коллективов; достойный пример являл, в частности, духовой оркестр воронежского паровозостроительного завода имени Ф. Э. Дзержинского, которым руководил И. В. Петров (впоследствии видный советский военный дирижер, педагог и композитор).

За любой культурно-просветительской работой стоял также прагматический интерес власти, для которой важно было заставить людей поверить в значимость индустриальной модернизации, в ее историческую необходимость, поэтому при организации изб-читален парторганы рекомендовали интеллигенции и комсомольскому активу к этому виду просвещения колхозников относиться серьезно.

Бурному развитию социалистической культуры черноземного села хорошо послужили олимпиады колхозной музыкально-художественной самодеятельности. В феврале 1930 г. в Воронеже был создан Дом искусств (ДИСК), взявший на себя организацию

всей работы, связанной с развитием художественной самодеятельности, заботу о приведении в единую систему многочисленных культпросветобществ. Именно тогда, в начале 30-х гг. прошлого века при ДИСКе начали работу передвижные инструктивные театры, разъезжавшие по деревням с показательными программами и заодно консультирующие на местах работников изб-читален, библиотек, первых клубов, творческих кружков¹⁹. 9 октября 1934 г. бюро Воронежского обкома ВКП (б) приняло решение «О проведении областной олимпиады самодеятельного искусства». По существу это был первый широкий общественный смотр состояния народного творчества и массовых видов искусства в колхозах и совхозах Воронежской области; в нем приняло участие 250 труженников села из 23 районов области²⁰. Концерты олимпиады выявили примечательную особенность: в репертуаре солистов, вокальных и хоровых ансамблей, исполнителей на гармонике, жалейке, цимбалах наряду с народными песнями и наигрышами значительное место заняла музыка Глинки, Чайковского, Листа, Шуберта, Шопена и других классиков. Это было одним из ярких свидетельств воодушевляющего сдвига в музыкально-духовной жизни социалистической черноземной деревни.

Опыт воронежских олимпиад получает широкое распространение и в других областях края. К середине 30-х гг. только в одном Валуйском районе Курской области работало 10 хоровых коллективов и 15 музыкальных кружков²¹. Именно здесь нашла заинтересованную поддержку мысль о здоровом соревновании колхозных музыкантов и певцов, о проведении в Курской области районных и областных сельских олимпиад самодеятельного искусства и народного творчества.

В целом, творческая интеллигенция справилась с поставленной перед ней задачей по агитации, пропаганде социалистических ценностей, нового образа жизни в условиях индустриальной модернизации благодаря активной организации самодеятельных коллективов, берущих свое начало из кружков, агитбригад и изб-читален. Активная совместная деятельность партийных и хозяйственных органов, работников культуры и искусства, как в центре, так и на местах, помогла добиться значительных достижений в индустриальной модернизации областей и районов Центрального Черноземья.

Вклад творческой интеллигенции в индустриальную модернизацию страны заключался также в создании произведений, отразивших те социально-экономические процессы, которые происходили в стране, при этом необходима была лакировка действительности с целью произвести у населения впечатление праздника даже от самой тяжелой работы.

Одной из ведущих, узловых тем литературы, живописи, драматургии, кинематографии являлась тема коммунистического созидания, тема труда. Поэты, прозаики, драматурги стремились передать в художественных образах пафос напряженного творческого труда советских людей — строителей коммунизма. Драматурги активно работали над сценариями к фильмам, посвященным наглядным примерам индустриального развития советского государства в 1930-е гг.

Благодаря произведениям творческой интеллигенции удалось сформировать новый тип советского человека со своими социалистическими ценностями и идеалами, которые были направлены на целеустремленную, созидательную, бескорыстную, творческую, коллективную деятельность. Формирование новой советской личности явилось важным и эффективным условием проведения в жизнь индустриальной модернизации страны. Именно такой опыт воспитательной работы творческой интеллигенции с населением необходимо использовать в современных условиях, когда труд потерял свою ценность, а целеустремленность, творчество и созидательность заменили на амбициозность, креативность и карьеризм.

Несмотря на серьезные успехи, советские писатели, художники, драматурги не могли во всей полноте раскрыть современную им жизнь — со всеми трудностями и противоречиями, преодоление которых составляло основное содержание борьбы советских людей за подъем отечественной индустрии и сельского хозяйства. Во многом это объясняется жестким контролем тематики и содержания литературных, музыкальных, драматургических произведений, связанным с упрощением сюжетных линий, демонстрацией отдельных явлений и черт характера, пафосностью трудового и военного подвига (хотя их значение никто не умаляет). Тем не менее, творческая интеллигенция Центрального

Черноземья смогла в своем творчестве отразить не накал внутрипартийной борьбы, не борьбу с врагом внешним и внутренним, а передать мысли, чувства, переживания людей, независимо от их социального статуса, социальной роли, по-человечески взглянуть на проблемы людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Удалось создать типичные образы, до сих пор не утратившие актуальности, хотя социально-политическая и экономическая обстановка сегодня совершенно иная. Благодаря некоторой лиричности произведений, их ненавязчивости, незамысловатости сюжетной линии, мы, по прошествии длительного периода времени, вновь и вновь обращаемся с этим темам, находя в них что-то душевное, близкое сердцу слушателя или читателя.

Примечания

- ¹ *Иноземцев В. Л.* Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2009. Вып. 1 ; *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе / под ред. В. Иноземцева. М., 1999 ; Модернизация России: наука, образование, высокие технологии : материалы II всерос. науч. конф. М., 2010 ; Модернизация России: ключевые проблемы и решения : XI междунар. науч. конф. М., 2010.
- ² *Ачкасов В. А.* Россия как разрушающееся традиционное общество // Полис. 2001. № 3. С. 84.
- ³ *Достоевский Ф. М.* Мечты и грезы (Дневник писателя, 1873) // Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1983. Т. 21. С. 93.
- ⁴ *Магарил С. А.* Интеллигенция и модернизация // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 4. С. 1—6.
- ⁵ Динамо—машина // Воронежская коммуна. 1920. 28 нояб. ; Кузнецы // Красная деревня (Воронеж). 1920. 10 мая ; Май // Там же. 1 мая ; Мальчик // Там же. 15 сент. ; Как добыть свет // Там же. 26 дек. ; Культура пролетариата // Воронежская коммуна. 1920. 17, 20 окт. ; Перерождение производства // Там же. 22 дек. ; Помогай, крестьянин! // Красная деревня. 1920. 23 июля ; Трудовое дезертирство (о борьбе с разрухой) // Там же. 10 июля ; Р. К. П. и электрификация // Воронежская коммуна. 1921. 7 янв. ; Электрификация деревень // Трудовой клич. 1921. 12 мая ; и т. д.
- ⁶ *Фейхтвангер Л.* Москва, 1937. М., 1937. С. 62.

- ⁷ Государственный архив Воронежской области. Ф. 842. Оп. 3. Д. 18. Л. 9 об. — 10.
- ⁸ Крестьянские истории : российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. М., 2001.
- ⁹ См.: Михайлов В. И. Художники Тамбовского края. Л., 1976.
- ¹⁰ Писатели Воронежа. Воронеж, 1969. С. 123—129.
- ¹¹ Сурганов В. Человек на земле : тема деревни в русской советской прозе 50—70-х гг. : истоки, проблемы и характеры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1984. С. 19.
- ¹² Назанетова А. Г. Преодоление теории «бесконфликтности» в новой отечественной литературе и художественное осмысление производственной проблематики в северокавказской прозе 20—60-х годов XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2009. С. 18.
- ¹³ Карпова В. М. Чувство времени : очерк творчества Б. Горбатова. М., 1970. С. 272.
- ¹⁴ Пономарева Д. А. Потемкинская деревня: крестьянский мир сталинского кинематографа // Отечественные записки. 2004. № 2.
- ¹⁵ Стенограмма совещания киноработников в редакции газеты «Правда» с участием А. П. Довженко // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 386. Оп. 1. Д. 62. Л. 1. 20, 29, 32 (машинописный текст).
- ¹⁶ Путилов Б. Н. Фольклор и художественная самодеятельность // Фольклор и художественная самодеятельность. Л., 1968.
- ¹⁷ Агитмассовое искусство Советской России : Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918—1932 : материалы и документы : в 2 т. М., 2002.
- ¹⁸ Тамбовская правда. 1928. 17 апр.
- ¹⁹ Курская правда. 1938. 20 сент.
- ²⁰ Лапчинский Г. И. Государственное музыкальное строительство в СССР в 1920—1930-е годы : на материалах областей Центрального Черноземья. Воронеж, 1990.
- ²¹ Тамбовская правда. 1935. 16 сент. ; Курская правда. 1936. 6 янв., 3 февр.

В. В. Комиссаров

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ФАНТАСТИКА
ПОД ПАРТИЙНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ КОНТРОЛЕМ
В 1960—80-е ГОДЫ**

В статье пойдет речь о влиянии политической цензуры на развитие советской фантастики 1960—80-х гг., причем, анализироваться будет не официальная цензура, которая действовала в рамках Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (более известном под названием Главлит), а неофициальная или партийно-идеологическая цензура. Данное явление было характерно именно для советской действительности, и в гораздо меньшей степени прослеживается в других странах марксистского социализма. Например, польский исследователь советской фантастики В. Кайтох отмечал: «Также существенно отличалось, если сравнивать с нашей издательской действительностью, разграничение пределов ответственности редактора и цензора. Советские издатели имели большую, чем наши, свободу решения и больше могли потерять — а потому обычно сами исполняли цензорские функции. Но могли и рискнуть. Окруженный мелочной опекой цензора польский редактор такой возможности не имел»¹. Это утверждение о большей свободе редакторов в СССР может показаться странным, но оно подтверждается последними работами по истории советской цензуры. Например, Е. М. Раскатова, со ссылкой на историка отечественной цензуры А. В. Блюма, замечает, что деятельность Главлита зачастую играла в политике властей меньшую роль, нежели другие виды контроля². Также Е. М. Раскатова назвала и точку, с которой начался новый этап в развитии политической цензуры в СССР. Имеется в виду секретное постановление секретариата

© Комиссаров В. В., 2011

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д. К. Беляева. vs_memetov@mail.ru

ЦК КПСС от 8 января 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». С этого момента редакторы и издатели сами вовлекаются в тотальную систему партийно-государственного контроля, рискуя в случае ошибки своими карьерами³.

Ниже будут рассмотрены и проанализированы ряд цензурных конфликтов, имевших место в издании научно-фантастических произведений в 1960—80-е гг. Следует заметить, что научно-фантастическая литература стала одним из первых объектов усиления партийно-политического контроля. Именно на фантастике власть оттачивала новые приемы и методы цензуры. Не лишним будет напомнить, что Ю. М. Даниэль и А. Д. Синявский были осуждены за публикацию в зарубежной печати произведений, которые можно отнести к жанру абсурдистской фантастики. Однако история этих писателей по многим показателям носит исключительный характер: они намеренно публиковались за границей, целенаправленно конспирировались и подверглись уголовному преследованию. Но и в более мягком варианте «послеоттепельная» цензура сначала ударила именно по фантастам. После смещения Н. С. Хрущева, в самом начале 1966 г., критике в печати подверглись братья-писатели А. Н. и Б. Н. Стругацкие, причем эта атака носила комбинированный характер: в ней участвовали писатели-фантасты В. И. Немцов и В. С. Сапарин, которые критиковали Стругацких с внутрицеховых позиций. К ним присоединился философ-обществовед Ю. П. Францев (Г. П. Францов). Он разобрал с точки зрения марксистской социологии роман «Трудно быть богом», доказав всю ненаучность авторских построений. Формально Ю. П. Францев был прав, созданный писателями образ феодализма мало соответствовал историческим данным, впрочем, и сюжет развивался в абсолютно вымышленной реальности, на другой планете. В дискуссии участвовал и экономист М. Федорович, препарировавший повесть «Хищные вещи века» как внеидеологическую и ошибочную. Возможно, именно критика М. Федоровича привела к тому, что данную повесть не переиздавали до начала перестройки⁴. Но эти нападки были сравнительно легко отбиты, на стороне Стругацких высту-

пил и лидер советской фантастики И. А. Ефремов. Результатом дискуссии явилось совещание в Государственном комитете по печати, состоявшееся на рубеже января — февраля 1966 г. Но только в начале 1990-х гг. стало известно, что полемика в прессе была лишь верхушкой айсберга. За ней последовала бурная переписка на уровне директивных органов. Так, 5 марта 1966 г. отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС подготовил Записку «О недостатках в издании научно-фантастической литературы». Точное авторство записки определить сложно, под ней подписались зам. зав. отделом А. Н. Яковлев (будущий идеолог перестройки) и инструктор отдела И. Кириченко. В плане критики произведений Стругацких текст почти дословно повторил многие положения газетной дискуссии. На это сходство обратил внимание еще в 1993 г. (при публикации документов в открытой печати) отечественный критик Всеволод Ревич⁵. Складывается впечатление, что авторы документа не заметили успешную оборону писателей и их сторонников в прессе. В этой записке предлагается и комплекс мер контролирующего характера. Среди них: «Поручить редакции журнала “Коммунист” опубликовать обстоятельную критическую статью... об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе... Поручить ЦК ВЛКСМ рассмотреть вопрос о работе издательства “Молодая гвардия”... принять меры по укреплению издательства более квалифицированными кадрами... Рекомендовать Союзу писателей СССР обсудить вопрос об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе... обратить внимание редакторов газет и журналов, директоров издательств на неправильные тенденции в современной научно-фантастической литературе»⁶. Как видим, меры достаточно умеренные, нет предложений открыто репрессивного характера, редакторов и издателей пока не облакают персональной ответственностью. В ответ на эту записку Комитет по печати подготовил свой документ «Об издании научно-фантастической литературы» от 18 марта 1966 г., где в целом согласился с выводами партийного руководства.

В 1968 г. произошел новый эпизод. Стругацкие опубликовали в провинциальном альманахе «Ангара» «Сказку о тройке» — едкое сатирическое произведение. В нем авторы в весьма неприглядном виде показали махровых бюрократов из всех сфер

советского общества — из науки, органов управления, общественных организаций и даже вооруженных сил, что в СССР, где армия была вне критики, являлось серьезной крамолой. Пожалуй, только КПСС осталась не затронутой писательским сарказмом. Результат этой публикации закономерен: издание «Ангары» было приостановлено, на «Сказку о тройке» наложили фактический запрет. Дело об этом инциденте разбиралось на уровне отделов Иркутского обкома и ЦК КПСС. Опубликованные документы показывают, что данный эпизод начинался снизу, с областного уровня, хотя нельзя исключать, что по неформальным каналам мог быть инспирирован и центральными органами. Заведующий отделом пропаганды обкома Макаров отмечал в своей докладной записке: «Под предлогом фантастического сюжета авторы повести широко используют средства иносказания и в нарочито искаженном виде представляют советское общество... Повесть “Сказка о Тройке” антинародна и аполитична по своему содержанию и характеру... Прячась за складками пышной мантии фантастики, авторы представляют советский народ утратившим коммунистические идеалы»⁷. Более всего удручало, что это мнение вольно или невольно разделила и местная интеллигенция. Секретарь Иркутского обкома Банников докладывал в ЦК: «С постановлением бюро обкома КПСС ознакомлена иркутская писательская организация, большинство писателей выразило одобрение выводам, сделанным ОК КПСС и осудило повесть Стругацких»⁸. То есть произведение не приняла, выражаясь современным языком, «целевая» аудитория, на которую и была рассчитана повесть. Отделы пропаганды и культуры ЦК КПСС только подвели итог, поддержав «инициативу с мест». Зам. зав. отделом пропаганды ЦК А. Н. Яковлев фиксировал в официальной справке: «С мерами, предпринятыми бюро Иркутского обкома КПСС для повышения идейно-художественного уровня альманаха “Ангара”, согласны»⁹.

Можно предположить, что авторская концепция «Сказки о тройке» оказалась преждевременна, общество, даже его наиболее образованная и рефлекслирующая часть — интеллигенция, оказалось не готово к такой резкой критике¹⁰. Литературовед и критик Вс. Ревич отмечал по этому поводу: «Сейчас-то мы понимаем, что в “Сказке...” Стругацкие нанесли удар по самой системе. Но в те годы, боюсь, даже авторам представлялось, что они сража-

ются лишь с ее извращениями. Что до реакции партийных органов... то она представляется... адекватной»¹¹.

В 1970 г. партийно-идеологическая цензура нацелилась на флагман советской фантастики И. А. Ефремова. И этот эпизод также начинался «снизу». В 1968 г. писатель и ученый закончил объемный роман «Час быка», который являлся логическим продолжением его футуристических произведений. К 1970 г. роман уже вышел в двух журнальных и одном книжном варианте. Но в ЦК КПСС стали поступать сигналы «бдительных» граждан об идеологических ошибках, содержащихся в новом произведении. Писатель-фантаст, заведующий отделом прозы журнала «Москва» Ю. М. Медведев в конце 1980-х гг. показывал журналисту А. Измайлову один такой «сигнал», который представлял собой рукопись объемом в общую тетрадь, подписанную неким Ю. В. Жучковым, жителем Сахалинской области. В рукописи, адресованной ЦК КПСС, содержался тщательный философский и идеологический разбор «Часа быка», выполненный на высоком интеллектуальном и стилистическом уровне. Ю. М. Медведев полагал, что этот текст был подготовлен целым коллективом авторов¹². Были и другие сигналы подобного рода. Сам Ю. М. Медведев в научно-фантастической повести «Протей» использовал сюжет с посмертным обыском у некоего известного писателя и ученого (КГБ действительно проводил обыск на квартире И. А. Ефремова после его смерти), упомянул о двух доносчиках, «состоящих в родстве». Стругацкие восприняли это как намек на себя. Но опубликованные в 1990-е гг. документы свидетельствуют, что удар был нанесен со стороны спецслужб. 28 сентября 1970 г. Ю. В. Андропов направил в ЦК КПСС секретную докладную записку, где сообщал, что «Ефремов под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клеветает на советскую действительность, поскольку, как он сам признается в предисловии, книга “говорит о путях развития грядущего коммунистического общества”»¹³. Конечно, здесь содержится явная подмена тезисов, ибо в романе параллельно представлены и противопоставлены два мира: коммунистической Земли и тоталитарного Торманса. Ю. В. Андропов ориентировался на публикацию романа в журнале «Молодая гвардия», в отношении редакции которого и были сделаны оргвыводы. Последо-

вало постановление секретариата ЦК КПСС с поручением руководству ВЛКСМ рассмотреть данный вопрос, что совпало со снятием с должности главного редактора «Молодой гвардии» А. В. Никонова за ряд публикаций националистического характера. Иначе говоря, «Час быка» рассматривался в ряду острейших идеологических проблем. Относительно научно-фантастического романа «ЦК ВЛКСМ указал руководству журнала “Молодая гвардия” и издательства “Молодая гвардия” на необходимость повышения требовательности к авторам и более тщательной работы над рукописью»¹⁴. Об этом решении тотчас было доложено в ЦК КПСС. Данная акция имела прямые и явные признаки «кампанейщины». Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что одновременно с «Молодой гвардией» роман И. А. Ефремова печатал и журнал «Техника — молодежи», который, видимо, не попал в поле зрения спецслужб и идеологов, поэтому относительно него никаких оргвыводов сделано не было. Последовал фактический запрет «Часа быка». Следует заметить, что фантаст позиционировал это произведение, как направленное против маоцзедуновского Китая, отношения с которым в конце 1960-х гг. были серьезно испорчены. В письме П. Н. Демичеву И. А. Ефремов замечал: «И очень плохо для критики, если изображение будущего общества, смоделированного по маоистскому Китаю плюс гангстерскому монополистическому капитализму, она принимает за какое-то изображение нашего строя!»¹⁵ Некоторые черты вымышленной планеты Торманс действительно напоминают Китай. Это и чудовищная перенаселенность, и некоторое созвучие личных имен и названий. Однако сходства в общественном укладе двух марксистских государств были настолько велики, что партийные руководители усмотрели в романе аллюзии на советскую действительность. Писатель добился приема у П. Н. Демичева, но беседа закончилась отрицательным для И. А. Ефремова результатом. Точнее, писатель и идеолог вроде бы нашли взаимопонимание, но «Час быка» до начала перестройки так и не переиздавался¹⁶. У П. Н. Демичева подозрения вызывал «Совет Четырех» — коллегиальный орган политического управления на Тормансе. Он считал, что И. А. Ефремов должен подчеркнуть тенденцию к единовластию на планете¹⁷. Остается предположить, что «Совет Четырех» слишком напоминал полит-

бюро, например именами членов «Совета...» на Тормансе называли заводы и лаборатории. (Следует отметить, что выражение «банда четырех» появилось в Китае уже после смерти И. А. Ефремова и не имеет никакого отношения к роману). Результаты обращений писателя также нашли отражение в партийном делопроизводстве. 30 марта 1971 г. отдел культуры ЦК КПСС отмечал: «Писатель И. А. Ефремов (гор. Москва) выражает несогласие с некоторыми критическими оценками его научно-фантастического романа “Час быка”... С И. А. Ефремовым состоялась беседа, ему даны необходимые разъяснения... И. А. Ефремов беседой удовлетворен»¹⁸. Но цензура не оставила писателя и после смерти. Так, в журнале «Техника — молодежи» (№ 11 за 1972 год) был помещен некролог. В таком варианте даже напечатали часть тиража, но затем поступило распоряжение заменить этот материал, что было исполнено¹⁹.

С журналом «Техника — молодежи» был связан другой цензурный скандал, имевший место на излете застоя. В 1984 г. журнал стал публиковать роман знаменитого английского фантаста А. Кларка «2010. Одиссея-2», который явился продолжением «Космической одиссеи 2001 года», блистательно экранизированной С. Кубриком в 1968 г. Нельзя не заметить, что А. Кларка в СССР охотно печатали еще с конца 1950-х гг. И только в 1990-е гг. стало понятно, что издавались только те произведения писателя, которые соответствовали материалистическому мировосприятию. Советскому читателю оказался совершенно не знаком целый пласт творчества фантаста, в котором содержались мистические сюжеты или рисовались пессимистические прогнозы на будущее. Среди этих произведений можно назвать достаточно объемные романы 1950-х гг. «Город и звезды» и «Конец детства». И даже «Космическая одиссея 2001 года» была напечатана в СССР с купюрами, советские редакторы отсекали концовку романа, носившую, как им казалось, мистический характер. Причем этот факт даже не скрывали. Предисловие к русскому изданию первой «Одиссеи» писал (или подписал) И. А. Ефремов, где он и объяснил изъятие окончания его несоответствием духу романа. Однако «Одиссея-2» читалась как добротная технологическая утопия, и не виделось никаких препятствий для ее издания. Но А. Кларк имел неосторожность

предварить роман посвящением космонавту А. А. Леонову (которого знал лично с конца 1960-х гг. и чье имя цензура конечно же пропустила бы) и академику А. Д. Сахарову, являвшемуся символом правозащитного движения в СССР. В советском издании посвящение сняли. Но затем выяснилось, что некоторые русские персонажи романа носят фамилии осужденных диссидентов. Об этом и последовал сигнал в адрес ЦК ВЛКСМ, под эгидой которого официально издавалась «Техника — молодежи». В данном документе делались далеко идущие идеологические выводы: «Все это свидетельствует о притуплении политической бдительности у ответственных лиц, неумении дать точную оценку содержанию произведения в контексте современной идеологической борьбы»²⁰. Публикацию приостановили. Бесценно возглавлявший журнал с 1949 г. главный редактор В. Д. Захарченко написал в ЦК ВЛКСМ объяснительную записку, выдержанную в стиле покаянных писем 1930-х, где обвинял во всем А. Кларка: «Данная публикация появилась в журнале в результате двуличия автора, который после заверений, выражения симпатий к народу и нашей стране гнусным образом ввел нас в заблуждение... Я 36 лет редактирую журнал... будучи автором 30 книг — стал жертвой потери бдительности»²¹. Но это «покаяние» не спасло В. Д. Захарченко, сработало положение о персональной ответственности редакторов. 10 апреля 1984 г. секретариат ЦК ВЛКСМ принял секретное (!) постановление № 59/13 «Об ошибочной публикации в журнале ЦК ВЛКСМ “Техника — молодежи”», где подвел итог конфликта: «...главный редактор журнала “Техника — молодежи” т. Захарченко В. Д. от занимаемой должности освобожден... Обратить внимание главных редакторов периодических изданий ВЛКСМ, что публикация материала без... в необходимых случаях, официальных консультаций в компетентных органах является грубейшим нарушением...»²² Также «попали под раздачу» и другие работники редакции, например строгий выговор от ЦК ВЛКСМ получил переводчик «Одиссеи-2» М. Г. Пухов. К счастью для всех пострадавших, опала длилась недолго. Спустя несколько лет политическая обстановка в стране изменилась самым кардинальным образом. После обращений редакции журнала и лично В. Д. Захарченко отдел пропаганды и агитации

ЦК ВЛКСМ вышел с предложением отменить прежнее постановление и даже извиниться перед бывшим редактором. Конечно, извинений В. Д. Захарченко не получил, но постановление «Об ошибочной публикации...» было отменено 9 января 1990 г. «как необоснованное, принятое в условиях административного давления»²³.

Данный эпизод позволяет проиллюстрировать еще ряд явлений, связанных с партийно-идеологической цензурой, — это ее выраженный политический характер. У «Техники — молодежи», печатавшей много материалов по военной и технической тематике, и прежде возникали конфликты с различными ведомствами, в том числе и с КГБ (по поводу пропаганды сверхлегкой авиации). Но оргвыводы были сделаны лишь после публикации А. Кларка с фамилиями диссидентов. Другим источником раздражения стало раскрытие методов самой цензуры и попытки возражать ей. Так в письме секретарю ЦК ВЛКСМ В. М. Мишину отмечалось, что «некоторые товарищи несамокритично отнеслись к замечаниям... вступили, несмотря на *предупреждение о конфиденциальном характере разговора* (выделено мной. — В. К.), в выяснение отношений с работниками Главлита»²⁴. Это свидетельствует о том, что цензура если и преследовала цель охраны государственной тайны, то далеко не в первую очередь. Другое обстоятельство — сформировавшийся к 1980-м гг. совершенно закрытый стиль партийно-идеологической цензуры. Прекращение публикации «Одиссеи-2» и снятие В. Д. Захарченко никак не объяснялось читателям, редакция сделала вид, что печатала только фрагменты романа.

Выводы: во-первых, на протяжении второй половины 1960 — первой половины 1980-х гг. методы партийно-идеологической цензуры применительно к научно-фантастической литературе становятся все более жесткими. Если в 1960-е гг. директивные органы свои постановления завершали резолюциями рекомендательного характера, то затем стали применяться репрессивные меры: запреты публикаций, снятие с должностей и выговоры.

Во-вторых, усиливается закрытость партийно-государственного контроля. Если в середине 1960-х гг. директивные органы инициировали открытые дискуссии в прессе, то к 1980-м гг. исчезают даже объяснения тех или иных решений.

В-третьих, даже при закрытом порядке рассмотрения запрет тех или иных авторов и их произведений часто начинался с писем граждан или сигналов с мест. Конечно, наличная источниковая база не позволяет утверждать, что эти сигналы инспирировались директивными или компетентными органами. Но отдельные косвенные признаки позволяют с большой степенью вероятности предполагать именно такое развитие событий.

В-четвертых, можно подтвердить вывод других исследователей, что ведущую роль в деле политической цензуры играли не официальные цензурные органы (Главлит), а партийные, комсомольские руководящие инстанции и, отчасти, спецслужбы. Главлиту же отводилась роль инструмента по реализации решений политического руководства.

Примечания

- ¹ *Кайтох В.* Братья Стругацкие : очерк творчества // *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Бессильные мира сего : сб. Донецк, 2003. С. 534—535.
- ² *Раскатова Е. М.* Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960 — начале 1980-х гг. // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 2. С. 62.
- ³ Там же. С. 63.
- ⁴ *Кайтох В.* Указ. соч. С. 512—517.
- ⁵ *Ревич В.* Дела давно минувших дней // *Знание — сила.* 2006. № 1. С. 152.
- ⁶ Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы // Там же. 1993. № 7. С. 95—96.
- ⁷ Докладная записка отдела пропаганды и агитации Иркутского обкома КПСС о повести Стругацких «Сказка о тройке», опубликованной в альманахе «Ангара» // Там же. С. 98—99.
- ⁸ Записка Иркутского обкома КПСС о рассмотрении вопроса «Об идейно-политических ошибках, допущенных в альманахе «Ангара» // Там же. С. 101.
- ⁹ Справка отделов пропаганды и культуры ЦК КПСС // Там же.

- ¹⁰ *Комиссаров В. В.* Научно-фантастическая литература в жизни советской интеллигенции 1940—1980-х гг.: некоторые социально-исторические аспекты. Иваново, 2010. С. 56—57.
- ¹¹ *Ревич Вс.* Попытка к бегству // Если : журнал фантастики и футурологии. 1996. № 4. С. 95.
- ¹² *Измайлов А.* Туманность : о событиях, связанных со смертью писателя И. А. Ефремова // Нева. 1990. № 5. С. 179, 186.
- ¹³ Записка Комитета государственной безопасности СССР в ЦК КПСС // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 240.
- ¹⁴ О журнале ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и о романе И. А. Ефремова «Час быка» // Там же. С. 244—245.
- ¹⁵ Письмо И. А. Ефремова секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву // Там же. С. 243.
- ¹⁶ *Измайлов А.* Указ. соч. С. 179—188.
- ¹⁷ Там же. С. 180.
- ¹⁸ Записка отдела культуры ЦК КПСС // Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 245—246.
- ¹⁹ *Захарченко В.* Роман из вранья или восемь чудес из вымышленной жизни Ивана Ефремова // Техника — молодежи. 1991. № 10. С. 14.
- ²⁰ Об «Инстанции» и «Одиссее» // Там же. 1990. № 5. С. 58.
- ²¹ Там же. С. 59.
- ²² Там же. С. 60.
- ²³ Там же. С. 62.
- ²⁴ Там же. С. 58.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)5-283.2

И. А. Уваров

РОЖДЕНИЕ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РОССИИ (ПАЖЕСКИЙ КОРПУС)

В ряду различных групп (отрядов) российской интеллигенции выделяется такая ее часть, как военная интеллигенция. По сути, значительная часть декабристов были первыми российскими интеллигентами. Они явно подходили под то определение понятия «интеллигенция», которое давал один из идеологов народничества П. Л. Лавров. Он считал «критически мыслящей личностью» (т. е. интеллигентом) любого образованного человека, способствующего развитию общества. В частности, к этой группе он причислял того военного, который «на учениях и парадах из-за верного темпа и ровного фронта» не забывает, что он человек и гражданин¹.

Конечно, говоря о XIX веке, каждого военного, даже в больших чинах и окончивших Академию Генерального штаба,

---

© Уваров И. А., 2011

Уваров Игорь Артурович — кандидат педагогических наук, доцент, заместитель по научной и учебной работе начальника Смоленского филиала Московского университета МВД России, соискатель на кафедре истории и политологии Государственного университета управления (Москва). ig-art@mail.ru.

нельзя назвать военным интеллигентом. Здесь можно согласиться с рядом исследователей, которые в качестве наиболее существенных факторов определения «военная интеллигенция» называют ее способность служить интересам общества (народа) и то, что эта группа является «системообразующим началом общества»². По утверждению П. Б. Уварова, в человечестве интеллигенция представляет собой социальную группу, осуществляющую создание информации, ее сохранение и обмен, т. е., другими словами, она является главным носителем коммуникации³.

Обратим внимание на то, что в XIX веке значительное число деятелей культуры так или иначе были связаны с армией и чаще всего имели какое-то военное образование (Е. А. Боратынский, А. В. Дружинин, А. Кантемир, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, Ф. Глинка, М. Ю. Лермонтов, П. А. Федотов, Ц. Кюи, Н. А. Римский-Корсаков, Л. Н. Толстой, А. И. Куприн и др.). Это в значительной степени связано с тем, что некоторые типы военно-учебных заведений, особенно после реформ 60—70-х годов XIX века, давали неплохое общее образование. Иногда объем общегуманитарной подготовки в них по количеству учебных часов превосходил время, выделяемое на военные предметы. Особенно это заметно в военных гимназиях и военных училищах, в первых — чисто военных предметов фактически не было.

Пожалуй, первым военно-учебным заведением, готовящим интеллектуальных офицеров и госслужащих, был привилегированный **Пажеский корпус**. Даже структура преподавания указывает на то, что его создатели стремились подготовить не офицеров-солдафонов, а офицеров-интеллигентов. По Положению 1785 г., «Полный курс наук должен был продолжаться 8 лет и проходиться в 4 классах, в которых пажи были по два года. Учились 5 часов в день — 3 часа до обеда (с 7 до 10), два часа после обеда (с 3 до 5). Науки преподавались на русском языке, исключая того случая, когда не найдется преподавателя из русских. Тогда преподавать на том языке, на котором сильнее ученики. Науки распределялись по классам следующим образом:

В 1-м классе — 1) Закон Божий и священная история; 2) Чтение и письмо российское; 3) Чтение и письмо французское; 4) Чтение и письмо немецкое; 5) Арифметика; 6) Танцевание и музыка.

Во 2-м классе — 1) Пространный катехизис; 2) Грамматика российская; 3) Грамматика французская; 4) Грамматика немецкая; 5) Продолжение арифметики; 6) География; 7) История; 8) Рисование; 9) Танцевание и музыка.

В 3-м классе — 1) Переводы российские; 2) Переводы французские; 3) Переводы немецкие; 4) Рисование; 5) Геометрия. Тригонометрия. Алгебра; 6) История натуральная; 7) Архитектура гражданская и, если время допустит, начало наук военных; 8) Продолжение истории; 9) Продолжение географии; 10) Музыка.

В 4-м классе — 1) Слог российский; 2) Слог французский; 3) Слог немецкий; 4) Механика и гидравлика; 5) Физика; 6) Статистика; 7) Военные науки; 8) Рисование; 9) Манеж; 10) Фехтование.

Каждую науку в классе учитель проходит два раза. Кто из пажей усвоит в один год, того переводит в следующий класс. Способ преподавания общий с народными училищами; книги такие, как в сухопутном кадетском корпусе⁴.

Как видно из этого пространного документа, чисто военных наук здесь практически нет. Только в последнем классе заявлены некие «военные науки», изучаемые рядом с «рисованием», «статистикой» и «механикой». В какой-то мере к армии относилось и умение ездить на лошади — отсюда и занятия в манеже.

Рождение Пажеского корпуса как нормального военно-учебного заведения относится к 1759 г., когда императрица Елизавета Петровна велела своему фавориту графу И. И. Шувалову подготовить проект Статуса Пажеского корпуса, и 25 октября (5 ноября по новому стилю) корпус был учрежден как полувоенное-полугражданское учебное заведение для юношей, несших службу при дворе.

В работе историографа военно-учебных заведений России Ф. В. Грекова «Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700—1910» отмечено, что «при императрице Елизавете Петровне, в 1759 г. учреждение пажей получило более правильное устройство — их поместили всех вместе, дали инструкцию для их воспитания, определили курс обязательных учебных предметов, и учреждение это наименовано было Пажеским корпусом. В нем пажи получали подготовку, дававшую им возможность служить как в военной, так и в гражданской службе»⁵. Граф

Милорадович, историограф Пажеского корпуса, считал днем основания Пажеского корпуса именно **25 октября 1759 г.**, когда «указом императрицы Елизаветы Петровны от 3 апреля того же года был определен первый штат сего корпуса». А «26 февраля 1785 г. в Пажеский корпус был введен общий для Российских училищ порядок»⁶.

Просвещенный вельможа, друг Вольтера и вольный каменщик, И. И. Шувалов сам начинал карьеру пажом. Он задумал создать в России особую закрытую школу для юношей из знатных семей и с этой целью пригласил в Санкт-Петербург таинственного французского барона Т. Г. Чуди (или Шуди) — философа и историка, переведившего материалы для Вольтера, который работал в то время над «Историей Петра Великого» (по другим сведениям, барона Шуди пригласил гофмейстер двора К. Е. Сиверс). Естественно, он тоже был масоном. Барон стал русским полковником и гофмейстером пажей и написал любопытнейший педагогический документ — Мемориал о «тихом и честном» обучении. Его идеи и легли в основу высочайше утвержденного Положения о Пажеском корпусе⁷.

Провозглашалась задача — завоевать без наказаний и грубых слов (они «непристойны для дворянина») «доверенность молодых людей», «пажей истинными патриотами и братьями сделать... дабы все те господа пажи, несмотря ни на кого, один перед другим ни зависти, ни преимущества не имели». С этой целью им преподавали не только математику, тактику и фортификацию, но и изящную словесность, иностранные языки, геральдику, верховую езду, фехтование, танцы, рисование, музыку, то есть учили «человеческим наукам» и «общему жительству». Превыше всего ценились «дары духа и нрава»: честь, благородство, верность, товарищество⁸. И. И. Шувалов и Т. Г. Чуди напоминали юным дворянам из генеральских семей, что люди — братья, но не все, а лишь замкнутая, хранящая знания, боевые традиции, доблесть и верность военная каста, новый рыцарский орден, беззаветно преданный империи. Вот такая странная демократия.

Распорядок дня в корпусе был по-армейски достаточно строгим и напряженным: «Утренняя заря — 6 часов утра. Утренний осмотр и завтрак. Занятия до 11 утра с 10-минутными перерывами через каждый час. Обед — 12 часов (офицеры обедают

вместе с пажами). Занятия с 14 до 16 часов в классах. Самостоятельные занятия с 16 до 20 часов. Ужин. Вечерняя зоря — 21 час. Отбой — 22 часа»⁹.

Екатерина II продолжила реорганизацию Пажеского корпуса. Она высказала желание поднять уровень воспитания и образования пажей, для чего указом 1762 г. повелела определять в Пажеский корпус исключительно детей дворян, известных своими заслугами перед родиной, а штат пажей определить в числе шести камер-пажей и сорока пажей¹⁰. Императрица поручает академику Г. Ф. Миллеру составить план обучения пажей. В 1765 г. он подготовил новую программу обучения. Помимо прежних предметов, юношам предложили изучать философию, мораль, историю, географию, генеалогия, юриспруденцию, государственный церемониал, каллиграфию, к которым впоследствии прибавились теннис, бокс и даже гольф. В 1766 г. императрицей был утвержден «Устав шляхетского сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества»¹¹.

По этому Уставу «для порядочного воспитания и обучения» пажей разделили «на пять возрастов: первый — от пяти и шести до девяти лет, второй — от девяти до двенадцати, третий — от двенадцати до пятнадцати, четвертый — от пятнадцати до восемнадцати, пятый — от восемнадцати до двадцать первого. По сему в каждом возрасте питомцам быть по три года и обучаться по склонности и понятию наукам, как до воинского, так и гражданского звания принадлежащим». Авторы Устава с подачи императрицы разделили науки на 4 класса:

«1. Руководствующие к познанию прочих наук: логика; начальные основания математики; красноречие; физика, общая и особенная; история священная и светская; география и хронология; языки употребительные и для наук потребные; математика; механика.

2. Предпочтительно нужные гражданскому званию: нравов учение; естественное право; всенародное право; государственные права; экономия государственная.

3. Полезные: генеральная и экспериментальная физика; астрономия; география вообще; наутика, или сведение о морском искусстве; натуральная история; воинское искусство; фортификация и артиллерия; химия.

4. Художества: рисование; живопись; гравирование; изваяние; делание статуй; архитектура; музыка; танцование; фехтование»¹². Как видно из этого документа, полезными были только военные науки. Но вообще представленный список говорит о намерении законодателей и организаторов такого рода учебного заведения воспитать широко эрудированных государственных служащих, в том числе и по военному ведомству.

В 70-е годы XVIII века в штате корпуса числились девять камер-пажей и 40 пажей. Постепенно улучшалась материальная база Пажеского корпуса. Сначала учеников разместили в старом доме адмирала Крюйса (ныне на этом месте находится здание Старого Эрмитажа), затем перевели в деревянный Зимний дворец на Невском проспекте (участок между нынешней улицей Гоголя и набережной Мойки). Когда после смерти Елизаветы Петровны он был разобран, в 1761 г. Пажеский корпус разместили в лейб-кампанском доме. Наконец с 1766 г. Пажеский корпус помещается в специально для него приобретенном доме на углу Мойки и Зимней Канавки. Пажеский корпус Императорского Двора был признан равным в учебном отношении всем учебным заведениям империи.

В 1785 г. была проведена реформа, цель которой заключалась в превращении Пажеского корпуса в учебное заведение, готовящее офицеров и гражданских чиновников. П. В. Завадовский по поручению Екатерины II составил проект нового устройства корпуса, который и был утвержден императрицей в апреле 1785 г. В своем новом качестве воспитанники должны были обучаться, кроме гражданских наук, также артиллерии и фортификации, то есть практически впервые в учебном плане появляются чисто военные науки.

В новом положении о Пажеском корпусе обращают на себя внимание два нововведения — «давать чин не по старшинству, а по успехам» и «дозволить посещать пажеского корпуса желающим благородным детям бесплатно»¹³. Первый принцип явно стимулировал учебу и устанавливал некую демократию, второй вводил никогда и нигде ранее не существовавший порядок вольнослушанья. Это был своеобразный очередной подарок дворянству от «матушки Екатерины». Но воспользоваться правом посещения занятий в Пажеском корпусе пожелали немногие.

В 1786 г. штат корпуса увеличили до 18 камер-пажей, в число которых входили рейт-пажи (конное сопровождение) и ягд-пажи (участники царских охот). Учились также 60 пажей, не имеющих к Двору никакого отношения. Павел I отменил эти два звания, зато ввел другое — лейб-пажей, упраздненное впоследствии его сыном Александром I. К тому же Павел I как гроссмейстер подвластного тогда России Мальтийского ордена навеки зачислил воспитанников в рыцари, и с тех пор выпускники корпуса всегда носили железное вороненое кольцо с древним девизом крестоносцев «Мой Бог, мой король, моя дама» и маленький белый мальтийский крест — знак корпуса¹⁴.

В царствование императора Александра I Пажеский корпус получил новое, более просторное здание и новых директоров. Император постоянно интересовался делами корпуса, а в декабре 1811 г. «сам экзаменовал всех камер-пажей, которые все были выпущены прапорщиками в гвардейский Литовский полк. Первым в этом выпуске был Пестель, а вторым — Эдуард Адлерберг»¹⁵. У этих лучших пажей судьба сложилась по-разному. П. И. Пестель стал одним из лидеров декабристов и был казнен за участие в восстании Черниговского полка, а Э. Адлерберг стал генералом и министром Двора. Образование пажи получали примерно равное, но вот судьбы их были совсем не одинаковы. Так, выпускник 1822 г. паж Я. Ростовцев, большой шалун, в 1820 г. вместе с товарищами ночью «осветили католическую церковь, находящуюся во дворе корпуса». Злоумышленники тогда обнаружены не были. Но тот же Я. Ростовцев предупредил власти о готовящемся восстании декабристов (по идейным соображениям), долго и успешно возглавлял военно-учебные заведения и много сделал для освобождения крестьян от крепостной зависимости. Вот такая судьба.

Практически всю первую половину XIX века Пажеский корпус имел исключительную привилегию выпускать своих воспитанников прямо в офицеры да еще в «полки старой гвардии, куда стремилось высшее и почетнейшее дворянство»¹⁶. Поэтому вопрос о том, кому учиться в корпусе, решался часто на самом высоком уровне.

Несмотря на исключительность своего положения преподавание в корпусе «оставляло желать лучшего». Как вспоминал

Г. Милорадович, особенно плохо была поставлена военная подготовка: «Не было одиночной выправки, ни ружейных приемов, ни маршировки, кроме маршировки в столовую, причем пажи немилосердно топали ногами. Правда, летом один месяц посвящался обучению фронта — но это было больше для камер-пажей, которые, как офицеры, командуя маленькими взводами в 5 рядов, с большим старанием изучали тогдашний мужеский строевой устав. <...>

Из класса в класс пажи переводились по общему итогу всех баллов, включая и баллы за поведение. И потому нередко случалось, что ученик, не кончивший арифметики, попадал в класс прямо на геометрию и алгебру.

Несколько задач Войцеховского и формулы дифференциалов и интегралов, выученные на память, составляли высшую математику. <...>

У камер-пажей в первом классе читалась даже политическая экономия морским чиновником эмигрантом Тибо, на французском языке. Чиновник горного ведомства Вольгсмут читал физику, но без системы, и не умея придать ей никакого интереса. Но если преподавание наук было отрывочно и вообще слабо, то нравственное настроение пажей было замечательно. Пажи — все сыновья хороших фамилий и лиц, занимающих высокие должности, пажи из своих семейств приносили в корпус и укрепляли тогдашний лозунг высшего общества «noblesse oblige». <...> Гордясь званием пажей, они сами более своего начальства заботились, чтобы между ними не допускался никто, на кого бы могла падать хотя бы тень подозрения в каком-либо неблагоприятном проступке»¹⁷. Это замечание относится к 50-м годам XIX века, в другие годы ситуация могла быть иной.

Как заведение именно военно-учебное, «в котором имеют быть преподаваемы нужные офицеру познания», корпус ведет свое начало с 10 октября 1802 г., когда император Александр I утвердил выработанный генералом Клингером проект нового «учреждения» для этого заведения¹⁸.

В Пажемском корпусе была создана хорошая материальная база. Пажи получили прекрасные классы и лаборатории, дортуары, цейхгаузы для обмундирования и оружия, обширную библиотеку, домовую православную церковь, Георгиевский и Белый парадные залы, где были портреты лучших воспитанников и мраморные доски

с их именами, списки георгиевских кавалеров и погибших в войнах. Постепенно собрался архив, появился и музей корпуса.

Директорами корпуса чаще всего были его выпускники и всегда известные в армии и самому императору люди. 20 марта 1830 г. в должность директора Пажеского корпуса вступил генерал-майор А. А. Кавелин (паж выпуска 1810 г.). 23 мая 1834 г. его сменил флигель-адъютант полковник (затем генерал) П. Н. Игнатьев. В то время во главе Управления военно-учебных заведений находился великий князь Михаил Павлович. Его ближайшим помощником в качестве начальника штаба был известный воспитанник корпуса Я. И. Ростовцев, много сделавший и для Пажеского корпуса и вообще для военно-учебных заведений 30—50-х годов. Затем директорами Пажеского корпуса были генерал-майор Н. В. Зиновьев, генерал-майор Н. И. Философов, генерал В. П. Желтухин.

По уставу 1802 г. положено было иметь три пажеских и один камер-пажеский класс. В 1810 г. в силу вступил новый штат Пажеского корпуса на 50 пажей и 16 камер-пажей. К 1827 г. штат Пажеского корпуса увеличился до 134 пажей и 16 камер-пажей. Корпус был построен по образцу кадетских корпусов. Срок обучения с 1819 г. составлял 7 лет (5 — общий курс и 2 — специальный)¹⁹.

В состав учебного курса входили те же предметы, которые преподавались и в других корпусах (1-м и 2-м). В число изучаемых в корпусе предметов входили: Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, история, география, арифметика, алгебра, начальная и высшая геометрия, тригонометрия, физика, статика и механика, артиллерия и фортификация, рисование и черчение, танцы, фронт, верховая езда и фехтование. Учеников камер-пажеского класса особо предписано было знакомить с «историей о трактатах и переговорах государственных», о «политическом отношении государства и о правлениях европейских», а также «упражняться в деловом слоге на трех упомянутых языках».²⁰ Последние навыки больше подходили для будущих дипломатов, и некоторые выпускники корпуса таковыми стали. Как явствует из перечня преподаваемых предметов, содержание преподавания в Пажеском корпусе в первой половине 50-х годов сильно изменилось по сравнению с концом XVIII века. Оно стало более практическим, утилитарным.

В XIX веке в Российском государстве военные интересы медленно вытеснялись интересами мирными. В силу этого военная служба, большую часть XVIII столетия поглощавшая гражданскую, в первой четверти XIX столетия и позже в глазах правительства, общества и народа стояла как бы выше гражданской. Считалось, что человек, пригодный к ней, будет пригодным и к гражданской государственной службе. Кроме того, практически не существовало разделения управленческого труда: любой офицер вполне мог быть и гражданским чиновником. В силу этого руководство страны полагало, что паж, с детства приобщившийся к западной цивилизации и культуре, прошедший при этом высшую школу, а затем и послуживший на военной службе, является лучшим управленцем. Ему можно было поручить какое угодно дело и на каком угодно поприще государственной деятельности. В силу этого с определенной натяжкой можно утверждать, что **Пажеский корпус — это первое учебное заведение России, готовящее управленцев — государственных чиновников.**

Таким отношением к выпускникам и оценкой воспитания и образования в Пажеском корпусе можно объяснить то обстоятельство, что подавляющее большинство выпускников корпуса сделали прекрасную карьеру и на военной, и на гражданской службе. Вот лишь некоторые примеры. О. П. Козодавлев стал министром внутренних дел, генерал-адъютант А. Д. Балашев — министром полиции, князь А. Н. Голицын — министром духовных дел и народного просвещения, А. Н. Оленин — первым министром уделов. А. Н. Оленин до перехода на гражданскую службу был военным и принимал участие в шведской и польской войнах. Кроме должности министра уделов, он занимал должность директора Публичной библиотеки в течение тридцати пяти лет. А. Н. Оленин принадлежал к числу образованнейших людей первой половины XIX столетия. В его доме собирались все выдающиеся люди того времени: литераторы, художники, музыканты и ученые. Таким же просвещенным человеком был и граф Н. Н. Новосильцев, принимавший участие в делах негласного комитета, работавший над вопросами образования, как военного, так и общего. Кроме того, граф был попечителем сначала Петербургского, а потом Виленского округа и стоял во главе высшего учебного учреждения России — Академии наук. Тот же Н. Н. Но-

восильцев в качестве полномочного делегата при правительственном совете Царства Польского принимал участие в образовании различных учреждений Польши. А. Д. Балашев, А. Н. Оленин, Н. Н. Новосильцев были не только администраторами, но и военными людьми, и в то же время — интеллигентами по сути, по мировоззрению. Министр кн. А. И. Чернышев в молодости отличился в войне с Наполеоном и был награжден Георгиевским крестом, участвовал в заграничном походе русской армии 1813 г. Примеры можно множить. Все они свидетельствуют о том, что **для власти того времени управленец, командир, начальник может быть таковым на любом поприще — и на военном, и на гражданском.**

Если некоторые бывшие пажи занимали высокие посты министров или генералов, то многие выступали в более скромных ролях предводителей дворянства, губернаторов и вице-губернаторов. Некоторые пажи прославились как ученые. Первым дворянином, решившимся выступить на педагогическом поприще в качестве профессора словесности Юрьевского университета, стал паж Г. А. Глинка, удостоившийся чести быть назначенным «кавалером» при воспитании великих князей Михаила Павловича, будущего главного начальника военно-учебных заведений, и Николая Павловича — будущего императора. «Августейшим особам» Григорий Андреевич читал русскую словесность. Так сложились традиции уникального закрытого военно-учебного заведения, давшего России (и не ей одной: среди пажей мы видим Александра Карагеоргиевича, будущего югославского короля-рыцаря, и сиамского наследного принца Чакрабона) столько полководцев и государственных людей, просто храбрых, преданных и образованных офицеров и генералов.

Оценивая место этого учебного заведения в истории России, его директор в 70-е годы XIX века генерал Г. А. Милорадович писал: «Пажи были в течение полутора века верными слугами отечества, с честью подвизавшимися на различных поприщах государственной службы, и ни одно заведение... не дало России столько замечательных деятелей или лиц не только в военной иерархии, но и на других поприщах государственной службы и общественной деятельности, как Пажеский корпус»²¹.

Примечания

- ¹ *Лавров П. Л.* Исторические письма // Интеллигенция. Власть. Народ : антология. М., 1993. С. 54—55.
- ² См.: *Смирнов Г. С.* Мировая интеллигенция и ноосфера: пространство философского дискурса // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 79 ; *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии интеллигенции, ее генезиса и формирования // Там же. 2005. № 12. С. 4—13.
- ³ См.: *Уваров П. Б.* Дети Хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 76.
- ⁴ *Милорадович.* Материалы для истории Пажеского его императорского Величества корпуса. 1711—1875. Киев, 1878. С. 33—35 (здесь и далее сохранен стиль документа. — *И. У.*).
- ⁵ *Греков Ф. В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700—1910. СПб., 1910. С. 39.
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 22. Д. 32.
- ⁷ См.: *Милорадович.* Указ. соч. С. 23—24.
- ⁸ *Хазин О. А.* Пажи, кадеты, юнкера : ист. очерк : (к 200-летию Пажеского Его Императорского Величества корпуса). М., 2005. С. 24.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ Пажи — рыцари России : духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса : сб. воспоминаний / сост.: *А. Б. Григорьев, О. А. Хазин.* М., 2004. С. 23.
- ¹¹ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоого пола. СПб., 1774. Т. 1, 2.
- ¹² *Милорадович.* Указ. соч. С. 31—32.
- ¹³ Там же. С. 33, 35.
- ¹⁴ *Левшин Д. М.* Пажеский корпус его императорского величества за сто лет. 1802—1902. СПб., 1902. Т. 1, 2 ; *Милорадович.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁵ *Милорадович.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶ Там же. С. 44.
- ¹⁷ Там же. С. 46.
- ¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. № 20452.
- ¹⁹ Там же. Т. XXXI. № 24231.
- ²⁰ Там же. Т. XXVII. № 20452.
- ²¹ *Милорадович.* Указ. соч. С. 6.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)6-283.2 + 74.03(2)-8

С. П. Костриков

П. И. ШЕЛКОВ — ОРГАНИЗАТОР КОММЕРЧЕСКОГО И УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Коммерческое образование, т. е. подготовка квалифицированных кадров для торгово-промышленной сферы, возникло в конце XVIII столетия в связи с бурным развитием торговли и началом промышленной революции как ответ на социально-экономические процессы в России и в мире.

Россия по многим экономическим параметрам уступала Европе. Но политика просвещенного абсолютизма Екатерины Великой, внимание императрицы к расширению мануфактур, торговли, привилегии, предоставленные купеческому сословию, способствовали экономическому росту государства. Одновременно сильный импульс к развитию получает и образование. Екатерина и ее соратники уделяли вопросам просвещения народа большое внимание, твердо веруя, что правильное образование и воспитание способствуют исправлению нравов. Соединение этих двух моментов содействовало возникновению коммерческого

© Костриков С. П., 2011

Костриков Сергей Петрович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политологии Государственного университета управления (Москва). s.kostrikov@mail.ru

образования. Следует подчеркнуть, что *Россия — родина глубокого и разностороннего коммерческого образования*. Нигде в мире не было коммерческого училища, подобного созданному в Москве в 1772 г. стараниями выдающегося государственного деятеля Екатерининской эпохи И. И. Бецкого и представителя известнейшей промышленной династии П. А. Демидова.

Отечественное образование в торгово-промышленной сфере шло в ногу со временем. Даже когда при Николае I оно перестало развиваться вширь, его научно-теоретический и педагогический уровень соответствовал самым передовым достижениям мировой науки, в том числе и достижениям передовой экономической мысли. Во главе коммерческих учебных заведений стояли университетские профессора, а в число преподавателей входили видные ученые и педагоги-новаторы. Программы коммерческих училищ не уступали гимназическим, а по ряду предметов превосходили их.

Необходимо подчеркнуть также, что с самого начала коммерческие учебные заведения возникали и содержались на средства купечества. Купеческие общества не только материально поддерживали училища. Они предоставляли стипендии бедным учащимся из купеческого и мещанского сословий. Отечественные предприниматели-меценаты преследовали две цели. Они давали своим сыновьям качественное специальное образование и готовили квалифицированные кадры для себя и государства. Правда, и государство уделяло им внимание. Императорский дом покровительствовал коммерческим учебным заведениям. Особо стоит отметить роль императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I, которая приняла самое горячее участие в судьбах первого Коммерческого училища, переведенного в конце 90-х гг. XVIII столетия в Санкт-Петербург, и нового Московского, возникшего в начале XIX в.

К середине XIX в. в программах коммерческой школы начинают проявляться элементы управленческой подготовки. Развитие торгово-промышленной сферы в пореформенной России ускорилось и расширилось. Как указывал один из видных специалистов в области тогдашнего коммерческого образования профессор М. Я. Киттары, помимо «исполнителей» потребовались и «распорядители». Наряду со старыми традиционными тор-

говыми предприятиями стали появляться новые — крупные фирмы, торговые дома, как в России, так и за рубежом. Возникают большие фабрики и заводы с тысячами рабочих и служащих. Открываются биржи и банки. Все они требовали подготовленных и современных специалистов, знавших не только бухгалтерию и счетоводство, но и юриспруденцию, научное товароведение, технологию производства, разбиравшихся в банковских операциях и ценных бумагах и т. п.

Реформы 90-х гг. XIX в., проводившиеся выдающимся государственным деятелем С. Ю. Витте, способствовали подъему российской экономики. Потребность в квалифицированных экономических, финансовых, управленческих кадрах стала острой. Именно по инициативе Витте в 1896 г. был принят законодательный акт, давший свободу распространению коммерческого образования.

Важнейшим для становления и развития управленческого образования событием стало появление высших коммерческих учебных заведений. Оформившиеся в них специальные факультеты, где соединялись экономические, финансовые, юридические и технологические дисциплины, уже без всяких натяжек можно называть прообразами управленческих вузов¹.

* * *

Среди организаторов высшего коммерческого образования и преподавателей коммерческих учебных заведений в начале XX в. было много ярких личностей, крупных ученых и специалистов, например: юристы, историки и философы П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, Я. Я. Никитинский, С. А. Котляревский, Д. М. Петрушевский, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, В. Ф. Тотомианц, В. Я. Железнов, К. А. Пажитнов, В. Г. Яроцкий, И. А. Кистяковский, известный политэконом, ректор Московского университета (1906—1911) и будущий министр просвещения во Временном правительстве профессор А. А. Мануйлов и др.² Многие из них принимали активное участие в общественно-политической жизни, являлись видными деятелями либерального направления, в частности — руководителями и членами кадетской партии, были депутатами Государственной думы.

Даже среди этих популярных в то время людей Паисий Иванович Шелков, несмотря на свою молодость, представлял собой весьма известную фигуру в кругах организаторов российского коммерческого образования в начале XX столетия. Он родился в 1880 г. в семье крестьянина Вологодской губернии. Стремление получить образование привело его в Петербургский учительский институт. А затем он приходит на Высшие коммерческие курсы в Москве (с 1906 г. — Московский коммерческий институт) — первое в нашей стране высшее учебное заведение, готовившее специалистов для торгово-промышленной, банковско-финансовой, биржевой и управленческой деятельности, а также преподавателей для коммерческих учебных заведений.

С 1903 г. начинается педагогическая деятельность П. И. Шелкова. Его научный и преподавательский интерес был связан с коммерческой арифметикой и бухгалтерией. Коммерческой арифметикой (а в XVIII — начале XIX в. в программах коммерческих учебных заведений она была известна как «купеческая арифметика») называлась дисциплина, которая имела целью научить быстро и правильно производить коммерческие выкладки. Это было «преддверием» к изучению бухгалтерии, а также к освоению биржевых и банковских операций. Как указывалось в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, коммерческая арифметика «дает возможность разумно пользоваться курсами, выбирать наивыгоднейшие пути для уплаты или получения по заграничным векселям, делать различные операции с процентными бумагами, пользоваться разницей в цене товаров на различных рынках и т. п.». Паисий Иванович досконально освоил этот предмет, равно как и бухгалтерию, и довольно быстро стал известен в качестве одного из лучших преподавателей в этой области, автора популярного учебника по указанным дисциплинам. Он хорошо понимал необходимость развития специального образования в области торговли и промышленности в новых экономических условиях, диктовавшихся эпохальными изменениями в мировом и российском хозяйстве.

П. И. Шелков проявил себя и как прогрессивный общественный деятель, приняв участие в событиях Первой русской революции. В 1905 г. его увольняют из Коммерческого института в Петербурге, где он работал, «за участие в политической за-

бастовке Всероссийского Учительского Союза». Этот Союз представлял собой профессиональную организацию демократически настроенных работников народного образования и был образован в июне 1905 г. Его вдохновители принадлежали к левому крылу «Союза освобождения» — нелегальной политической организации либеральной интеллигенции и левых представителей земского движения. В уставных документах Союза были представлены как чисто профессиональные интересы и требования учителей и деятелей народного образования, так и политические — 8-часовой рабочий день, созыв Учредительного собрания и т. п., что отвечало революционной ситуации в стране. Когда было объявлено о выборах в Государственную думу, Учительский союз, призывавший сначала к бойкоту, впоследствии постановил поддерживать трудовую группу Государственной думы в ее борьбе за осуществление требований трудового народа. Осенью 1906 г. Учительский союз подвергся разгрому. Множество его участников были уволены со службы или арестованы. Пострадавшие получали от Союза денежную поддержку; места уволенных работников объявлялись под бойкотом. Однако вскоре средства истощились, и угроза бойкота перестала действовать. Во второй половине 1906 г. значение Союза, таким образом, сильно ослабело³.

В 1906—1907 гг. П. И. Шелков вместе с А. И. Даринским, Е. В. Тарле (известным историком, будущим академиком АН СССР) и П. П. Федотьевым учредил Санкт-Петербургские высшие коммерческие курсы, где преподавал бухгалтерию. Эта деятельность подтвердила высокий авторитет П. И. Шелкова как специалиста, педагога и организатора коммерческого образования. Поскольку в конце XIX — начале XX в. потребность в профессиональных торгово-промышленных кадрах ярко обозначилась, а число коммерческих учебных заведений резко возросло, то он был широко востребован: преподавал бухгалтерию и коммерческую арифметику в Санкт-Петербургском коммерческом училище второго товарищества преподавателей, входил в его хозяйственный комитет — орган, отвечавший за поступление платы за обучение, разрабатывавший и контролировавший смету учебного заведения. Он также преподавал бухгалтерию и коммерческую арифметику в Рождественском мужском и женском ком-

мерческом училище М. А. Минцловой, бухгалтерию в частной Торговой школе С. А. Холмогорова и входил в ее хозяйственный комитет, преподавал коммерческую арифметику на частных Бухгалтерских курсах С. Ф. Хворова в Петербурге⁴.

С 1909 г. Паисий Иванович работал в Московском Александровском коммерческом училище, от которого ведут свою родословную Государственный университет управления, Финансовый университет при Правительстве РФ и некоторые другие известные экономические вузы. Параллельно он преподавал коммерческие дисциплины на Николаевских женских практических курсах.

После Октябрьской революции П. И. Шелков был одним из создателей Московского промышленно-экономического техникума (МПЭТ), возникшего на базе Александровского мужского и Николаевского женского коммерческих училищ. В техникуме он официально работал с октября 1918 г., входил в число руководителей этого учебного заведения. На общем собрании коллектива избрали Совет техникума и его президиум. Председателем президиума стал Д. П. Прядильщиков, его заместителями — председатель хозяйственного комитета И. И. Монин и председатель комитета по делам студентов — П. И. Шелков (все — бывшие преподаватели обоих коммерческих училищ). Члены президиума Совета техникума вошли в создаваемый в это время Совет профессионального образования при Наркомате торговли и промышленности. На него возлагалась задача создания аналогичных техникумов в других промышленных центрах страны.

Открытие промышленно-экономического техникума было своеобразным экспериментом по созданию учебного заведения нового типа. В основе лежал простой принцип — подготовить для восстанавливающейся после гражданской войны и иностранной интервенции экономики страны хорошие кадры экономистов-практиков, организаторов производства. Но экономика была уже совсем другая. Ее основу составляли не частные, а государственные предприятия, управляемые сверху. Реальное понимание нового содержания преподавания тогда еще не сложилось. Однако Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию в мае 1919 г. рассматривал «промышленно-экономическое образование как часть работы по непосредственному подъему хозяйства»⁵. По образу и подобию МПЭТ в 1918 г. такого рода учеб-

ные заведения были созданы в Твери, Казани, Нижнем Новгороде, а в 1919 г. — в Астрахани и Рыбинске.

С 1919 г. П. И. Шелков избирается председателем Президиума Московского промышленно-экономического практического института (коллегиального органа управления учебным заведением) — вуза, созданного на базе МПЭТ, и преподавателем дисциплин «счетоводство и финансовые вычисления». Одновременно он становится видным чиновником в Главпрофобр Наркомпроса, исполняя должность руководителя Промышленно-экономического отдела⁶.

В начале 1923 г. П. И. Шелков как один из организаторов советского высшего образования и видный специалист в области финансовых дисциплин выдвигается на должность ректора Московского промышленно-экономического института (в 1923 г. слово «практический» было исключено из названия вуза). Характеристика, представленная в марте 1924 г. в Главпрофобр, указывает, что «П. И. Шелков — один из организаторов института, в котором с самого начала бессменно состоял членом Правления, ведущим учебную часть, выставлен единственным кандидатом на должность ректора при преобразовании института в высшее учебное заведение, единогласно как Коллегией преподавателей и студенческими организациями Института, так и заинтересованными хозяйственными наркоматами и учреждениями Республики. Имея долголетний (24 года) стаж работника в области профтехнического (коммерческого) образования в качестве преподавателя средних и высших коммерческих учебных заведений... П. И. Шелков вместе с тем является опытным и энергичным администратором и руководителем с выдающейся инициативой, большим пониманием дела и умением осуществлять его в соответствии с требованием момента»⁷.

П. И. Шелков был ректором МПЭИ в 1923—1924 гг. В списке его научных трудов значились два учебника, десятки статей в отраслевых журналах. Первый его учебник по арифметическим вычислениям в бухгалтерии издавался два раза и был главным учебником всех бухгалтеров 10—20-х гг. прошлого века.

П. И. Шелков оставил заметный след в истории коммерческой школы в России, от которой ведут свое начало и нынешнее бизнес-образование, и конкретно — финансово-экономическое и

управленческое. В его фигуре ярко отразилась преемственность российской высшей школы, ее лучшие качества — широта и разносторонность образования, его глубокая специализация и одновременно — высокие нравственные начала, патриотизм, гражданственность и беззаветное служение Отечеству.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Костриков С. П.* Становление управленческого образования в России. XVIII — начало XX в. М., 2010. С. 268.
- ² *Костриков С. П.* Русская буржуазия и коммерческое образование: политический аспект // *Известия Смоленского государственного университета.* 2011. № 1 (13). С. 305—314.
- ³ URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/96398/Союзы.
- ⁴ Министерство торговли и промышленности : адрес-календарь Учебного отдела и подведомственных ему учреждений на 1908 год. СПб., 1908. С. 5—21.
- ⁵ Наркомпрос. 1917 — октябрь 1920 : краткий отчет. М., 1920. С. 112.
- ⁶ *Илюхов А. А., Костриков С. П.* Государственный университет управления : 1919—2009. М., 2009. С. 35, 43.
- ⁷ Центральный архив города Москвы. Ф. 526. Оп. 3. Д. 40.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

ББК.63.3 (2)5-283.2

Т. И. Волкова

РОЛЬ ЗЕМСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Новым направлением развития современной исторической науки является осмысление процесса модернизации российского общества. Это движение сопровождалось созданием системы культурных учреждений, транслировавших знания, идеи, воспитывавших потребность в умственном развитии. Данные процессы были характерны для страны начиная с Великих реформ Александра II, они продолжались и в начале XX столетия.

Основную роль в формировании культурной среды сыграла интеллигенция, ранее других слоев населения осознавшая необходимость перемен в национальном сообществе.

Либеральная интеллигенция XIX — начала XX в. определяла культуру как один из показателей цивилизованности страны. Поэтому деятельность либералов была ориентирована на приобщение человека к образованию, литературе, искусству посредством воспитания потребности в самосознании. В новой формирующейся культурной среде, признающей идею индивидуальности личности и свободных разумных отношений, шло зарождение и развитие элементов гражданского общества.

© Волкова Т. И., 2011.

Волкова Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. devero@mail.ru

Однако пока в стране существовало крепостное право, новая культура была доступна только свободным сословиям. Отмена крепостного права расширила сферу культурной деятельности российской интеллигенции, получившей реальную возможность постепенно включить народ в процесс модернизации страны. Либеральные круги считали необходимым переформирование культуры крестьянства с целью придать ей свойство восприятия духовной жизни других социокультурных слоев. Хотя государство, вводя институт земства в стране в 1864 г., не предполагало подобного влияния местных органов самоуправления на население, земская интеллигенция стала создавать новую культурную среду в сельской местности. Крестьянство, жившее в соответствии с традициями и слабо воспринимавшее социокультурные инновации, не могло самостоятельно, без внешнего воздействия, понять идейный мир просвещенных людей. Земской интеллигенции было важно подготовить народ к восприятию картины мира «Другого», к развитию его самосознания. Народ, длительное время своим трудом обеспечивавший созидание новой России, достоин лучших условий жизни — эта идейная установка определяла цель деятельности земских гласных.

Естественным было преимущественное внимание с их стороны к начальному образованию — фундаменту дальнейшей просветительной работы в деревне, ранее оторванной от городской культуры. Поскольку число министерских начальных школ в сельской местности было недостаточно, земства форсировали открытие своих школ. В них ставились более широкие образовательные задачи, нежели в церковно-приходских школах: обучение основным навыкам чтения, письма и счета, в данном случае речь шла о формировании у детей научных представлений о мире. Решение последней задачи обеспечивало преподавание географии, естествоведения, истории как мировоззренческих дисциплин, позволявших корректировать жизненные установки учащихся. С 1870-х гг. земские деятели придавали общенациональное значение народному образованию, предлагая сделать его всеобщим и обязательным. Это свидетельствует о том, что земские гласные предпочитали не постепенное, а быстрое создание достаточного количества школ на селе. Однако подобная идея не

нашла признания в Министерстве народного просвещения, возглавляемого в то время консерватором графом Д. А. Толстым.

Деятельность органов самоуправления демонстрирует их устойчивую заинтересованность в повышении уровня образованности народа: увеличивалось финансирование школьного дела, динамично росло число создаваемых ими школ. В январе 1917 г. в стране работало около 65 тыс. земских училищ, общее же число всех начальных школ составляло 124 тыс. К 1 января 1915 г. в 43 земских губерниях обучалось 4 346 тыс. учащихся, а в 49 неземских губерниях — 1 596 тыс., что свидетельствовало о заинтересованности данных структур в увеличении числа обучающихся в каждой школе¹. По сведениям на 1911 г., самыми значительными статьями расходов были средства на здравоохранение (28 %) и образование (27,3 %)². Земства заняли лидирующие позиции в развитии образования народа. В начальных училищах обучение велось с использованием учебников, литературы (художественной и других текстов), наглядных пособий. Школы формировали культуру обучения, меняя у крестьянских детей восприятие жизни и повышая уровень их потребностей.

Столь масштабная работа земств по созданию учебных заведений для сельских детей в условиях, когда законодательство не обязывало эти органы вкладывать деньги в данную область, убеждает, что представители либеральной интеллигенции, видевшие в органах самоуправления сферу своей деятельности, в интересах народа на протяжении полувека настойчиво содействовали повышению его грамотности.

Просветительная работа земств была продумана таким образом, чтобы создать разные типы культурных учреждений, позволявших сформировать у крестьян интерес к знаниям. Они выбрали путь воспроизведения на селе элементов культурной городской среды: открывали библиотеки, музеи, организовывали публичные чтения. Понимая, что недостаточная социальная мобильность крестьян затрудняет посещение ими просветительных центров в городах, органы местного самоуправления создавали культурную сельскую среду. Они обеспечили доступ крестьян к знаниям — книги, открывавшие им насущную для человека культуру, созданную интеллектуалами и художниками, развивали самосознание народа, помогали определить свое место в мире. Бес-

платные библиотеки были созданы при земских школах. Так, в Московской губернии к 1914 г. из 1 тыс. 282 начальных училищ их имели 1 тыс. 146; т. е. более 90 % учеников получали возможность читать книги³. В Ярославской губернии к 1909 г. из 491 земских школ библиотеки были открыты в 402, что составляло 82 %. При этом литературу выдавали только учащимся в 274 школах, а остальными библиотеками начальных учебных структур могли пользоваться все желающие⁴.

Книжный фонд сельских школьных библиотек был довольно значительным и составлял, как правило, 450—500 изданий⁵. Особым спросом пользовались адаптированные (для малограмотных людей), научно-популярные и художественные издания. По отчетам органов местного самоуправления, в этих библиотеках художественная литература составляла 49 % книжного фонда, издания по истории и географии — 18,3 %, по естествознанию — 9 %, книги религиозно-нравственного содержания — 7,7 %, прочие — 15,7 %. Данные по земским губерниям соотносятся с этой информацией. Так, в земских училищах Ярославской губернии в 1913 г. художественные книги составляли 47 % (включая при этом наиболее пользующиеся спросом сочинения Л. Толстого, В. Гарина, Н. Некрасова, В. Дорошевича), издания религиозно-нравственного содержания — 16 %, по истории — 11 %, географии и естествознанию — 8 %, сельскохозяйственной тематике — 18 %⁶.

Земства заботились о том, чтобы в школьных библиотеках была представлена литература по всем изучаемым предметам, но основное внимание уделялось закупке произведений русских писателей.

В уездных городах были открыты публичные библиотеки, книжный фонд которых составлял сотни и даже тысячи книг русских писателей и таких журналов, как «Исторический вестник», «Новое время», «Русская старина», «Отечественные записки», «Семья и школа» и др. Преподаватели народных училищ получили право бесплатного пользования библиотечными книгами дома. В глубинке открывались, как правило при волостных управах, бесплатные библиотеки-читальни. В Костромской губернии в 1912 г. их было создано 174⁷. Земства организовывали продажу

дешевых книг через систему своих специализированных складов и распространителей-торговцев.

Функция транслирования культуры «Другого» в крестьянской среде была возложена на народных учителей, призванных преодолеть лакуны в образовании просвещенного общества и народа. Учителям выпала непростая задача налаживания языковой коммуникации, адаптации научных знаний, завоевания доверия крестьян, пробуждения их интереса к жизненному опыту других. Государству и органам местного самоуправления необходимо было создать слой образованных людей, способных работать учителями в начальных школах. С 1872 г. Министерством народного просвещения организовывались учительские институты, в которых в течение трех лет студентам преподавали русский язык, чтение, математику, историю, географию, физику, черчение, рисование, педагогику и другие дисциплины⁸, знакомили их с учебниками, методами преподавания, наглядными пособиями. Этот подход обеспечивал усвоение учащимися программы среднего и специального педагогического образования.

В учительские институты принимались молодые люди не моложе 16 лет, закончившие гимназии и духовные семинарии.

Либеральная общественность настаивала на открытии учительских институтов во всех губерниях, чтобы снять проблему нехватки учителей в начальных школах. Министерство, создав к 1874 г. 10 институтов, ссылаясь на отсутствие денег, до конца XIX в. не проявляло заинтересованности в учреждении новых. Можно предположить, что это было связано не только с финансированием, но и с правительственной политикой ограничения доступа лиц из низших социальных слоев к среднему и высшему образованию. Активизация же общественной жизни в начале XX в. и возвращение в эшелон высшей власти представителей просвещенной бюрократии, предложившей программу реформ, обсуждение проблемы народного образования в Государственной думе определили сравнительно быстрое создание учительских институтов во всех регионах страны, численность которых составила к 1917 г. 48 заведений. Когда органы местного самоуправления находили деньги на открытие и содержание подобных педагогических заведений, им удавалось в начале XX в. добиваться

права на их создание. Так, в 1912 г. начал работу Смоленский учительский институт⁹.

Многие земства создавали учительские школы и семинарии, предусматривавшие изучение учениками общеобразовательных и педагогических дисциплин. Учитывая желание девушек заниматься гражданской деятельностью, земства наряду с мужскими открывали и женские учительские семинарии. Среди учащихся преобладали дети крестьян, сельского духовенства, городского населения. В 1916 г. в стране действовала 171 семинария. Учительские школы и семинарии стали массовой формой подготовки учителей начальных школ.

Новыми культурными объектами в уездах стали созданные земствами музеи, задачами которых было ознакомление народа с прошлым страны, а также с техническими, агрокультурными и прочими современными достижениями. По своему содержанию и направлению они условно делились на естественно-исторические, сельскохозяйственные, музеи исторических древностей, по истории развития кустарных промыслов, музеи наглядных пособий, были даже ветеринарные и санитарно-гигиенические. Наибольшее число составляли земские педагогические музеи. В 1917 г. их насчитывалось 1758. Из 200 сельскохозяйственных музеев 108 были земскими¹⁰. Важным начинанием земств стало создание с 1912—1913 гг. народных домов, где проводили общественные собрания, праздники, лекции, спектакли, организовывали научные и спортивные кружки¹¹. В 1916 г. культурная работа была налажена в 1 тыс. 200 народных домах. Они координировали просветительную работу на селе.

Земства, по оценке либеральной интеллигенции, выполняли цивилизаторскую функцию. «Земство видело в народном образовании единственный путь для развития общественного самосознания и не могло не осознавать, что только при условии распространения народного образования возможно... поднятие нравственного и экономического благосостояния населения», — так высоко оценивал Д. Н. Шипов в 1901 г. работу земств в сфере образования¹². А. И. Шингарев справедливо отмечал, что для отношения земских гласных к крестьянству не был характерен патернализм, идейный диктат. Они стремились пробудить к творче-

ству крестьянские массы. В 1914 г. он утверждал: «История развития земских учреждений, история их успехов и препятствий их деятельности и достигнутых результатов — это богатая и познавательная страница внутренней жизни, это проявление творчества наших духовных сил — с полной убедительностью доказали глубокую жизненность основ земского Положения 1 января 1864 г. Как и все творения эпохи Великих реформ, это положение овеяно духом доверия к народным силам, призванным к строительству своей культурно-хозяйственной жизни»¹³. Н. А. Бердяев характеризовал земство как проявление зрелости российского образованного общества, создавшего традиции гражданской деятельности в интересах народа: «В России земство представляло такое качественное историческое образование, в котором накопились общественный опыт, знание дела, традиции»¹⁴. Видный юрист Г. А. Джаншиев, назвав созданные земством культурные и социальные учреждения гордостью русской нации, полагал, что они содействовали политическому воспитанию общества и народа¹⁵.

Земские школы, библиотеки, музеи, народные дома гарантировали доступ народа к новой культуре. Создание сельской культурной среды — условие приобщения крестьян к знаниям, изменения их ментальности, переосмысления ими жизненных ориентиров, расширения представлений о мире, воспитания потребности в улучшении бытовой обстановки, повышения уровня благосостояния. Земства предприняли попытку познакомить народ с иными культурами и воспитать положительное к ним отношение. Они приобрели авторитет общественных учреждений, деятельность которых соответствовала расширению культурного пространства, развитию социальной активности народа.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX столетия проблема культурных контактов, влияющих на изменение системы мировоззренческих координат, типов личности, приобрела живой общественный интерес. Деятельность русской интеллигенции была направлена на создание культурной среды, транслировавшей идеи нового времени, содействовавшей общению социальных слоев. Контакты с культурой образованного общества открыли народу новые возможности, разрушили относи-

тельную изоляцию крестьянского мира, создали условия для приобщения народа к иным культурно-историческим традициям, познакомили с достижениями материальной и духовной культуры «Другого». Однако запоздалый и противоречивый характер социокультурной модернизации страны, медленное утверждение идеи свободы и достоинства человека, низкий уровень жизни большинства населения страны препятствовали формированию национального сообщества.

Примечания

- ¹ Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения. Пг., 1916. С. 77.
- ² Юрьев В. Расходы земств по сметам 1911 г. // Земское дело. 1912. № 5. С. 335.
- ³ Обзор Московской губернии за 1914 г. М., 1915. С. 167 ; Начальное народное образование в Ярославской губернии за 1909 год. Ярославль, 1913. С. 358—359.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2927. Л. 164.
- ⁶ Бесплатные библиотеки в Ярославской губернии в 1913 году. Ярославль, 1913. С. 7—8.
- ⁷ Государственный архив Костромской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 549. Л. 82.
- ⁸ Настольная книга по народному образованию. СПб., 1901. Т. 2. С. 1092.
- ⁹ Смоленское земство и народное образование : 1865—1908 годы. Смоленск, 2004. С. 112—113.
- ¹⁰ Абрамов В. Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. М., 1996. С. 35.
- ¹¹ Русская школа. 1915. № 3/4. С. 83.
- ¹² Там же. 1901. № 3. С. 77.
- ¹³ Шингарев А. И. Задачи юбилея // Современное слово. 1914. № 2148. С. 4.
- ¹⁴ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 166.
- ¹⁵ Джанишиев Г. А. Эпоха Великих реформ. М., 1898. С. 355.

Ю. Б. Костякова

**ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ФОРМИРОВАНИЕ ЛИДЕРОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В 1930-е годы
(на примере Хакасии)**

1930-е гг. в истории нашей страны являются сложным и противоречивым периодом. С одной стороны, это было время великих строек, значительных по своему размаху достижений в сфере культуры, образования, промышленности. С другой стороны — это «культ личности» Сталина, насильственная коллективизация, массовые репрессии, унесшие миллионы жизней, разрушившие многое из созданного за предшествующие десятилетия и даже столетия. Но прежде всего — это период глубинных преобразований в сознании граждан СССР, в результате которых стало возможным провести в стране масштабные политические, экономические и культурные реформы. Среди факторов, оказывавших непосредственное влияние на массовое сознание и участвовавших в формировании общественного мнения, традиционно выделяют средства массовой информации. Действительно, как отмечает известный сибирский ученый В. Л. Соскин, «рядовой читатель, подвергаясь повседневному “облучению” со стороны официальной прессы, втягивался в орбиту советской пропаганды»¹. Не меньший эффект оказывало и радиовещание, используя методы воздействия на сознание людей не только на рациональном, но и эмоциональном уровне.

В небольших по численности населения национальных регионах Сибири, в частности в Хакасии, СМИ в 1930-е гг. не оказывали масштабного и результативного воздействия на граждан. Причины этого, на наш взгляд, следующие. Местная пресса по-

---

© Костякова Ю. Б., 2011

Костякова Юлия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и журналистики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. uka29@mail.ru.

явилась здесь лишь в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и из-за отсутствия у жителей региона устойчивой привычки к чтению и высокого процента неграмотных не могла претендовать на роль главного пропагандиста и агитатора. Местное радиовещание, организованное в 1935 г., носило локальный характер и стало широко доступным средством информации лишь после массовой проводной радиофикации автономной области в 1938 г. Следует также учесть, что местное, прежде всего, коренное население компактно проживало на территории «своих» населенных пунктов и было достаточно замкнуто в своем окружении. Между русским и хакасским населением сохранялись существенные этнокультурные барьеры². В этих условиях авторитетом и особым влиянием традиционно пользовались так называемые лидеры общественного мнения.

В большинстве научных работ такие лидеры рассматриваются в целом через призму теории массовой коммуникации или более узко — имиджологии, рекламы, маркетинга, публичных речей, применительно к избирательным кампаниям, работе по связям с общественностью и т. д. Исследователи указывают место лидеров общественного мнения в так называемой двухуровневой (двухступенчатой) модели коммуникации (П. Лазарфельд, Б. Берельсон, Х. Годэ), определяя их роль как посредников в процессе передачи сообщений между, например, СМИ и массовой аудиторией. Согласно этой теории идеи часто передаются от средств массовой информации к лидерам общественного мнения, то есть наиболее активным членам общества, а от них — к менее активным слоям населения³. В качестве таких лидеров называются журналисты, звезды эстрады, политики, неформальные лидеры трудовых коллективов и общественные деятели. Недостаток этих исследований, на наш взгляд, заключается в том, что авторы рассматривают теорию лидеров общественного мнения применительно только к современной действительности, без исторической ретроспективы. В результате без внимания остается опыт ведения агитационной и пропагандистской работы в советский период, результатом применения которого в масштабах СССР стало формирование советского человека с его особым образом мышления, менталитетом, поведением, установками, ценностями, моралью. Мы считаем, что

анализ технологии формирования, функций и роли в обществе лидеров общественного мнения советского периода позволит понимать и прогнозировать выбор обществом, отдельными группами в качестве лидеров общественного мнения тех или иных личностей, типов общественных деятелей. Актуальность подобного исследования вызвана также и тем, что в настоящее время очевидно — многие из приемов советской пропаганды активно используются в СМИ, прежде всего государственных. Изучение исторического опыта ведения подобной работы с участием наиболее авторитетных в обществе людей или представителей социальных групп позволит расширить арсенал используемых средств, повысить эффективность их применения на практике.

Многие ученые традиционно отмечают влияние на общество представителей интеллигенции и рассматривают это явление в исторической проекции. Наиболее подробно и полно оценку ролей и функций интеллигенции в политическом процессе дал в своей работе доктор исторических наук В. А. Беляев, рассмотрев этот слой общества, в том числе, с точки зрения осуществления консолидирующей, политико-строительной и сервисной функции «артикуляции, агрегирования и репрезентации социальных интересов иных субъектов политики»⁴. Специфика выбранной темы заставила автора сосредоточить внимание только на интеллигенции, тогда как, на наш взгляд, в качестве лидеров общественного мнения могут выступать представители и других социальных слоев общества: крестьяне, рабочие, предприниматели. Это требует не только расширения определения «лидеры общественного мнения», но и их состава.

В качестве таковых мы, с учетом исторической и политической специфики изучаемого периода и национальных особенностей региона, рассматриваем людей, которые в силу возраста, социального положения, личных качеств, интеллектуального и образовательного уровня или благодаря служебным и политическим полномочиям обладали авторитетом в обществе или конкретной социальной группе, а также возможностями эффективно воздействовать на своих сограждан (земляков, соплеменников). В Хакасии в дореволюционный период и в первое десятилетие Советской власти ими, на наш взгляд, являлись преиму-

щественно неформальные лидеры — старейшины, священнослужители (шаманы), баи (кулаки), представители интеллигенции (учителя, чиновники, общественные деятели). Отметим, что каждый из них воспринимался не как представитель какой-либо классовой, социальной или возрастной группы, а был четко персонифицирован, обладал собственной репутацией, «родовыми признаками» (принадлежность к определенной семье, роду, фамилии, племенной группе, сообществу конкретного населенного пункта). Но большая часть из них по своему классовому происхождению или убеждениям не устраивала новую власть.

Для борьбы с этими идеологически и политически опасными «неформалами» использовались различные методы. Так, выдвижение молодежи в качестве основной и «ударной» силы Советской власти в значительной мере подорвало авторитет представителей старшего поколения, бывший особенно в национальной среде практически непререкаемым. Последовательное ущемление в правах, устранение из органов власти и различных организаций зажиточных крестьян, их активная критика и контрагитация, в том числе и с помощью газетных карикатур, фельетонов и плакатов, превратили этих ранее влиятельных сельчан в своего рода деревенских «политических изгоев». Раскулачивание, прошедшее в начале 1930-х гг., привело, по сути, к физическому уничтожению большей части не только баев и кулаков, но и середняков.

«Старая» интеллигенция как наиболее образованная и активная составляющая лидеров общественного мнения, способная оказывать влияние на массовую аудиторию через публикации в СМИ, художественные и публицистические произведения, выступления на массовых мероприятиях, подверглась репрессиям еще в 1920-е гг. Часть национальных лидеров, выступавших (в том числе и с оружием в руках) за идею создания в Хакасии республики, была уничтожена в годы Гражданской войны и борьбы с так называемым «политическим» бандитизмом. Наиболее показательной здесь является история жизни первого хакасского этнографа, известного сибирского общественного деятеля и патриота С. Д. Майнагашева, расстрелянного в 1920 г. Другая часть активных интеллигентов была вынуждена покинуть пределы Хакасии и устранились с политиче-

ской арены. В качестве примеров можно привести одного из первых журналистов-хакасов И. В. Барашкова, талантливого учителя и политика, первого председателя Хакасского окружного исполкома Г. И. Итыгина.

Местное учительство, профессионально сформировавшееся в дореволюционный период, из-за активного саботажа мероприятий, проводимых Советской властью в первые годы своего существования, оказалось в числе «классово чуждых элементов» и подверглось резкой критике. Хотя причинами такого саботажа далеко не всегда были идейные разногласия с новой властью, а зачастую имели место нерешенность материально-бытовых проблем, устранение из учебной программы старых или введение в нее новых предметов и т. д. В этих условиях часть сельских учителей, в том числе и в Хакасии, предпочитала сменить профессию⁵. Многие учителя в 1920-е гг. были дискредитированы в глазах общественности газетными публикациями, в которых они представляли людьми с завышенным самомнением, высокомерными по отношению к трудящимся, меркантильными и, нередко, малограмотными. Критике также подвергалась их религиозность, стремление излагать собственное мнение («мутят детей»)⁶ и даже такие детали внешности, как серьга в ухе — «модность», оставшаяся «у культурного человека от дикарей»⁷. Несмотря на свою малочисленность и разобщенность учителя имели возможность оказывать воздействие на граждан, причем не только на детей, но и взрослых, поскольку обязаны были участвовать в работе ликбезов и обучать грамоте всех желающих. Но в силу различных обстоятельств (низкий уровень образования, неумение анализировать получаемую информацию, непонимание своей просветительской роли в обществе) многие из педагогов отказывались от роли лидеров общественного мнения и зачастую по поведению и образу мыслей ничем не отличались от односельчан.

В этих условиях шло выдвижение лидеров общественного мнения «новой формации», которыми становились передовики производства («знатные люди», герои труда), работники партийно-советского аппарата, руководители промышленных предприятий и «новая» советская интеллигенция (учителя, журналисты, деятели культуры и искусства). В отличие от неформаль-

ных лидеров, которые нередко преследовали личные цели (поднятие собственного авторитета, получение материальной выгоды) и действовали в зависимости от личных убеждений, взглядов, установок, уровня знаний и возможностей, формальные лидеры имели единые и четкие установки, определенную цель (пропаганда нового строя и идей коммунистической партии) и отработанную методику ведения агитационной работы. Источниками исходной идеологической информации для них были: партийные документы, директивные статьи и в целом материалы СМИ, установки, даваемые на собраниях, митингах, различных профессиональных и политических курсах. За всем этим просматривается системность и жесткое руководство как процессом подготовки таких лидеров, так и их деятельностью. Прежде всего, можно говорить о системной организованности самих лидеров общественного мнения, то есть об их иерархии и четком распределении обязанностей и функций.

На низшую ступень «лидерской пирамиды» мы поместили передовиков производства. Ими становились рабочие или крестьяне с соответствующим происхождением (из батраков или бедняков), которое обязательно указывалось не только в анкетах, но и в газетных материалах, посвященных новому герою труда. Реальные трудовые достижения человека были важны только на начальном этапе формирования «образа», а в дальнейшем являлись не главным, а, скорее, сопутствующим фактором. Основной же была типичность героя, его соответствие выработанному или предложенному стереотипу: «знатная доярка», «знатный чабан», культурмеец (активный участник кампании по ликвидации неграмотности), комсомолец, «ударник сева» и т. д. Это особенно заметно на примере И. Ф. Чертыгашева. Его возвышение, превращение в героя произошло практически мгновенно. До декабря 1935 г., когда он в числе других представителей Хакасии был награжден за успехи в развитии животноводства орденом Трудового Красного Знамени, его имя не упоминается на страницах областной прессы, отсутствует даже в заметках, где перечисляют отличившихся сельчан. После награждения «орденоносец Чертыгашев» становится героем не только области, но и ряда газетных публикаций.

В 1938 г. И. Ф. Чертыгашев был избран депутатом Верховного Совета РСФСР от Хакасии. В предвыборных материалах в его поддержку в обязательном порядке упоминалось о батрацком происхождении будущего депутата, о его нелегкой трудовой судьбе, о том, что революция «вырвала его из лап жестокой кулацко-байской эксплуатации», а Советская власть дала возможность простому хакасскому чабану стать «знатным человеком», «достойным сыном советского народа». Авторы информационных заметок сообщали о единогласной поддержке избирателями его кандидатуры, но объяснение причин этого единодушия в таких материалах отсутствует и заменяется простым перечислением заслуг кандидата (передовик, орденосец).

По схожей схеме через выдвижения в Советы и на различные должности «достойных сыновей и дочерей народа» создавались герои на местах — в городах и районах автономии. Местные издания, беря за пример областные газеты, размещали на своих страницах похожие по стилю и содержанию рассказы о кандидатах и обращения в их поддержку, в которых менялись только фамилии. Подобные герои были необходимы, чтобы продемонстрировать достоинства новой власти, которая создает условия для такого возвышения представителей ранее бесправных слоев трудового народа и «инородческого» населения («кто был ничем, тот станет всем»), достижения в целом советского народа, результаты реализации ленинско-сталинской национальной политики, а также для наглядной пропаганды идеологически выгодного мифа о том, что любой человек может вырасти «от пастуха до государственного деятеля», если с полной отдачей будет трудиться на благо страны и свято верить в коммунистические идеалы.

Депутат из народа пользовался большим доверием, чем обладатель депутатского мандата — руководитель различного ранга. Информация о деятельности последних появлялась на страницах газет обычно раз в год в виде отчета о проделанной работе. Поэтому «народный» депутат, имевший более прочные и постоянные связи со своим трудовым коллективом, родственниками, земляками, мог успешно справляться с задачей посредника между властью и электоратом, между чиновниками и народом. В его обязанности входили, в том числе, выступления

на мероприятиях различного уровня. Тщательно отредактированные и идеологически выверенные публичные речи такого героя на собраниях, митингах, в прессе, по радио содержали не только высказывания в поддержку власти, разъяснения политики партии и правительства, призывы к избирателям, землякам, но и выражение «правильного» общественного мнения. В то же время, подобный лидер не высказывал собственное мнение, в его задачи входила, скорее, адаптация для восприятия массовой аудиторией (пересказ своими словами, «по-простому») информации, содержащейся в СМИ и официальных документах, и трансляция ее при непосредственном контакте с людьми или заочных встречах с читателями газет, радиослушателями. Такой лидер общественного мнения воспринимался как человек «из народа» и одновременно — как «знатный» человек, заслуги которого отмечены наградами, званиями или просто описаны в материалах СМИ. Авторитет его, на наш взгляд, держался не только на статусе депутата или общественного деятеля, но и на уверенности людей: раз он близок к власти, значит, знает больше, поэтому может и рассуждать на разные темы с полным правом.

В то же время рядовые граждане были лишены такого права свободно выражать свои мысли и взгляды. Если человек пытался объяснить собственную позицию, отличную от официально навязываемой, то попадал в число изгоев, объявлялся «врагом народа» и подвергался репрессиям, в том числе за «систематическое проведение контрреволюционной пропаганды и агитации». Причины подобного асоциального поведения старались найти в классовом происхождении виновного (сын бая или священника, дочь бывшего белого офицера) или в «идиотской болезни — беспечности» (по выражению И. В. Сталина) и политической безграмотности. Примечательно, что в газетных статьях 1937—1938 гг. «разоблачительного» характера, в частности в областном издании «Советская Хакасия», авторы лишь упоминают о «подрывной» деятельности в виде агитации, которую вели политические «преступники», но прямое цитирование их высказываний отсутствует. В то же время свидетельства с цитированием сказанного «врагом» в виде доносов или «справок» часто встречаются в архивных документах исследуемого перио-

да. Можно сделать вывод, что для публичного обвинения в СМИ намеренно использовались, в основном, стандартные «ярлыки», не требующие серьезных и аргументированных доказательств и примеров. Это позволяло устранить из общества самостоятельно думающих людей — потенциальных или неформальных лидеров общественного мнения, а также всех тех, чье мнение не совпадало с общепринятым.

В ходе массовых репрессий серьезный урон понесли представители второй группы лидеров общественного мнения, в которую мы включили интеллигенцию, и прежде всего педагогическую и творческую. Ее главной особенностью была способность не просто транслировать идеологическую информацию, но и создавать новый информационный продукт в виде уроков, учебных программ, произведений искусства и литературы, газетных статей, радиосюжетов и передач.

Учителя, чья не только профессиональная, но и политическая подготовка активно велась в Хакасии с начала 1920-х гг., обладали определенным общественным статусом, который был особенно высок в сельской местности. У них имелись необходимые знания, навыки приобретения и анализа дополнительной информации, умение обучать других и в целом воздействовать на аудиторию. Несмотря на это, учителя в 1930-е гг. в качестве формальных лидеров общественного мнения не рассматривались. Их сфера деятельности ограничивалась (иногда искусственно) школой, участием в кампании по ликвидации неграмотности и выступлениями от имени данной профессионально-социальной группы общества, например в поддержку решений партии, проекта Конституции СССР или других документов и политических акций («Учителя одобряют приговор»).

Также в газетах публиковались рассказы старых учителей о своем нелегком пути в профессию из батраков, «через побои хозяина» и многочисленные лишения: «Я шел с угнетенным народом заодно, чтобы создать скорее новую светлую жизнь». В таких заметках обязательно использовался прием контраста — противопоставление описаний условий работы в прежнее и новое время: «За 20 лет работы народным учителем в условиях царского самодержавного гнета я никакой культурной жизни не достиг. Я знал зубрежку да закон божий»⁸. Такие

материалы обычно заканчивались призывом к молодому поколению педагогов оправдать доверие, оказываемое учителям партией и трудящимися. Аналогичными были и статьи учителей, публикуемые в национальных изданиях, в том числе в областной газете на хакасском языке «Хызыл аал». Например, учитель Казановской школы А. Мохов также начинает с описания бедственного положения своей семьи до революции, рассказывает о становлении системы образования в районе и своего учебного заведения, делая особый акцент на том, что если бы не Советская власть, то он никогда бы не смог стать учителем⁹. С помощью подобных материалов в общественном сознании формировалось устойчивое представление о Советской власти как о безальтернативно-прекрасном варианте настоящего и будущего.

Школьной тематике пресса и радиовещание уделяли значительное внимание. Рассказы о своем опыте обучения или внешкольной работы с детьми учителя всегда сопровождали указаниями на преимущества Советской власти или прямыми благодарностями «нашей стране и великому вождю Сталину» за заботу, хорошую жизнь, возможность учиться и учить. Но анализ газетных материалов позволяет сделать вывод, что агитация, проводимая с помощью педагогов, была направлена, прежде всего, на коллег, а не на массовую аудиторию. Об этом свидетельствуют как обращения и призывы, так и прямые указания: «Мы, учителя советской школы, не только должны учить молодое поколение в духе коммунизма, но и быть всегда и везде бдительны, помогать партии и правительству бороться с врагами народа...»¹⁰ Учителя наряду с представителями других профессий участвовали в агитационно-пропагандистских и избирательных кампаниях, но являлись, скорее, формальными, чем действительными лидерами общественного мнения. Их знания, способности и навыки использовались не в полной мере, а функции были ограничены преподаванием предметов, внешкольной работой с детьми и общественными поручениями. При этом они успешно справлялись со своей задачей коммунистического воспитания подрастающего поколения — внедряли идеологические установки и идеи в учебный процесс, в содержание и методику преподавания конкретных предме-

тов, пропагандировали «правильные» трактовки фактов и событий и т. д., воздействуя на школьников с позиции старших, мудрых, непререкаемых авторитетов.

Более полно использовались в агитационно-пропагандистской деятельности способности и таланты представителей творческой интеллигенции — художников, музыкантов, писателей и поэтов. Согласимся с мнением доктора исторических наук, профессора С. И. Сергейчика, что «в условиях тоталитарной системы и культа личности Сталина творческий потенциал интеллигенции использовался не столько в интересах всего общества, сколько для укрепления самой системы»¹¹. В то же время отметим, что участие представителей этого социального слоя в пропаганде идей и решений компартии рассматривалось и как работа на благо всего общества. Их искренняя убежденность в преимуществах советского строя базировалась на примере собственной судьбы, когда сын бедняка или батрака становился деятелем литературы или искусства, чьи книги издавались в Москве, картины экспонировались на областных и краевых выставках, стихи включались в хрестоматии, по которым учили детей в национальных школах Хакасии, а песни звучали в местном радиоэфире или на концертах самодеятельных и профессиональных коллективов. Формирование новой творческой интеллигенции шло за счет выдвижения и дальнейшего обучения наиболее талантливых людей. Для их выявления проводились смотры и олимпиады самодеятельности, при газетах создавались кружки для селькоров-поэтов. Нередко новые таланты открывали сами рабселькоры (рабочие и сельские корреспонденты), описывая в заметках творческие способности своих земляков.

Явления и достижения нового строя воспевали профессиональные (М. Коков, В. Кобяков, А. Топанов) и многочисленные непрофессиональные поэты. Интересно, что многие из них использовали традиции устного народного творчества — хакасскую народную песню (4—8-строчный тахпах). Поэтому такое стихотворное произведение (по-хакасски «ыр» — «песня») воспринималось аудиторией как часть фольклора, что, на наш взгляд, обеспечивало не только его популярность, но и высокую степень

доверия читателей и слушателей к стихотворению, как выражению мыслей и чувств простого народа.

Свои убеждения поэты высказывали не только в стихах, но и в прозе. Например, рассказывая о своих впечатлениях о поездке на Всесоюзную художественную олимпиаду народного творчества, чатханист Щетинин так говорил о своем будущем: «Мой чатхан¹² еще лучше будет петь о радости, о великом и мудром Сталине, давшем нам эту невыразимую радость и уверенность в завтра»¹³.

Представители творческой интеллигенции становились лидерами общественного мнения, очевидно, за счет признания аудиторией их таланта и заслуг. Приобретению такого признания способствовали, в том числе, большие тиражи произведений, выступления авторов на массовых мероприятиях, в прессе и по радио. Но эта же система пропаганды в короткий срок смогла убедить общественность, что ранее популярные писатели и поэты, разоблаченные ныне как «враги народа», «буржуазные националисты» и «японские шпионы», намеренно «протаскивали» в своих произведениях контрреволюционные идеи. Репрессии среди творческой интеллигенции автономии были настолько масштабными, что некоторые исследователи говорят о практически полном уничтожении первых литераторов Хакасии.

Отдельную группу представителей творческой интеллигенции составляют журналисты. Анализируя их деятельность в качестве лидеров общественного мнения, мы имеем в виду именно профессиональных литературных работников редакций газет и радиовещания. Трудность в оценке их лидерской роли в обществе заключается в том, что штат даже областных газет Хакасии состоял из 1—7 творческих сотрудников, в задачу которых входила работа по организации, обработке, редактированию писем и заметок внештатных корреспондентов с мест, подготовке так называемых «авторских» материалов партийных и хозяйственных работников. В условиях нехватки в редакции квалифицированных кадров, высокой загруженности, трудностей с организацией командировок в районы на собственное творчество у журналистов попросту не хватало времени и сил. Например, в 1931 г. редактор областного издания

газеты «Крестьянская газета на посту Хакасии» Б. Ковалевский в своем письме в крайком и обком партии сообщал: «Сам собираю материалы, сам пишу и сам редактирую. Вся работа выполняется на дому. Нет денег ни копейки. Не на что даже послать письмо тому или иному рабселькору»¹⁴.

К середине 1930-х гг. ситуация стабилизировалась: увеличилось число квалифицированных журналистов, повысился их профессиональный и творческий уровень за счет приобретения опыта в процессе работы и на курсах газетных работников в Барнауле, Красноярске, Москве, а также благодаря систематическому рецензированию статей журналистами вышестоящих изданий. В автономной области удалось сформировать отряд рабселькоров, которые под руководством и при помощи профессиональных литературных работников готовили информационные заметки с мест и даже фельетоны.

Журналисты в обязательном порядке участвовали в агитационных и избирательных кампаниях, особенно активно проходивших с 1936 г. — в связи с обсуждением проекта Конституции СССР, выходом «Краткого курса истории ВКП (б)», выборами депутатов РСФСР и др. Их участие не ограничивалось только подготовкой статей. Например, сотрудники Хакасского областного радиокomiteта, на которых возлагалась личная ответственность за результат, должны были для достижения максимального эффекта использовать целый комплекс эфирных и внеэфирных методов воздействия на аудиторию. Помимо подготовки и выдачи в эфир цикла специальных пропагандистских передач, в которых широкая и массированная разъяснительная работа по пропаганде преимуществ советской избирательной системы велась на основе примеров из истории как страны, так и автономной области, корреспонденты готовили репортажи с территориальных избирательных участков, выступления у микрофона знатных людей районов и городов — стахановцев, ударников, передовиков производства, также призывавших к участию в выборах.

Среди внеэфирных методов работы в период выборных кампаний наиболее популярными у избирателей являлись концерты. В 1930-е гг. специальная бригада, состоявшая из штатных музыкантов и артистов областного радиокomiteта, регу-

лярно выезжала в города и районы и выступала перед жителями Хакасии. В программу обязательно включались номера на русском и хакасском языках. Так, в 1938 г. выездная бригада Хакасского ОблРК организовала четыре концерта, на которые «получила неплохие отзывы» зрителей¹⁵. В таких поездках обязательно участвовали и журналисты, которые выступали с докладами перед концертами. Аналогичной агитационной деятельностью на личных встречах с аудиторией занимались и сотрудники газет. Но в данном случае можно говорить лишь о трансляции информации, а не создании журналистами нового информационного продукта и воздействии на общественность с использованием личного авторитета. Творческие сотрудники СМИ являлись, скорее, коллективными лидерами общественного мнения, чье влияние было обусловлено профессиональной принадлежностью, близостью к власти, работой в средствах массовой информации или форматом проводимого мероприятия (агитконцерт, собрание, политинформация и т. д.).

Журналист рассматривался, прежде всего, как идеологический работник, способный вести агитационно-пропагандистскую работу с использованием личных и профессионально-творческих качеств. При этом его собственное мнение не должно было присутствовать в выступлениях и материалах. Также можно утверждать, что в отличие от писателя или поэта журналист не являлся популярной личностью, его имя аудитория знала, пожалуй, лишь в том случае, если он одновременно являлся и известным литератором. Это было характерным в большей степени для национальных газет, в состав редакций которых входили и многие писатели, а также для радиовещания на хакасском языке, где национальные поэты выступали с чтением своих произведений.

Мнение о том, что «писать в газету», а следовательно, и выпускать ее может каждый, активно внедрялось в общественное сознание, как и установка на то, что газета должна состоять из материалов рабселькоров, которые «лучше знают жизнь», чем профессиональные литераторы. Это позволяет утверждать, что журналисты являлись неперсонифицированными лидерами общественного мнения, оказывавшими заметное, регулярное и многоаспектное воздействие на аудиторию через собственные и

так называемые «авторские» статьи (отредактированные заметки рабселькоров или подготовленные журналистами материалы на основе беседы и за подписью источника информации), а также в целом через подбор материалов номера, формирование заголовочного комплекса, организацию рабселькоровского движения.

Журналисты были лидерами мнений, но в рамках своего профессионального сообщества, в которое можно включить и внештатных корреспондентов. На совещаниях, курсах рабселькоров, при личном или заочном (через письма) общении штатный сотрудник редакции мог передавать не только свои знания и опыт, но и собственные трактовки партийных документов и идеологических установок с точки зрения того, как, в какой форме и с использованием каких методов можно их реализовывать в СМИ. Это было возможно в том случае, если сам журналист обладал достаточными знаниями и профессиональным опытом. В ходе массовых репрессий состав наиболее опытных журналистов-«стажистов» в СМИ Хакасии сменился практически на 90 %. В результате в редакции пришли вчерашние рабселькоры или совершенно случайные и далекие от журналистики люди. Это привело к резкому снижению не только интеллектуального и уровня грамотности авторов, но и к падению престижа профессии, что временно устранило журналистов из состава лидеров общественного мнения, сохранив за ними функции массовых агитаторов, пропагандистов и организаторов.

На вершине иерархии лидеров общественного мнения находились руководители различного ранга — партийные и советские деятели, директора предприятий, председатели колхозов, общественных организаций, профессиональных союзов. Их лидерский авторитет был обусловлен статусом «начальника», обладавшего реальными рычагами власти: принуждения, управления, наказания. Многие из них использовали СМИ, но с другой целью. Например, руководители высшего (областного, районного, городского) звена в своих докладах и выступлениях, тексты которых печатали газеты, основной упор делали на критику недостатков, разоблачение виновных в возникновении проблем, а также на изложение своих требований по выполнению подчиненными и рядовыми гражданами решений партии и

правительства. В данном случае они выступали как проводники («рупоры», разъяснители) идеологической и государственной политики и организаторы мероприятий по ее реализации на местах. Лишь некоторые из них, в частности зав. отделом пропаганды, агитации и печати Хакасского обкома партии Г. Л. Гусаров, выступали и с отдельными статьями по таким актуальным и сложным темам, как национальная политика, коренизация кадров, коллективизация и др. Но в большинстве случаев газеты перепечатывали материалы подобной тематики из краевых и центральных изданий.

Директора предприятий и сельхозпредприятий ограничивались отчетами об успехах и проделанной работе, широко используя местоимения «мы» (сделали, выполнили) и «наши» (инициативы, рекорды). Председатели колхозов описывали достижения колхозного строительства, расцвет жизни на селе и значительное улучшение материального положения колхозников, выносили благодарность т. Сталину за то, что их «жизнь стала зажиточной и счастливой». В данном случае они выступали от имени своих коллективов и транслировали некое «общее мнение». Можно сказать, что их функции в качестве лидеров общественного мнения заключались также и в организации этого единодушного мнения в поддержку власти. Например, в 1936—1937 гг. на многочисленных митингах и собраниях «единогласно» принимались резолюции по поводу политических процессов, проходивших в стране: «Расстрелять как бешеных собак!», «Раздавить фашистскую гадину!», «Врагов Родины — к расстрелу» и т. д. Организация подобных мероприятий, обеспечение безальтернативных выступлений в поддержку, принятие соответствующей резолюции являлись обязанностью партийных и хозяйственных руководителей. Проведение такой акции носило не сугубо технический характер, а требовало мощного воздействия на аудиторию, в том числе с использованием личного авторитета и статуса формального лидера трудового коллектива, а также умений подавлять неформальных лидеров, чье мнение могло расходиться с «идеологически верным». Организация собраний позволяла руководителям осваивать и демонстрировать опыт работы с аудиторией, навыки убеждения, внушения и управления людьми.

Помимо вышеописанных методов формирования лидеров общественного мнения с помощью административного и идеолого-информационного ресурса, широкое применение имели и другие способы выявления лидеров и вовлечения их в работу с массами. Прежде всего, это осуществлялось через так называемые общественные, комсомольские, партийные, пионерские, профсоюзные поручения, выполняя которые человек был обязан, например, готовить и проводить политинформации, обучать политической грамоте, вести разъяснительную и агитационную работу в преддверии выборов и принятия важных государственных документов. Наиболее активные брались на заметку, продвигались по службе или другим линиям, привлекались для реализации более сложных и ответственных кампаний. Общественная активность могла стать залогом успешной карьеры, но также она являлась и возможностью реализовать лидерские качества, творческие способности, найти свое место в жизни, призвание.

Основываясь на вышеизложенных фактах, можно утверждать, что в советский период, в том числе и в 1930-е гг., была создана отлаженная система выявления людей с лидерскими способностями, создания мотивации и условий для их творческого и профессионального роста, политического и идейного воспитания. Это позволяло задействовать в агитационно-пропагандистской работе значительные людские ресурсы, в короткие сроки добиваться быстрых и эффективных результатов в формировании общественного мнения и в целом массового сознания, внедрении новых идеологических установок, ценностей, норм поведения и т. д. Репрессивная политика, проводимая, в том числе, против инакомыслящих, подавляла инициативу и выступления неформальных лидеров общественного мнения, занимавших позиции, не совпадавшие с официальной, уничтожала их физически или устранила из общества и трудовых коллективов.

Продуктивность такой работы с лидерами общественного мнения и их собственной деятельности получала наглядное подтверждение в период проведения любой массовой акции, кампании на протяжении практически всего советского периода, будь то очередной государственный займ, освоение целины или строительство БАМа. В условиях максимально

суженого «информационного выбора» с помощью лидеров общественного мнения у аудитории формировался образ внешнего мира — примитивно понятный, строящийся на относительно простых стереотипах поведения, моделях общения, отношений и мнений.

Примечания

- ¹ *Соскин В. Л.* Советская массовая культура: у истоков (1917—1927 гг.). Новосибирск, 2001. С. 95.
- ² Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев ; науч. ред. В. И. Молодин. Абакан, 2008. С. 507.
- ³ См. напр.: *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. С. 81.
- ⁴ *Беляев В. А.* Интеллигенция как субъект российского политического процесса: федеральный и региональный аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. С. 15.
- ⁵ *Артамонова Н. Я.* Учительство Енисейской губернии: проблема политического выбора в годы революции и Гражданской войны // Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества : материалы XVII Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 21—23 сентября, 2006 г. Иваново, 2006. С. 277.
- ⁶ Пустите учителя на собрание ячейки // Власть труда. 1928. 13 окт. С. 2.
- ⁷ *Макаров Г.* Заметки о культурных запросах и умении их удовлетворять // Там же. 1928. 16 июня. С. 2.
- ⁸ *Бурнаков Т.* Как я стал народным учителем // Советская Хакасия. 1936. 1 мая. С. 4.
- ⁹ *Мохов А.* Уламох кустенип тогынам // Хызыл аал. 1940. 20 окт. С. 3.
- ¹⁰ *Вахрушев И. Н.* Советская власть сделала меня народным учителем // Советская Хакасия. 1936. 18 окт. С. 2.
- ¹¹ *Сергейчик С. И.* Российская интеллигенция: история и судьба. М., 2006. С. 47.
- ¹² Чатхан — национальный хакасский музыкальный инструмент.
- ¹³ *Щетинин.* Мой чатхан еще лучше будет петь о радости, о мудром Сталине // Советская Хакасия. 1936. 21 мая. С. 2.
- ¹⁴ Отдел документации новейшей истории Государственного архива Республики Хакасия. Ф. 2. Оп.1. Д. 84. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Д. 607. Л. 36.

А. А. Федотов

**РОЛЬ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(на примере Ивановской области)**

В современной России много говорится о формировании гражданского общества. В то же время, анализируя происходящие в стране процессы, можно констатировать, что сегодня, как и 150 лет назад, когда император Александр II отменил в Российской империи крепостное право, речь идет о попытках власти «сверху» выстроить ответственное и сознательное общество граждан. Об этом говорит и принцип формирования Общественных палат, особенно некоторых региональных, члены которых полностью назначаются органами государственной власти, и принцип формирования практически всех иных общественных советов и структур при тех или иных органах государственной или муниципальной власти.

Но одновременно с этим можно отметить и попытки различных общественных сил, в том числе научной интеллигенции, активно участвовать в строительстве в Российской Федерации гражданского общества. При этом нужно понимать, что, как правило, научная интеллигенция не ставит своей целью именно это строительство; оно является скорее следствием приложения усилий к решению тех конкретных теоретических и практических задач, в реализации которых современные российские интеллигенты от науки видят свое призвание. Целый ряд подобных примеров мы можем видеть и в Ивановской области.

В частности, это связано с деятельностью целого ряда научных центров. При Ивановском государственном университете успешно работают Проблемный Совет РФ «Интеллигенция.

© Федотов А. А., 2011

Федотов Алексей Александрович — доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор Ивановского филиала Института управления (Архангельск). aalfedotov@yandex.ru

Культура. Власть» (руководитель — доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов), Российский межвузовский центр гендерных исследований (руководитель — доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова)¹. Деятельность этих научных центров характеризуется не только активной научной работой их руководителей и сотрудников (в частности, В. С. Меметов является председателем диссертационного совета, оба центра издают журналы, входящие в утвержденный ВАК РФ список), но и активной вовлеченностью их в общественные процессы. При этом необходимо отметить деятельность О. А. Хасбулатовой, являющейся заместителем председателя Правительства Ивановской области, в котором она возглавляет социальный блок, и в практической деятельности государственных структур может реализовывать свои научно-методические наработки.

Валерий Сергеевич Меметов воспитанием интеллигентов занимается уже сорок лет. Он считает, что именно в провинциальных городах чаще встретишь настоящих интеллигентов. К сожалению, по мнению В. С. Меметова, в столице незаметно потерялись черты чисто русского интеллигента — особенное сочетание нежности, любви, мягкости и в то же время безалаберности. В Москве, по его словам, «запад все это вытеснил». А ведь «интеллектуал», «элита» в своем значении не совпадают с понятием «интеллигент», они никак не могут его заменить. Разве безнравственного интеллектуала (а таких всегда много) можно назвать интеллигентом? В то же время в глухой глубинке встречаются люди без дипломов, но поразительно внутренне образованные. Так что интеллигентность — это, помимо круга знаний, еще и нравственная составляющая². В. С. Меметов не только готовит докторантов, аспирантов, соискателей и студентов. Он является членом Ивановского обкома КПРФ, где также проводит большую просветительскую работу. Среди тем, поднимаемых В. С. Меметовым в этом качестве, — «Место и роль интеллигенции Ивановской области в борьбе за права и интересы трудящихся», «Кризис культуры, науки и образования. Изменения в законодательстве об учреждениях бюджетной сферы — разрушительная политика власти»³.

Необходимо отметить и активное участие представителей научной интеллигенции Ивановской области в деятельности общественных организаций. Доктор исторических наук, профес-

сор Ивановского государственного университета В. А. Евсеев является председателем Ивановского областного отделения Ассамблеи народов России с 1999 г., членом Совета Президиума АНР, зам. председателя АНР с 2004 г.⁴ Доктор исторических наук, профессор Ивановского государственного университета К. Е. Балдин возглавляет Ивановское областное общество краеведов⁵. Кроме того, В. А. Евсеев и К. Е. Балдин являлись членами Общественной палаты Ивановской области, причем К. Е. Балдин продолжает работу в ней и в действующем созыве.

Некоторые представители научной интеллигенции реализуют себя в важных социальных проектах. Здесь необходимо отметить, в первую очередь, кандидата исторических наук, доцента Ивановского государственного университета Е. В. Язеву — председателя Ивановской областной общественной организации «Колыбель», работа которой целиком посвящена информированию людей о последствиях аборт. Члены этой организации помогают тем, кто попал в трудную жизненную ситуацию и стоит на той развилке, после которой жизнь может навсегда измениться. При организации существует Кризисный центр, призванный помогать женщинам, нуждающимся в квалифицированной помощи. Кризисный центр предоставляет бесплатные услуги профессионального юриста, психолога и других специалистов. Некоторым женщинам предоставляется жилье, оказывается материальная поддержка, помощь с дальнейшим трудоустройством⁶.

Нельзя не отметить и деятельность ивановской научной интеллигенции в религиозной сфере, в частности в организации функционирования Ивановского православного богословского института, в котором целый ряд преподавателей ивановских вузов читают лекции и проводят семинары на безвозмездной основе. Обучение в институте бесплатное, это дает возможность получить в нем образование и социально незащищенным слоям населения. Сотрудники и студенты института постоянно оказывают нуждающимся необходимую помощь: ухаживают за больными на дому и в больницах. Студенты и выпускники института проводят занятия в воскресных школах при храмах города Иваново и области. В 2007 г. преподаватели и сотрудники института принимали участие в чтении лекций в Институте развития образования Ивановской области в рамках подготовки преподавателей курса «Основы Православной культуры»⁷.

Для определения перспектив взаимодействия власти и гражданского общества в России, большое значение имеют труды ученых разных специальностей. Изучение российского и зарубежного опыта и его обобщение будут способствовать выработке наиболее приемлемой на сегодняшний день модели государственно-общественных отношений. Пониманием важности работы в этом направлении и было вызвано решение о создании в марте 2010 г. при Ивановском филиале Института управления (г. Архангельск) Научного центра по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества. Центром и филиалом были проведены международные научно-практические конференции «Проблемы становления, развития и модернизации гражданского общества в Российской Федерации», «Проблемы становления гражданского общества в России и за рубежом: социальный, юридический и экономический аспекты»⁸. Центр ставит своей задачей привлечение к диалогу специалистов разных направлений — историков, социологов, политологов, религиоведов, юристов и экономистов с целью выработки междисциплинарного подхода к изучению вопроса перспектив строительства гражданского общества в современной России.

Необходимо отметить, что научная интеллигенция в своих выступлениях нередко озвучивает позицию, расходящуюся с официальной. Например, доцент Ивановского филиала Института управления (г. Архангельск) Г. Н. Шумакова пишет: «Россия сможет выжить в 21 веке только как государство народовластия, как государство “общества труда”. Рано или поздно Россия возвратится к советской форме народовластия с учетом опыта 20 века. Ведь в то время как в России социальная жизнь пошла назад, в странах развитого капитализма она продолжает идти вперед. Научно-технический прогресс потребовал привлечения непосредственных производителей к управлению производством. И советы, разрушенные на предприятиях в России, стали возникать на капиталистических предприятиях Запада. В Германии, например, законодательство требует создания производственных советов на предприятиях с числом работников 5 и более. Так что нашей стране теперь по части советов на предприятиях придется догонять Запад. Придется потому, что внедрение научно-технических достижений немислимо при отчуждении от

управления производством непосредственных производителей материальных благ»⁹.

С критикой существующей ситуации выступает и доцент Ивановского филиала Института управления Н. А. Бородин: «У нас на первом месте коммерсант и на последнем ученый. В США ученый на первом месте, коммерсант — на последнем. При таком положении, если Сколково будет построено в самые сжатые сроки, проблема с модернизацией решена не будет. Тот, кто учит, лечит и защищает народ, должен быть на первых местах, а “купить — продать” на последних. Что мешает созданию и развитию гражданского общества? Это отсутствие четких и ясных целей, задач, неопределенность, несправедливость, ненужность людей, безработица, бедность, постоянный передел собственности. Общество и государство могут развиваться только тогда, когда их интересы совпадают. Такого совпадения пока не наблюдается. Само общество разделено на непримиримые социальные слои, поэтому люди и не могут прийти к согласию, как оно должно быть устроено. В Конституции РФ гражданское общество не упоминается, в ст. 13 указываются общественные объединения, но это не одно и то же. Из смысла ст. 2 Конституции РФ вытекает, что индивид выше группы, т. е. часть выше целого. Это противоречит логике и законам природы и общества. Нигде нет такого, чтобы часть была главнее целого. Часть чего-либо может погибнуть, спасая целое, но если погибнет целое, то и части не останется. Следовательно, власть опирается на индивида, а не на общество. Такая опора слаба, ибо усилия общества всегда эффективнее усилия индивида, одного человека. Но, видимо, власть опасается создания в стране общества, подобного комсомолу. Отдельные общественные объединения — да. Но если вся молодежь страны будет в одной организации, то вряд ли власть пойдет на это»¹⁰.

Свобода высказывать свои мысли является признаком того, что в России сегодня действительно формируется гражданское общество. Несмотря на то что современная российская научная интеллигенция в основном все же не имеет больших административных и материальных ресурсов, она находит возможности вносить свой весомый вклад в формирование общественного сознания, в развитие страны, реализацию конкретных

долгосрочных научных, образовательных и социальных проектов. Гражданское общество по мере своего развития должно становиться все более самоорганизующимся, самоуправляющимся и ответственным. В Ивановской области научная интеллигенция объединяется в научные центры, общественные организации, в том числе и решающие важные социальные задачи, активно участвует в деятельности религиозных организаций. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на множество внешних трудностей, она вносит свой вклад в формирование гражданского общества в современной России.

Примечания

- ¹ См.: Интеллигенция и мир : рос. междисциплинар. журн. социально-гуманит. наук. 2010. № 3 ; Женщина в российском обществе : рос. науч. журн. 2010. № 3.
- ² Руденко С. Интеллигент — факультативно? Как стать честным и принципиальным. URL: <http://ug.ru> > old/02.49/t17.htm (дата обращения 15.03.2011 г.).
- ³ URL: <http://ivkprf-inf.narod.ru> > Politicheskii_Sobesednik/PS_3 (дата обращения 15.03.2011 г.).
- ⁴ Евсеев Владимир Александрович. URL: <http://famous-scientists.ru> > 9086 (дата обращения 15.03.2011 г.).
- ⁵ URL: <http://ivanovoobl.ru> > materials.aspx... (дата обращения 15.03.2011 г.).
- ⁶ URL: <http://kolybel-ivanovo.ru> (дата обращения 15.03.2011 г.).
- ⁷ URL: <http://ivgorod.ru> > companies/1201 (дата обращения 15.03.2011 г.).
- ⁸ Проблемы становления, развития и модернизации гражданского общества в Российской Федерации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 9 апреля 2010 г. Иваново, 2010 ; Проблемы становления гражданского общества в России и за рубежом: социальный, юридический и экономический аспекты : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 14 января 2011 г. Иваново, 2011.
- ⁹ Шумакова Г. Н. Советы как форма широкой демократии // Проблемы становления, развития и модернизации гражданского общества в Российской Федерации : сб. материалов II междунар. науч.-практ. конф., 25 марта 2011 г. Иваново, 2011. С. 189—190.
- ¹⁰ Бородин Н. А., Борисова П. А. Модернизация общества, которого нет // Там же. С. 29—30.

ББК 63.3(2)6-283.2

Е. В. Ишимская

СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Дискурс интеллигенции есть сложноорганизованная система текстов интеллигенции, имеющая динамичный, открытый характер. Для целостного описания, осмысления принципов ее построения необходимо зафиксировать основные атрибутивные черты дискурса, определяющие его метаструктуру. Попытаемся охарактеризовать те неотъемлемые свойства, константы, детерминирующие своим содержанием современное состояние дискурса интеллигенции.

Многие авторы указывают на авторефлексивность, интроспекцию (*in and out the same time*) в процессе познания интеллигенции. По сути, субъект-объектные отношения здесь превращаются в субъект-субъектные. Имманентно взаимозависимые субъект и объект представляют собой симбиотическое единство.

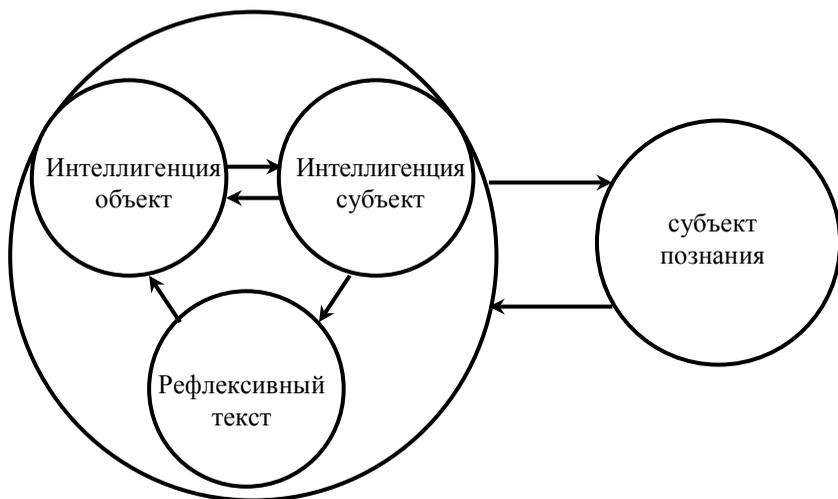
Русский интеллигент второй половины XIX — начала XX века, с одной стороны, является феноменом культуры, а с другой — активным, рефлексирующим деятелем. И. В. Кондаков

© Ишимская Е. В., 2011

Ишимская Елена Вячеславовна — соискатель, старший преподаватель кафедры философии Воронежского государственного технического университета. ishimsky_e@mail.ru

заключает, что одна из особенностей русской интеллигенции состоит «в единстве предмета рефлексии и самой рефлексивности как таковой, причем специализированный предмет рефлексии и органическая способность к ней не только взаимно обуславливают и стимулируют друг друга, но и принципиально совпадают в едином, целостном феномене»¹. Современная интерпретация русской интеллигенции тех лет базируется на ее самоинтерпретации. «Первичный» объект познавательной практики предстает перед нами через самокритику, рефлексии «субъект-объекта» и посредством ее. Следовательно, в предметное поле исследования попадают: интеллигенция-объект (о ком пишут), интеллигенция-субъект (кто пишет) и само содержание рефлексивного потока (что пишут). Структуру познания русской интеллигенции второй половины XIX — начала XX века схематически можно изобразить следующим образом:

Реконструируя взгляды Платона об идеях, возможно несколько с иной позиции очертить этот триединый феномен. Интеллигенция существует, во-первых, как прообраз идеальной интеллигенции, заданный в текстах интеллигенции. Во-вторых, она существует как копия идеи, заданной императивами текстов в данных социокультурных условиях. А в-третьих, критические и самокритические тексты интеллигенции содержат копию копии прооб-

раза интеллигенции. Поэтому русская интеллигенция этого периода есть сама-себе субъект и сама-себе объект. Синтаксические, семантические, прагматические отношения в процессе интерпретации интеллигенции сплетаются в единый смысловой узел.

Другая особенность, связанная с диспозиционными отношениями объекта-субъекта, выражена в суждении М. Ю. Лотмана: «Дискурсивный универсум русской интеллигенции оказывает значительное воздействие на всех говорящих и пишущих на эти темы, в том числе и на авторов, к самой интеллигенции не относящихся»².

Проблема самоидентификации автора статьи в этом контексте, признаться, не решена окончательно. Полагаем, она и не может быть решена однозначно. Имянаречение далеко не всегда соответствует действительному содержанию. Отметим, что для нас, как и для любого профессионально занимающегося научным трудом, одним из ведущих является стремление к «умственной порядочности»³.

Происходит не просто процесс осмысления внешнего пассивного предмета, но и осуществляется саморефлексия изучающего субъекта, утверждение его позиций по отношению к интеллигенции. Как верно замечает А. И. Фурсов, «проблема интеллигенции не только интеллектуальная, но и экзистенциальная, вопрос не только познания, но и самопознания»⁴. В некотором смысле можно говорить о процессе становления в качестве интеллигента личности мыслителя, погружившегося в свой предмет. В творческом поиске он принимает гуманитарный поток, исходящий от потенциально активного предмета, действие которого направлено, прежде всего, на имманентное бытие человека, собственное Я исследователя. «Интеллигенция» в качестве своеобразного экзистенциала оказывается почвой для самопознания, сопоставления личного духовного опыта с анализируемым феноменом, для обретения самого себя посредством постигаемого. Попытка увидеть, понять самого себя, свое существование, выражается в поиске своих культурных корней, своего места и роли в историческом процессе. Человеку важно почувствовать связь с миром, ощутить себя частью единой непрерывной жизни, чтобы «стать тем, что мы есть»⁵. Открытие экзистенциального смысла, которым наполнено познание интеллигенции, возможно благодаря вживанию, вчувствованию в историческую реальность, осо-

знанию личной причастности к мировой культуре и той, которую считаем своей. Слитое с жизнью чувственное созерцание явления изнутри агентом мировосприятия не исключает его философского осмысления.

Субъективность дискурса, представляющего собой интеллектуальную практику ученого, непосредственно определяется его чертами в качестве мыслящей личности. Изучение интеллигенции происходит как на рациональном, так и на эмоциональном уровне и во многом обусловлено не рационально, но чувственно-рационально, когда внутреннее личное стремление соединяется с внешними объективными задачами обращения к объекту.

В синхронном и диахронном измерениях интеллигенция «пахнет» профессиями, жанром, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом⁶. Художник представляет в произведении образ интеллигента, исходя из собственных этических и эстетических установок. Для него большую ценность имеют ассоциативно-эмоциональная и знаково-символическая составляющие, а не логичность, рациональное обоснование результата.

О. Мандельштам выдвигает, казалось бы, неожиданный и случайный признак интеллигента — отношение к поэзии. Однако именно он является существенным, если говорить об интеллигенции 1950—60-х годов в нашей стране. Стихи, размышляет поэт, побуждают к жизни, будят совесть и мысль. «Почему так происходит, я не знаю, но это факт»⁷.

Для человека, ориентированного естественно-научно и технически, в объяснении окружающего мира доминирующую роль играют фактические данные, индикаторы, показатели, которые на практике оказываются недейственными при прикосновении к данной проблематике. Тем не менее, всегда заметен профессиональный след, и именно профессия, конкретная деятельность содержит в себе предпосылки для обращения к теме интеллигенции. «Космополитичный интеллигент»⁸, физик-теоретик А. Д. Сахаров в своей дискуссионной работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», ставшей достоянием самиздата, поднимает ряд острейших вопросов, касающихся судьбы всего человечества. Сенсационный интерес на Западе, где впервые было опубликовано это произведение общественно-политического характера, вызван, по словам академика,

в том числе и его принадлежностью к высшим представителям «таинственной» и «грозной» специальности физика-атомщика⁹.

Интеллигенция и для «физиков», и для «лириков» является предметом не только осмысления, но и переживания. И те, и другие обращаются к этой теме, прежде всего, как личности, «экзистенциальные субъекты», а не специалисты-исследователи.

Интеллигенция как категория русской культуры глубоко укоренена в коллективном бессознательном общества. Формирование архетипического характера русской интеллигенции происходит в конце XIX — начале XX века, когда начались непрекращающиеся до сей поры споры о ее роли, ответственности и судьбе. И сегодня к ней обращаются «по инерции», автоматически и подсознательно основываясь на интуитивной, эмоциональной составляющей мышления. Это объяснимо, поскольку мы — наследники, воспринимающие культурно-исторических опыт предыдущих поколений. Устойчивость понятия «интеллигенция» подтверждается не только открытой научно-философской дискуссией, но и использованием слова в повседневной речи. И специалист, и простой обыватель выстраивают свои представления об интеллигенции на базе личного опыта. У носителя конкретной национальной культуры любому акту осознания предшествует действие моделирующего архетипического начала, не присутствующего в «актуальном поле сознания»¹⁰. Безусловно, прообраз интеллигенции у современного русского человека не врожденный, но существует мощный социокультурный механизм его передачи, часто не поддающийся точному анализу. Сфера «культурных рефлексов» не осознается ее реальными носителями, но определяет весь культурный универсум и представляет собой блок архетипов, задающий коды для ориентации личности в мире¹¹. Вовлеченность субъекта, носителя сознания, знания и подсознания, в культурное пространство вызывает имплицитный, непроизвольный фон при осмыслении феномена интеллигенции.

Таким образом, можно говорить о таких атрибутивных чертах дискурса интеллигенции, как *субъективность* (1) и *экзистенциальность* (2). Это означает, что номотетическая эпистемология, претендующая на монополию в поиске истины, с позитивистскими требованиями отделить реальные вещи от их ин-

терпретации, дистанцировать субъект от объекта изучения в данном случае не срабатывает.

Следующей чертой, имеющей субстанциональную природу, является повышенная *интертекстуальность*¹² (3), проявляющаяся в особых диалоговых, взаимопроникающих отношениях современного текста интеллигенции с его отдельными частями, другими текстами, внетекстовой средой, а также в наличии генетической связи с предшествующими и последующими текстами интеллигенции. Посредством кумуляции дискурса интеллигенции реализуется диахронная текстовая *преемственность* (4), выражающаяся не только в сохранении и накоплении знаний, но и в способности на их основе трансформироваться, аккумулировать новые дискурсивные практики. Следы предшествующих текстов в виде «цитат без кавычек»¹³ преобразуются в материковый текст и уже неотделимы от него. Будущие тексты интеллигенции подобным же образом оказываются зависимыми от современных и, как «королевский бифштекс» Людовика XVIII¹⁴, будут пропитаны их соком.

«Вехи» (1909 г.) являются наиболее значимым рефлексивным текстом русской интеллигенции. Сборник стал для последовавших за ним сочинений и дискуссий априорной структурой, пра-текстом, входящим в смысловое ядро семиосферы русской культуры. Веховцы, находясь в транс-дискурсивной позиции, выступают не просто творцами книги, но «основателями, учредителями дискурсивности» (*истрауратеур*)¹⁵. Несмотря на формальное заимствование понятия из западного текста-провокатора, русское дискурсивное пространство интеллигенции полностью трансформирует донорскую информацию и само становится генотекстовым источником на основе собственных социокультурных кодов. Исходный усваивающий статус русского текста интеллигенции, текста-реципиента, преобразуется в донорский, дающий качественно новые смыслы, пропитанные русским семиотическим контекстом. Эти смыслы, обладая особой «контекстной аурой»¹⁶, на выходе из своей семиосферы, в границах внешнего социокультурного поля распознаются уже как смыслы специфически русские. Коннотативные и денотативные значения порождаются исходя из вторичного, ставшего донором текста интеллигенции. Семиотический континуум русской культуры явился эпистемоло-

гическим фоновым фактором, предопределившим смысловые отношения в дискурсе интеллигенции. Так, «атом дискурса»¹⁷, вторгаясь из внесемиотической сферы, находит себе место и получает осмысленность во внутреннем социокультурном поле, обеспечивая тем самым «апокалипсическое рождение нового»¹⁸.

Современный дискурс интеллигенции в виде множества текстов, и предшествующих, и параллельно существующих, представляет собой «эхокамеру»¹⁹, создающую смысловую полифонию через интериоризацию внешнего, внетекстовой среды. Отсюда следует *гомоморфность* дискурса конкретным социокультурным условиям (5), его *цикличность* (6), *способность к самоактуализации* (7) и, по сути, бесконечная *расширяемость* (8).

Обращаясь к феномену русской интеллигенции, М. Ю. Лотман указывает на семантическую зависимость дискурсивной практики от специфики отечественной культуры²⁰. Способность отражать заданные синхронно-диахронные переменные присуща не только русским текстам интеллигенции. Она реализуется в любой отдельно взятой части всего множества текстов интеллигенции. Более того, процесс порождения и понимания смысла в дискурсе интеллигенции является обусловленным активным действием внетекстовых факторов: социокультурной средой, включенными в нее субъектами дискурса. Поиск смысла будет успешным при учете воздействия этих факторов. Специфика русской интеллигенции начала XX века обнаруживается только через понятия, составляющие ее дискурсивное пространство: революция, власть, народ. «Западная интеллигенция» в этих координатах не имеет никакого значения. Смысл русской интеллигенции может быть понят только в ее неразделимости с социокультурным полем. Она есть то, что она есть лишь благодаря конкретному пространственно-временному континууму.

В современном дискурсе интеллигенции концентрируется актуальная информация, вносимая извне. Смысловое ядро дискурса составляют понятия и категории, характерные и для предшествующих текстов интеллигенции, однако взаимосвязи между ними скорректированы определенными социокультурными потребностями. Циркулируют аналогичные, сходные идеи, но в диахронно разных измерениях.

Расширяемость дискурса интеллигенции обеспечивается благодаря его открытости, синкретическому характеру, изначальной незавершенности и непрерывному обогащению новыми текстами. Пока есть общество, существует и дискурс интеллигенции. Он не может завершиться, поскольку интеллигенция — ключевой субъект социальной деятельности. Дискурс интеллигенции объединяет субъектов иных специализированных дискурсов, с точки зрения социальной значимости выступая метадискурсом — дискурсом дискурсов, из которых он впитывает актуальную информацию и выбирает ориентиры общественного развития. Он открыт в пространстве и во времени, не нацелен на завершение.

Номинальность (9), атрибутивная черта современного дискурса интеллигенции, способна, с одной стороны, ограничивать действие предыдущей черты, а с другой — выступать каналом дискурсивного расширения. Суждения Г. С. Кнабе о советском этапе истории интеллигенции как о заключительной фазе ее бытия, о несовместимости русской интеллигенции с современной цивилизацией²¹ не носят всеобъемлющего характера. Доказательством тому служит сама история человечества. Существуют содержательные синонимы понятия «интеллигенция» при номинальных различиях. Другими словами, интеллигенция как явление может присутствовать не только в рамках семиосферы русской культуры, но и в инокультурном пространстве под иным именем. Однако нельзя говорить о полной смысловой идентичности родственных понятий и унифицировать их многообразные проявления. Опираясь категориями, относящимися к дискурсивному пространству русской интеллигенции, невозможно адекватно понять значение «западного интеллектуала». Данное понятие находится в собственной знаковой системе, и раскрывать его сущность и специфику следует через призму семиосферы западной культуры. Расширение дискурса интеллигенции, попытка увидеть в сравниваемых явлениях нечто общее должны осуществляться посредством предельного абстрагирования и учета особенностей семиотического континуума, а не редуцирования и унификации его многообразных форм. Имя формально, вторично по отношению к означаемому явлению. Тем более, обращаясь ко времени появления в России термина «интеллигенция», нужно констатировать сознательное искажение ее первоначального

смысла. Можно утверждать, что другое название русской интеллигенции не изменило бы ее характера. Дискурс интеллигенции — это дискурс не только русской, но мировой интеллигенции.

Основным препятствием в процессе расширения дискурса интеллигенции выступает язык. В этом отношении показательно, что в английском языке слово *intelligence* имеет несколько значений: ум, интеллект; сведения, информация; служба разведки, а понятия «интеллигентность» не существует²². Как пишет Ю. М. Лотман, «мы погружены в пространство языка», «которое не просто обволакивает, но частью которого мы являемся и которое, одновременно, является нашей частью»²³. Неодинаковое языковое расчленение мира, зависящее от исторического развития, повседневной практики, среды обитания и др.²⁴, непосредственно влияет на номинально-содержательное раскрытие понятий. Это обстоятельство заставляет следовать совету платоновского Сократа: «не из имен нужно изучать и исследовать вещи, а гораздо скорее из них самих»²⁵.

Метод абстрагирования от конкретного идеологического содержания дискурса русской интеллигенции, предложенный Р. Пайпсом²⁶, применяет С. Броувер при выявлении типологических параллелей между культом карго жителей Новой Гвинеи и Меланезии, с одной стороны, и настроениями русской интеллигенции XIX века — с другой. Сходство обнаруживается в эсхатологизме, амбивалентном отношении к культуре своей и чужой, к самому себе как представителю этих двух культур²⁷.

В содержательном аспекте дискурс интеллигенции возникает уже в «осевое время» и связан с деятельностью философов в Китае, Индии и на Западе. По словам В. С. Меметова, «наступает качественно новая эра в истории Человечества с ее главной, движущей, интеллектуально-творческой силой, — интеллигенцией»²⁸. В один смысловой ряд выстраиваются такие понятия, как «пайдейя» (воспитанность), «дхарма» (моральный долг), «жэнь» (гуманность), «интеллигенция». Л. А. Келеман указывает на то, что китайское название конфуцианства — «жу цзя сюэ шо» в переводе означает учение школы ученых-интеллигентов²⁹. Не ограничиваясь этимологически, исследовательница ищет основания интеллигентности у Конфуция (концепция «благородного мужа»), Сократа (понятие «даймон»), а также в учениях Платона и

Аристотеля³⁰. Таким образом, «интеллигентность» как качество интеллигенции предстает одновременно в форме конкретно-действительного и абстрактно-всеобщего. Полагаем, идея интеллигенции сопровождает всю историю человечества начиная с «осевого времени». Каждая новая эпоха формулирует новые идеалы интеллигенции, создает собственную интеллигенцию, «припоминая» и адаптируя предшествующий опыт. Слово «интеллигенция» есть проводник идеи всемирного развития человеческого разума.

К утверждению цикличности, расширяемости дискурса интеллигенции приводит ход ее рассмотрения не только по вертикальной (от прошлого через настоящее в будущее), но и по горизонтальной (сосуществующие социокультурные континуумы) оси. В пространственном измерении тема стремится к бесконечности. Особенно тесно, на наш взгляд, «интеллигенция» коррелирует с понятием «интеллектуал». Проблема соотношения данных понятий является одной из ключевых в метаструктуре современного дискурса интеллигенции.

Условно можно выделить микро-, мезо- и макроуровень, которые задают стратегические направления расширения дискурса интеллигенции. Каждая из областей расширения дифференцируется по временному признаку.

На микроуровне дискурс интеллигенции соприкасается с многоаспектной проблемой личности, ее профессионального и духовного развития, исторической роли и реализуется главным образом через понятия «интеллигент», «интеллигентность».

Мезоуровень — уровень конкретного социума и его подсистем, позволяющий говорить о разнообразной национальной, профессиональной, региональной и др. интеллигенции (техническая, гуманитарная, русская, провинциальная и др.).

На макроуровне дискурс интеллигенции существует как метаязык всего человеческого сообщества, глобальный диалог мировой интеллигенции, касающийся фундаментальных, смысло-жизненных вопросов бытия. С этой точки зрения в дискурсе интеллигенции преломляется всемирная история человеческой мысли, а сам дискурс выступает общим делом включенных в него субъектов ради сохранения и совершенствования жизни на Земле. Выходом на макроуровень отличается методологическая позиция

Г. С. Смирнова, который, опираясь на работы В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Э. Леруа, Н. Н. Моисеева и др., видит в интеллигенции явление космопланетарного масштаба, фактор ноосферного развития. Геологически становление интеллигенции представляется как движение к точке Омега; физически она есть форма «духовного тяготения»³¹.

В глобальном смысле развитие личности, страны, мирового сообщества сводится к *интеллигентогенезу*, их становлению в качестве интеллигентных существ. На микро-, мезо- и макроуровне интеллигенция представляется как высшая ступень социозволюции. Всеобщая цель человечества — достижение качественно новой стадии *homo poesis* (человека сознающего, понимающего), сопоставимой с третьей планетарной бифуркацией — появлением коллективного разума³². Интеллигенция есть явление универсального порядка, внеклассовое, надпрофессиональное, наднациональное, надконфессиональное, надпартийное образование. По сути, именно интеллигентогенез имеет в виду зарубежный исследователь Х. Матиас, говоря об «интеллигентном дизайне» процесса эволюции ради сохранения всего человечества³³.

Смысловая поливариативность (10) в дискурсе интеллигенции также имеет субстанциональную природу. Наличие этой черты детерминировано многообразными проявлениями феномена интеллигенции, зачастую не поддающимися жесткой измерительной процедуре. Коннотативные и денотативные значения интеллигенции множественны в силу неоднозначности, заключенной в самом имени. По словам А. Ф. Лосева, имя есть смысловая, выражающая энергию сущности в модусе интеллигентной самоотнесенности, данная как арена общения факта со смыслом в себе, как смысловая встреча субъекта с его предметом³⁴. Единое определение, претендующее на полный охват смысловой нагрузки понятия, оказывается невозможным. Смысловая поливариативность проистекает как из субъективности, присущей каждому из участников дискурса, так и из контекстуальности, конкретных пространственно-временных условий его ведения. Идейная предыстория, официальная история, смысловые разрывы и искусственно-принудительные операции с данным понятием предопределяют многообъемность «интеллигенции», относительность и подвижность ее коннотативных значений. Указанные выше

уровни расширения дискурса интеллигенции позволяют говорить минимум о трех уровнях ее социокультурной объективации: личном, коллективном и глобальном. Идеальное, абстрактно-всеобщее содержание интеллигенции, раскрываемое при ее глобальном воплощении, постигается через синтез единичного и особенного, выявление стержневой линии развертывания смысловых многообразий. Во всеобщем значении интеллигенция как трансцендентная категория, обладающая единым императивным инвариантом, локализуется и онтологически укореняется в конкретном социокультурном поле, принимая различные модальные формы, не противоречащие, тем не менее, своей инвариантной сущности. Иными словами, в каждом проявленном модусе интеллигенции закреплена ее апофатическая сущность, «ибо последняя неизмеримее и глубже своего явления, и вся сущность целиком в нем присутствует, ибо только оно, это всегдашнее, повсеместное и всецелое присутствие, и может обеспечить явление в лике единой сущности»³⁵.

Дискурсу интеллигенции, составляющему его комплексу отдельных текстов присуща *символичность* (11), заданная символизирующими свойствами их смыслового ядра — понятия интеллигенции. В этом аспекте дискурс глубоко функционален, поскольку нагружен прошлым и нацелен на будущее. Он осуществляет социокультурную память, пронизывает синхронию и диахронию общества, играя роль «семиотического конденсатора»³⁶. Обусловленные социально-исторически частные тексты интеллигенции, имеющие собственные контексты, указывающие на них, содержат заданные проявления интеллигенции. Дешифруя отдельные модусы интеллигенции во всей текстовой совокупности, раскрывается ее единая сущность, латентно содержащаяся в каждом из проявлений. Множественность коннотативных и денотативных значений интеллигенции определяет высокую смысловую содержательность ее дискурса, который представляется как «единораздельная цельность»³⁷. В широком смысле дискурс интеллигенции в качестве метадискурса, дискурса дискурсов, символизирует собой всемирную эволюцию человеческой мысли, а сама интеллигенция сопоставима с Прометеем — символом прогресса цивилизации. Дискурс интеллигенции есть поле столкновения специфических социокультурных явлений, отдельных семиоти-

ческих континуумов, различных мировоззренческих и методологических установок. «Цельность» его осуществляется в первую очередь не формально, а диалектически, через «синтез изменчивости и постоянства, формы и содержания, тождественного и различного, одного и многого, подвижности и покоя, конечного и бесконечного»³⁸. С этой точки зрения он универсален, приемлем для любой семиосферы. Поэтому русская интеллигенция — это не «эталон», а отдельный модус интеллигенции как мирового явления, хотя на сегодняшний день номинально она часто ограничивает, затмевает собой сущность универсальную.

Символ, имея знаковую природу, способен не только отражать объективно данное, но и модельно порождать действительность. Смысл интеллигенции как символа не дан, а динамически задается контекстом, теоретизирующим субъектом. В этом заключается его, по сути, бесконечный потенциал, «демиургийная энергия»³⁹, так как в нем «основа и залог всех возможных творческих актов мысли»⁴⁰. Единство, постоянство, всеобщность интеллигенции реализуются через изменчивые, частные поливариативные проявления. В качестве символа интеллигенция выступает «отвлеченно-данной идейной образностью», содержащей в себе смысловую закономерность, порождающую вещи, оставляя при этом «нетронутой всю их эмпирическую конкретность»⁴¹. Несмотря на присущую интеллигенции иррациональность, ее символическая сущность вполне точная и имеет четкие границы, осмыслить которые можно только диалектически. Интеллигенция как символ, в единстве ее имени и сущности, рационального и чувственного в ее содержании, есть «смысловое круговращение алогической мощи непознаваемого, алогическое круговращение смысловой мощи познания»⁴². Таким образом, в символизирующем начале интеллигенции заложена диалектика ее инвариативной сущности и социокультурных объективаций, коннотативных и денотативных значений, номинации и внутреннего содержания.

Выявленные субстанциональные основания современной системы текстов интеллигенции позволяют глубже понять общий механизм процесса смыслопорождения интеллигенции, преодолеть произвольность и случайность в рассуждениях о ней, фрагментарность, разобщенность исследований. Перечисленные атрибутивные свойства дискурса интеллигенции служат базой для

адекватного прочтения существующего многообразия смыслов, объединения относительно автономных интерпретаций и построения единой метадискурсивной линии.

Примечания

- ¹ *Кондаков И. В.* К феноменологии русской интеллигенции // *Русская интеллигенция : история и судьба.* М., 2000. С. 65.
- ² *Лотман М. Ю.* Интеллигенция и свобода // *Россия / Russia.* М., 1999. Вып. 2 (10): *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология.* С. 122.
- ³ *Лихачев Д. С.* Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 6.
- ⁴ *Фурсов А. И.* Интеллигенция и интеллектуалы // *Кустарев А.* Нервные люди : очерки об интеллигенции. М., 2006. С. 49.
- ⁵ *Ницше Ф.* Веселая наука / пер. с нем. *М. Корневой, С. Степанова, В. Топорова.* СПб., 2007. С. 253.
- ⁶ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 106.
- ⁷ *Степанов Ю. С.* «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «жертва» // *Русская интеллигенция : история и судьба.* С. 16.
- ⁸ *Померанц Г.* Сон о справедливом возмездии // *Синтаксис.* 1980. № 6. С. 30.
- ⁹ *Сахаров А. Д.* Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. URL: http://www.yabloko.ru/Themes/History/sakharov_progress.html.
- ¹⁰ Определение Лапланша и Понталиса.
- ¹¹ *Яковенко И.* Россия. Интеллигенция. Революция // *Свободная мысль.* 1992. № 11. С. 34.
- ¹² Термин Ю. Кристевой.
- ¹³ Постмодернизм : энциклопедия. Мн., 2001. С. 333.
- ¹⁴ Там же. С. 334.
- ¹⁵ Термин М. Фуко.
- ¹⁶ *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 484.
- ¹⁷ *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996. С. 82.
- ¹⁸ *Лотман Ю. М.* Семиосфера. С. 147.
- ¹⁹ Термин Р. Барта.
- ²⁰ *Лотман М. Ю.* Интеллигенция и свобода. С. 148—149.
- ²¹ *Кнабе Г. С.* Перевернутая страница. М., 2002. С. 26, 49, 57.
- ²² *Мюллер В. К.* Новый англо-русский словарь. 8-е изд. М., 2001. С. 377.
- ²³ *Лотман Ю. М.* Семиосфера. С. 101.
- ²⁴ *Кравец А. С.* Понимание смысла социальной деятельности. Воронеж, 2008. С. 16.

- ²⁵ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 679.
- ²⁶ Pipes R. Russia under the old regime. London, 1995. P. 112.
- ²⁷ Броувер С. Парадоксы ранней русской интеллигенции (1830—1850-е гг.): национальная культура versus ориентация на Запад // Россия / Russia. С. 59—60.
- ²⁸ Меметов В. С. Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции / под ред. В. С. Меметова. Иваново, 2008. С. 24.
- ²⁹ Келеман Л. А. Философия интеллигентности. Ставрополь, 2006. С. 62.
- ³⁰ Там же. С. 46—49, 63.
- ³¹ Смирнов Г. С. Ноосферная история человечества как процесс коэволюции мировой интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. С. 356 — 357.
- ³² Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1990. С. 34.
- ³³ Matthias H. Gluckliches Osterreich. 2 Aufl. Wien, 2006. S. 61—63.
- ³⁴ Лосев А. Ф. Философия имени // Самое само : сочинения. М., 1999. С. 149—150. (У А. Ф. Лосева «интеллигентный» означает «самосознающий».)
- ³⁵ Лосев А. Ф. Философия имени. С. 140.
- ³⁶ Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 249.
- ³⁷ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 43.
- ³⁸ Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии : (критика и анализ). Ереван, 1980. С. 176.
- ³⁹ Лосев А. Ф. Философия имени. С. 104.
- ⁴⁰ Там же. С. 101.
- ⁴¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. С. 46—47.
- ⁴² Лосев А. Ф. Философия имени. С. 109.

А. К. Калинин

ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Особенностью современной научной жизни является широкая коммуникация в исследовательской среде. Большую роль в этом процессе играют традиционные формы обмена опытом: конференции, семинары и пространство специализированных журналов. Проблемы гуманитаризации образования, духовно-нравственного воспитания и интеллигентоведения нередко становятся предметом обсуждения на конференциях.

Отмеченные вопросы были рассмотрены и участниками Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Гуманитарные науки в современной школе: содержание, технологии, воспитательный потенциал», состоявшейся 22 апреля 2011 г. в Институте развития образования Ивановской области.

По мнению организаторов конференции, образование является одним из важнейших факторов интеграции в современном мире. В постиндустриальном обществе актуальной становится задача поиска универсального подхода к образованию на основе общечеловеческих ценностей, осмысления роли гуманитарной составляющей в современном образовательном процессе. В образо-

---

© Калинин А. К., 2011

Калинин Александр Константинович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Института развития образования Ивановской области.

вательном сообществе продолжается дискуссия о месте гуманитарного образования в современном российском социуме, его воспитательном потенциале и векторах будущего развития.

Целью конференции являлось обобщение результатов научных исследований и практической деятельности преподавателей вузов и учреждений начального и среднего профессионального образования, учителей школ, педагогов системы дополнительного образования, руководителей школьных музеев по осмыслению роли гуманитарных дисциплин в современной образовательной системе.

В конференции приняло участие свыше 100 ученых и педагогов из Иванова и Ивановской области, республики Башкортостан, Санкт-Петербурга, Краснодарского, Пермского краев, Тульской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской и других областей.

На 7 секциях и 2 круглых столах участники конференции обсуждали теоретико-методологические и методические проблемы преподавания социально-гуманитарных наук, психолого-педагогические аспекты современного образования, вопросы организации учебного процесса в отдельных гуманитарных дисциплинах. По материалам докладов подготовлен сборник.

В рамках конференции была организована выставка «Педагоги и педагогические династии Ивановского края» и работал круглый стол по этой проблеме.

Общие вопросы интеллигентоведения были рассмотрены в седьмой секции «Потенциал интеллигенции в развитии отечественного образования». Условно можно выделить два направления изучения интеллигенции, которые обсуждались на конференции. Первая сюжетная линия — это историко-биографические зарисовки. К ним можно отнести работы ивановских исследователей В. Ю. Барышникова и Д. А. Хавиной, Е. В. Пчелинцевой, С. И. Цейтлина, а также коллег из Санкт-Петербурга — Н. П. Гербылеву, Л. А. Моторину, В. Б. Ступак и Л. А. Юрковскую. Второе направление представлено материалами, затрагивающими теоретические основы жизнедеятельности интеллигенции. Это доклады О. К. Ефименко и А. К. Калинина (г. Иваново), а также Л. Н. Лопатина (г. Кемерово). С точки зрения разработки новейшей истории интеллигенции крайне интересна работа Леонида

Николаевича Лопатина, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории Кемеровской государственной медицинской академии, который в своем докладе рассмотрел полемический вопрос оценки исторической роли постсоветской интеллигенции в социальной революции 90-х годов XX века.

Несмотря на то что секция получилась небольшой по объему, она ясно показала, что проблемы формирования интеллигенции волнуют современных исследователей и педагогическую общественность.

На круглом столе «Российское дошкольное и начальное образование в контексте современного интеллигентоведения» рассматривались вопросы интеграции интеллигентоведческого научного аппарата в систему дошкольного и младшего школьного образования, обсуждались актуальные проблемы духовно-нравственного воспитания детей.

С точки зрения развития интеллигентоведения были представлены доклады заслуженного учителя РФ Галины Михайловны Богородской, Альбины Алексеевны Кабановой (МОУ Лухская СОШ, Ивановская область), Елены Николаевны Коноплиной (МОУ СОШ № 1, г. Иваново). Г. М. Богородская в своем выступлении, посвященном нравственным императивам советского учительства, подчеркнула непреходящее значение качественного морального воспитания как в подготовке педагогических кадров, так и в жизнедеятельности учителей. С ее мнением солидаризировались практически все участники круглого стола, близкие мысли высказывались и другими докладчиками (А. А. Кабановой, Е. Н. Коноплиной, Л. В. Щербак).

Круглый стол был специально организован для воспитателей дошкольных учреждений и учителей начальной школы с целью познакомить их с теоретическими новациями интеллигентоведения. Поэтому приятно было видеть, что многие интеллигентоведческие методические предложения давно приняты на вооружение педагогическим сообществом и находят свое практическое применение в воспитательной деятельности. В этом смысле полезным был материал, проанализированный Натальей Семеновной Старовой (МДОУ № 108, г. Иваново), Татьяной Евгеньевной Каргановой (МДОУ — центр развития ребенка № 10, г. Кинешма Ивановской области). Докладчики рассмотрели спе-

цифику духовно-нравственного воспитания детей в современной России, оценили роль семейной педагогики и культуры домашнего обучения в формировании гармонично развитой личности.

Таким образом, интеллигентоведение в настоящее время является сложившейся междисциплинарной наукой. Результаты теоретических поисков в области изучения интеллигенции играют положительную роль в гуманитаризации высшего образования. Интеллигентоведческий инструментарий может быть полезным в гуманитаризации образования и на первых уровнях образовательного процесса.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

АННОТАЦИИ

Каццола П. Гарибальди и Мадзини в воспоминаниях Герцена (Перевод *Н. В. Ревякиной*)

Ключевые понятия: А. И. Герцен, Гарибальди, Мадзини, республиканцы, король, единство Италии.

Статья посвящена 150-летию юбилею со дня объединения Италии. Показано восприятие А. И. Герценом героев национально-освободительного движения Италии Гарибальди и Мадзини.

Аржаных Т. Ф. Отечественная интеллигенция 1830—50-х годов: особенности социального статуса и поведенческой парадигмы

Ключевые понятия: социальный статус, поведенческая парадигма, дворянская интеллигенция, управленческая бюрократия, функциональная принадлежность, интеллигентская рефлексия, сфера общественной самоорганизации, традиционная и органическая интеллигенция.

Анализируются социально-политические и культурно-психологические факторы, повлиявшие на облик отечественной интеллигенции 1830—50-х гг. Выявляется специфика формирования и становления интеллигенции «николаевской» эпохи в контексте особенностей мировоззрения российского дворянства и групповой самоидентификации интеллектуалов, интеллигентской рефлексии в культурно-системных группах литературной, художественной и научно-философской направленности. Замыкание интеллигенции внутри многослойной гуманитарно-художественной

сферы рассматривается в ракурсе оппозиции личности оказанной действительности и государственно-административному формализму.

Смирнова О. А. «Собрание экономистов» как опыт социальной активности научной интеллигенции в России на рубеже XIX—XX столетий

Ключевые понятия: «Собрание экономистов», научная интеллигенция, общественная полемика, финансово-экономический курс, экономическая политика правительства, протекционизм, фритредерство.

Представлена характеристика процесса становления и деятельности «Собрания экономистов» как одного из авторитетных российских научных обществ рубежа XIX—XX вв., стремившегося вступить в конструктивный диалог с властью по вопросам выработки эффективной экономической политики. Дается обзор основных направлений деятельности Собрания, а также раскрывается содержание научных дискуссий, разворачивавшихся в ходе его заседаний.

Волков В. С. Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов

Ключевые понятия: интеллигенция, советское учительство, школьное и внешкольное образование, политические репрессии.

Проанализированы дискуссии по вопросам образования, школьных программ в 1917—1930 гг. Освещена полемика между специалистами по методике преподавания естествознания. Приведены материалы о политических репрессиях против педагогической интеллигенции.

Кузьмина В. М. Формы участия творческой интеллигенции в социально-экономической жизни советского общества на этапе форсированной индустриальной модернизации

Ключевые понятия: индустриальная модернизация, советское руководство, творческая интеллигенция, формы участия в социалистическом строительстве.

Рассматриваются различные формы участия творческой интеллигенции в социально-экономической жизни страны в период индустриальной модернизации 1920—30-х годов. Анализируются экономические и политические методы советского правительства, связанные, в первую очередь, с консолидацией населения на решении основных задач индустриальной модернизации, а также формированием нового типа челове-

ка, чья жизнь и деятельность направлена на социалистическое созидание во имя процветания советского государства. Освещается роль творческой интеллигенции в решении этих задач.

Комиссаров В. В. Интеллигенция и фантастика под партийно-идеологическим контролем в 1960—80-е годы

Ключевые понятия: научная фантастика, советская интеллигенция, цензура, партийные органы.

Рассматривается влияние партийно-государственной цензуры на издательскую политику в научно-фантастическом жанре в 1960—80-е гг., исследуются формы и методы контроля, анализируется эволюция цензурных приемов. Особое внимание уделяется публикациям произведений братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких, И. А. Ефремова, А. Кларка.

Уваров И. А. Рождение военной интеллигенции России (Пажеский корпус)

Ключевые понятия: военно-учебные заведения, Пажеский корпус, армия, обучение, государственная служба, интеллигенция, деятели культуры.

Показывается становление специфической группы (слоя) интеллигенции — военной интеллигенции. Достаточно подробно описана история развития самого первого военно-учебного заведения, дающего широкую гуманитарную подготовку, — Пажеского корпуса. Отмечены роль и место офицеров разного уровня среди российской интеллигенции XIX в.

Костриков С. П. П. И. Шелков — организатор коммерческого и управленческого образования

Ключевые понятия: П. И. Шелков, управленческое образование, коммерческое образование, Государственный университет управления.

Освещается жизнь и деятельность П. И. Шелкова — видного организатора российского коммерческого и советского финансово-экономического и управленческого образования, одного из создателей и руководителей Московского промышленно-экономического института, ставшего предшественником Государственного университета управления.

Волкова Т. И. Роль земской либеральной интеллигенции в изменении исторического облика российской провинции

Ключевые понятия: культурные контакты, земство, система культурной коммуникации, культурная среда, просветительные учреждения, народные библиотеки.

Реконструированы взгляды и подходы земской либеральной интеллигенции на процесс создания новой культурной среды в России в конце XIX — начале XX столетия. Дается анализ деятельности земств по формированию нового культурного облика провинции, повышению уровня грамотности крестьян, созданию системы культурной коммуникации.

Костякова Ю. Б. Вклад советской интеллигенции в формирование лидеров общественного мнения в 1930-е годы (на примере Хакасии)

Ключевые понятия: идеология, лидеры общественного мнения, история Хакасии, средства массовой информации, интеллигенция.

Исследуется процесс и выявляются особенности формирования в 1930-е гг. в Хакасии лидеров общественного мнения, принимавших активное участие в агитационно-пропагандистской работе. Определяются основные причины, обусловившие необходимость создания механизмов подавления влияния и деятельности «неформальных» лидеров общественного мнения и выдвижения «формальных» лидеров. Раскрываются противоречия исследуемого процесса, выявляется позитивный опыт, проводятся исторические параллели. Приводится авторская классификация лидеров, анализируется их деятельность и реализация функций в условиях Хакасии как национального региона.

Федотов А. А. Роль научной интеллигенции в формировании гражданского общества в современной России (на примере Ивановской области)

Ключевые понятия: научная интеллигенция, гражданское общество, Россия, Ивановская область.

Рассматривается роль научной интеллигенции в современной России в реализации проектов в научной, социальной, общественной и религиозной сферах, способствующих формированию гражданского общества.

Ишимская Е. В. Субстанциональные основания современного дискурса интеллигенции

Ключевые понятия: интеллигенция, текст, дискурс, атрибутивные свойства.

Рассматриваются основные атрибутивные свойства системы текстов интеллигенции. Представлена попытка построения единой мета-дискурсивной линии, адекватного прочтения смыслового многообразия современного дискурса интеллигенции.

ANNOTATIONS

Kazzola P. To the 150th anniversary of Italy unification. Garibaldi and Mazzini in Herzen's memoirs (Translation by *N. V. Revyakina*)

Key-words: A. I. Herzen, Garibaldi, Mazzini, republicans, king, unity of Italy.

The article is devoted to the 150th anniversary of Italy unification. Herzen's perception of heroes of national liberation movement in Italy — Garibaldi and Mazzini is shown in the article.

Arzhanyh T. F. Russian intelligentsia of 1830—1850-s: peculiarities of social status and behavioral paradigm

Key-words: social status, behavioral paradigm, intelligentsia of the nobility, managerial bureaucracy, functional membership, intelligentsia's reflection, sphere of social self-organization, traditional and organic intelligentsia.

The article analyzes socio-political and cultural-psychological factors that influenced the image of Russian intelligentsia of 1830—1850-s. The author analyzes the specific character of intelligentsia's formation and coming into being in «Nikolai époque» in the context of peculiarities of the Russian nobility's outlook and of the intellectuals' group self-identification of intelligentsia's reflection in the cultural systemic groups of literature, art and science philosophical direction. Locking of intelligentsia inside the multilayer of the human art sphere is regarded in the light of a personality's opposition of the bureaucratic reality and state administrative formalism.

Smirnova O. A. «Meeting of economists» as an experience of social activity of scientific intelligentsia in Russia in the end of the 19th — beginning of the 20th centuries

Key-words: «Meeting of economists», scientific intelligentsia, social polemic, financial economic course, economic policy of government, protectionism, free-trade.

The article gives the characteristics of the process of coming into being and activity of «Meeting of economists» as one of the authoritative Russian

scientific societies in the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. This scientific union became the form of manifestation of scientific intelligentsia's social activity that was connected with its efforts to make up a constructive dialogue with authority to discuss the problems of creating effective economic policy. The article reviews the main directions of activity of the Meeting and shows the context of scientific discussions during the Meeting.

Volkov V. S. Discussions of the problems of education and the destinies of their teachers-participants in the 1920-s

Key-words: intelligentsia, Soviet teachers, school and adult education, political repressions.

The discussions of educational problems, school programs in 1917—1930 are analyzed in the article. The polemic between specialists in methodology of natural science is shown. The materials about political repressions against pedagogical intelligentsia are given.

Kuzmina V. M. Forms of creative intelligentsia's participation in social-economic life of the Soviet society in the period of the forced industrial modernization

Key-words: industrial modernization, Soviet government, creative intelligentsia, forms of participation in the socialistic building.

The article shows different forms of creative intelligentsia's participation in social-economic life of the country in the 1920—1930s. This is the time of industrial modernization. It was possible to implement the given plans of the Soviet government by both economic and political methods and non-economic ones connected both with consolidation of population in solving the main problems of industrial modernization and with the new type of the Soviet person formation whose life and activity is aimed at socialistic creation for the purpose of prosperity of the Soviet government. The creative intelligentsia was solving these very problems.

Komissarov V. V. Intelligentsia and science fiction under the Party ideological control in the 1960—80s

Key-words: science fiction, Soviet intelligentsia, censorship, Party organs.

The article shows the influence of the Party government censorship on the publishing policy in the genre of science fiction in the 1960—1980s. The forms and methods of control are studied. The evolution of censorship methods is analyzed. Much attention is given to the publications by A. N. and B. N. Strugatsky brothers, I. A. Efremov, A. Klark.

Uvarov I. A. Appearance of military intelligentsia in Russia
(Page block)

Key-words: military educational institutions, Page block, army, education, state service, intelligentsia, culture figures.

The article shows the coming into being of the specific group (layer) of intelligentsia — military intelligentsia. The history of development of the first military educational institution that gave the vast humanitarian training — Page block — is shown in details. The role and place of officers of different levels among Russian intelligentsia of the 19th century are stressed.

Kostrikov S. P. P. I. Shelkov — organizer of commercial and managerial education

Key-words: P. I. Shelkov, managerial education, commercial education, State university of management.

The life and activity of P. I. Shelkov — a well-known organizer of Russian commercial and Soviet financial-economic and managerial education, one of the creators and leaders of Moscow industrial economic institute that was the predecessor of the State university of management are analyzed in the article.

Volkova T. I. The role of liberal intelligentsia of zemstvo in the change of historical image of Russian province

Key-words: cultural contacts, zemstvo, system of cultural communication, cultural environment, educational institutions, public libraries.

The article reconstructs the views and approaches of liberal intelligentsia of zemstvo on the process of creation of a new cultural environment in Russia in the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. The analysis of activities of zemstvo about the formation of a new cultural image of a province, the increase of the peasants' level of literacy and the creation of the cultural communication system are analyzed in the article.

Kostyakova Yu. B. The contribution of the Soviet intelligentsia to the formation of the public opinion leaders in the 1930-s (by the example of Khakas region)

Key-words: ideology, public opinion leaders, history of Khakas region, mass media, intelligentsia.

The article studies the process and shows the peculiarities of the formation of the public opinion leaders in Khakas region in the 1930-s that took

active part in the agitate-propagandistic work. The author defines the main reasons that caused the necessity of creation of mechanisms of suppress of influence and activity of «non-formal» public opinion leaders and nomination of «formal» leaders. She shows the contradictions of the studied process, defines the positive experience, gives the historical parallels. The article gives the author's classification of the leaders, analyzes their activity and realization of functions in the conditions of Khakas as a national region.

Fedotov A. A. The role of scientific intelligentsia in the formation of civil society in present-day Russia (by the example of Ivanovo region)

Key-words: scientific intelligentsia, civil society, Russia, Ivanovo region.

The author takes Ivanovo region as an example of showing the role of scientific intelligentsia in the formation of civil society in present-day Russia. The realized projects in the scientific, social, public and religious spheres are mentioned by the author.

Ishinskaya E. V. Substantial basis of contemporary discourse of intelligentsia

Key-words: intelligentsia, text, discourse, attributive properties.

The article shows an attempt to reveal substantial basis of contemporary discourse of intelligentsia. For creation of a single meta-discourse line, adequate understanding of variety of sense it is important to analyze the main attributive properties of the system of intelligentsia's texts.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2011 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 12.09.2011 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,3. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

**ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ**

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России.

E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб.
Книги будут Вам высланы наложенным платежом
с учетом стоимости упаковки и пересылки.